ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

44
2026
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 44 (647) / 2026

Издается с декабря 2008 г. Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

© ООО «Издательство «Молодой ученый», 2026

Международный редакционный совет:
Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Александр Алексеевич Боровков (1931–2026), советский и российский математик, академик Российской академии наук, лауреат Государственной премии СССР, премии имени А. А. Маркова, премии имени А. Н. Колмогорова.

Александр Алексеевич Боровков родился в Москве в семье авиаконструктора. Атмосфера дома, где ценились точность и инженерное мышление, во многом предопределила его будущий путь в науку. С ранних лет Александр проявлял живой интерес к логике и числам: ему нравилось не просто получать ответы, а понимать, как они выводятся, искать закономерности и проверять их на прочность.

Школьные годы ученого пришлись на Великую Отечественную войну и послевоенное время, когда страна остро нуждалась в сильных технических кадрах. Боровков учился с увлечением и особенно выделялся в математике. Учителя отмечали его способность видеть за формулами суть и находить нестандартные подходы к задачам. Эта привычка искать глубинные связи позже стала одной из отличительных черт его научного стиля.

В 1948 году Александр поступил на механико-математический факультет МГУ и попал в среду, где наука была не просто профессией, а образом жизни. Уже в студенческие годы Боровков начал серьезно интересоваться теорией вероятностей — областью, которая сочетает в себе глубокую математическую строгость и широкие прикладные возможности.

После окончания МГУ в 1954 году с отличием Боровков был направлен в спецгруппу на мехмате, связанную с закрытыми подразделениями дешифровки. В аспирантуре его научным руководителем стал Андрей Николаевич Колмогоров, один из крупнейших математиков XX века и основоположник аксиоматического подхода к теории вероятностей. Под его руководством Боровков занялся асимптотикой распределений в граничных задачах для случайных блужданий — проблемой, которую впоследствии блестяще решил.

В 1958 году он защитил кандидатскую диссертацию, а в 1963 году — докторскую на тему «Граничные задачи для случайных блужданий».

Ключевым поворотом в его судьбе стал переезд в Сибирь. По рекомендации Колмогорова Боровков отправился в Академгородок в Новосибирске, который в те годы только начал формироваться. С 1960 года он начал работать в Институте математики имени С. Л. Соболева СО АН СССР, где с 1961 по 2003 год возглавлял отдел (позже лабораторию) теории вероятностей и математической статистики.

Боровков внес огромный вклад в популяризацию и систематизацию знаний. Его учебники «Теория вероятностей» и «Математическая статистика» стали классическими пособиями для студентов и аспирантов.

Среди важнейших научных достижений Боровкова — разработка аналитического метода, основанного на факторизационных представлениях преобразований Фурье — Лапласа и асимптотическом анализе в комплексной области. Этот метод позволил получить новые теоремы о больших уклонениях, асимптотических разложениях и поведении случайных процессов. Его результаты нашли применение в теории массового обслуживания, анализе сетей передачи данных и других прикладных областях.

Александр Алексеевич был не только исследователем и педагогом. Он основал журналы Siberian Advances in Mathematics и «Математические труды» и более 20 лет руководил их изданием. Также он входил в редколлегии ведущих научных журналов и руководил диссертационным советом, помогая молодым ученым делать первые шаги в науке.

За свои заслуги Боровков удостоен множества наград, включая Государственную премию СССР, премию Правительства Российской Федерации, премии имени А. Н. Колмогорова и А. А. Маркова РАН, а также ордена «Знак почета», Дружбы народов и «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

Ученый скончался 14 мая 2026 года в возрасте 95 лет. Похоронен на Южном кладбище Новосибирска.

Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

МАРКЕТИНГ, РЕКЛАМА И PR

Asonganyi Arshly Ngulefac
The role of project management principles in improving the effectiveness of communication campaigns 141

Захарова Т. С.
Почему мы переплачиваем за бренды 143

Paykova K. O., Roganina S. D.
Micro-exploration of short videos: reconstruction of the theory of engagement in the context of Reels 146

Петрова Е. Е.
Модель медиакоммуникаций для продвижения инженерного образования в интерактивном цифровом мире поколения Z 151

Prudchenko O. D., Samusenko A. S.
How a brand mascot becomes an independent character with an audience of its own 158

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Андрющенко Е. Р.
Особенности и проблемы использования специальных знаний при осмотре места происшествия по делам о корыстно-насильственных преступлениях 161

Ахметзянова А. А.
Современные особенности правового регулирования сферы культуры в Российской Федерации: цели, задачи, уровни, методы и инструменты 164

Базяк А. С.
Государственная регистрация актов гражданского состояния: понятие и виды 166

Барцев В. В.
Заключение гражданско-правового договора с использованием цифровых технологий 169

Белялов Р. М.
Проблема понятия и сущности категории «интерес» в семейных правоотношениях 174

Березин Н. А.
Особенности законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования 177

Березин Н. А.
Компенсация вреда, причинённого окружающей среде в результате нарушения законодательства: практика применения 179

Бондаренко А. Д.
Развитие правовых инструментов устойчивого оборота недвижимости в прибрежной зоне 182

Бондаренко А. Д.
Прибрежная зона как территория с особыми условиями использования: ограничения прав и гарантии собственников 184

Борисов М. А.
Организационные механизмы и процедуры, направленные на предупреждение коррупционных правонарушений в РФ 186

Борисов М. А.
Организационные основы противодействия коррупции в деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления 193

Борисов М. А.
Правовые средства противодействия коррупции в системе государственной и муниципальной службы 199

Борщ И. Д.
Понятие и сущность денежного обращения как объекта уголовно-правовой охраны 206

Булавка Д. С.
Реформирование законодательства о местном самоуправлении 208

МАРКЕТИНГ, РЕКЛАМА И PR

The role of project management principles in improving the effectiveness of communication campaigns

Asonganyi Arshly Ngulefac, master's student
Scientific advisor: Belonozhko Lidiya Nikolaevna, candidate of sciences in sociology, associate professor
Tyumen Industrial University

Communication campaigns are widely used by organizations to raise awareness, influence public attitudes, promote products and services, and strengthen relationships with stakeholders. However, the success of a campaign depends not only on the quality of its messages but also on how effectively its activities are planned, coordinated and evaluated. This article examines the role of project management principles in improving the effectiveness of communication campaigns. It focuses on goal setting, stakeholder engagement, resource allocation and teamwork. The study is based on a review and analysis of relevant literature, including publications from the Project Management Institute (PMI), the Association for the Measurement and Evaluation of Communication (AMEC), and academic research on communication management.

Keywords: *project management, communication campaigns, public relations, stakeholder engagement, strategic communication, campaign effectiveness, evaluation.*

1. Introduction

In practice, communication campaigns are sometimes judged mainly by their visibility. A campaign that receives thousands of social media views attracts media attention or produces a large number of publications may be considered successful. However, visibility alone does not necessarily mean that the campaign has achieved its intended purpose. People may see a message without understanding it, or they may understand it without taking the action expected by the organization [1].

This raises an important question: how can organizations ensure that communication campaigns are not only creative and visible but also properly managed and effective?

One possible approach is to apply principles from project management. A communication campaign has many characteristics of a project. It normally has a defined objective, a specific duration, a budget, a team, stakeholders and expected results. It also involves decisions about resources, schedules, responsibilities and potential risks.

The Project Management Institute (PMI) identifies several principles that support effective project delivery, including stakeholder engagement, teamwork, value creation, risk management, adaptability and quality [6]. These principles are relevant to communication campaigns because they address many of the organizational challenges that arise during campaign planning and implementation.

Communication campaigns have characteristics that distinguish them from some other types of projects. Their outcomes depend heavily on human attitudes, perceptions and behavior. Unlike producing a physical object, communication does not always produce an immediate or easily measurable result. This makes continuous monitoring, audience feedback and evaluation especially important [5].

2. The Relationship Between Project Management and Communication Campaigns

Project management, on the other hand, provides an approach to organizing work in order to achieve defined objectives while managing resources, responsibilities, time and uncertainty [3].

Project management helps address these problems by connecting individual tasks with the campaign's broader purpose [3].

An important principle is that project management should be adapted to the specific needs of the work. According to the Project Management Institute, applying the same management approach to every project is not appropriate because projects differ in complexity, resources and objectives [7]. This principle of tailoring is particularly relevant to communication campaigns.

Therefore, applying project management principles does not mean introducing unnecessary procedures. It means selecting management practices that help the campaign achieve its objectives.

Research by Noar also supports the importance of an integrated approach to communication campaigns. His Audience–Channel–Message–Evaluation framework explains that decisions about audiences, communication channels, messages

and evaluation are connected. A change in one element may influence the others [5].This relationship suggests that communication effectiveness depends not only on the quality of individual activities but also on how well they work together

3. Project Management Principles and Their Contribution to Campaign Effectiveness

3.1. Clear Objectives and Strategic Planning

One of the most important contributions of project management is the establishment of clear objectives before implementation begins. A campaign may involve many activities, but these activities should all contribute to a defined result.

For example, an organization may state that it wants to improve its reputation. Although this is a reasonable goal, it is difficult to determine whether the campaign has succeeded without specifying what improvement means.

A more useful objective would identify the intended audience, the expected change and the period within which the change should occur. The organization might aim to increase positive perceptions among a particular audience by a measurable percentage over six months.

The AMEC Integrated Evaluation Framework emphasizes that communication objectives should be connected to organizational objectives and supported by measurable indicators [2].

This connection is important because a communication campaign should contribute to something beyond the production of communication materials. For example, a company may want to increase customer trust, while a university may want to improve participation in academic activities.

However, planning should not become so rigid that the campaign cannot respond to new information. Objectives provide direction, but implementation methods may need to change when circumstances change [7].

3.2. Stakeholder Engagement and Audience Understanding

Stakeholder engagement is another project management principle that contributes directly to communication effectiveness.

A stakeholder is an individual or group that can influence a project or be affected by its activities or results. In communication campaigns, stakeholders may include management, employees, customers, media organizations, external partners and the target audience [6].

Different stakeholders have different expectations and levels of influence. For example, an organization's management may be concerned with the campaign budget and its contribution to strategic goals, while the target audience may be more interested in whether the information is useful, understandable and relevant.

Turkulainen, Aaltonen and Lohikoski, in their study of stakeholder communication during the Qstock Festival project, found that communication practices vary across the project life cycle and according to stakeholder characteristics [8]. Their findings highlight the importance of adjusting communication approaches rather than treating all stakeholders in the same way.

This is particularly relevant to public relations, where communication is closely connected to relationship building.

The Centers for Disease Control and Prevention (CDC) recommends developing communication products based on the needs of intended audiences and checking whether materials are understandable and appropriate before distributing them widely [4].

For example, a university campaign encouraging students to attend scientific events may initially focus on the academic benefits of participation. However, student feedback might reveal that the main barriers are inconvenient schedules or unclear registration procedures.

4. The Role of Monitoring and Evaluation in Campaign Effectiveness

One of the strongest arguments for applying project management principles to communication campaigns is the importance they place on monitoring progress and evaluating results.

A campaign should not be considered successful simply because all planned activities were completed. Publishing twenty social media posts, organizing three events or distributing thousands of posters demonstrates that work was carried out, but it does not necessarily show that the intended audience was influenced.

The Association for the Measurement and Evaluation of Communication (AMEC) emphasizes the importance of distinguishing between communication outputs, audience responses, outcomes and organizational impact [1].

Outputs refer to the communication materials and activities produced, such as advertisements, social media publications and media coverage. Out-takes concern the audience's initial responses, including attention, understanding and engagement. Outcomes involve changes in attitudes, intentions or behavior, while impact concerns the broader contribution of communication to organizational objectives [1].

This distinction is important because organizations sometimes focus on indicators that are easy to measure rather than those that best represent campaign success.

For example, suppose a university launches a campaign encouraging students to participate in scientific conferences. The campaign reaches 15,000 people through social media and generates a large number of reactions. These figures provide useful information about exposure and engagement.

However, if the main objective is to increase student participation, the number of registrations and actual attendees would be more directly relevant.

Evaluation should therefore begin with the campaign objectives. Once the expected results have been identified, the communication team can select appropriate Key Performance Indicators (KPIs) [2].

Quantitative methods, such as registration records, website analytics and surveys, can help measure changes in awareness, engagement and participation. Qualitative methods, including interviews and open-ended feedback, can provide explanations for the results.

This information allows the organization to understand not only what happened but also why it happened.

Noar argues that evaluation should be integrated throughout communication campaign design and implementation rather than treated as a separate final activity [5]. This includes research before the campaign, monitoring during implementation and assessment of outcomes afterward.

The same approach is supported by AMEC's Integrated Evaluation Framework, which connects communication planning with performance measurement [1, 2].

Nevertheless, evaluation also has limitations. Changes in audience behavior may be influenced by external factors, and it is not always possible to establish that a communication campaign alone caused a particular result.

For this reason, evaluation should avoid making unsupported claims about campaign impact. Instead, it should present available evidence, acknowledge limitations and identify lessons for future communication activities.

References:

1. Association for the Measurement and Evaluation of Communication. AMEC Integrated Evaluation Framework. — Text: electronic. — URL: https://amecorg.com/amecframework/ (date of access: 25.10.2026).
2. Association for the Measurement and Evaluation of Communication. Planning: AMEC Integrated Evaluation Framework. — Text: electronic. — URL: https://amecorg.com/amecframework/home/supporting-material/planning/ (date of access: 25.10.2026).
3. Bing, J. A. Principles of Project Management // PM Network. — 1994. — Vol. 8, № 2. — P. 38, 41. — Text: electronic. — URL: https://www.pmi.org/learning/library/pm-project-management-principles-3400 (date of access: 25.10.2026).
4. Centers for Disease Control and Prevention. Developing Effective Communication Products (Quick Check). — Text: electronic. — URL: https://www.cdc.gov/ccindex/tool/develop.html (date of access: 25.10.2026).
5. Noar, S. M. An Audience–Channel–Message–Evaluation (ACME) Framework for Health Communication Campaigns // Health Promotion Practice. — 2012. — Vol. 13, № 4. — Text: electronic. — URL: https://doi.org/10.1177/1524839910386901 (date of access: 25.10.2026).
6. Project Management Institute. 12 Principles of Project Management. — 2021. — Text: electronic. — URL: https://www.pmi.org/-/media/pmi/documents/public/pdf/pmbok-standards/12-project-management-principles.pdf (date of access: 25.10.2026).
7. Project Management Institute. One Size Does Not Fit All: Choosing the Right Project Approach. — 2014. — Text: electronic. — URL: https://www.pmi.org/learning/library/choosing-right-project-approach-9346 (date of access: 25.10.2026).
8. Turkulainen, V., Aaltonen, K., Lohikoski, P. Managing Project Stakeholder Communication: The Qstock Festival Case // Project Management Journal. — 2015. — Vol. 46, № 6. — Text: electronic. — URL: https://doi.org/10.1002/pmj.21547 (date of access: 25.10.2026).

Почему мы переплачиваем за бренды

Захарова Таисия Сергеевна, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

Данная тема является для меня особенно актуальной, поскольку я — девушка, которая всегда уделяла большое внимание своему внешнему виду, искренне любила красиво и стильно одеваться, не жалела денежных средств на обновление гардероба и часто отдавала предпочтение известным брендам. Однако в последнее время я всё чаще стала задумываться: а почему, собственно, мы так много переплачиваем именно за бренды?

Для начала нужно разобраться, что означает слово «бренд», чтобы в дальнейшем начать анализировать выбранную мною тему для исследования.

По определению знаменитого маркетолога Ф. Котлера, «бренд — это название, термин, символ или дизайн (либо комбинация всех этих понятий), обозначающие определенный вид товара или услуги отдельно взятого производителя (либо группы производителей) и выделяющие его среди товаров и услуг других производителей» [1].

Таким образом, понятие «бренд» выходит далеко за рамки простого названия или логотипа. Как подчёркивает Ф. Котлер, бренд — это уникальный идентификатор, который позволяет выделить товар или услугу среди множества аналогов на рынке. Именно эта уникальность формирует у потребителя определённые ожидания, ассоциации и доверие.

Но также стоит отметить, что понятие «бренд» в целом можно разделить на два условных сегмента:

1. Экономико-правовой;
2. Психологический.

Первое — это все, подлежащее правовой защите, — название, логотип, товарный знак и множество визуальных и аудиоэлементов (шрифты, дизайн и т. д.). Психологический же подход представляет собой совокупность информации, образов, имиджа, репутации компании или продукта, которые сохраняются в глазах и памяти поку-

пателя. В мире современной экономики и товарного производства именно бренд формирует почти половину, а порой и 2/3 стоимости товара. И именно за бренд мы платим в первую очередь [2] — именно так считает Годованец Алиса Алексеевна.

О. В. Штеер указывает в своей научной работе, что в структуре бренда чаще всего выделяют следующие основные составляющие:

– имя (brand name) (основной элемент идентификации, словесная часть марки);

– дескриптор (подпись к торговой марке, разъяснение функциональности обладателя бренда (то, чем она занимается). Например, «La Creme, клуб красоты»);

– слоган (короткая фраза, выражающая суть философии бренда, делающая его уникальным в глазах потребителя);

– система визуальной и вербальной идентификации (товарный знак, фирменный стиль, упаковка, специальные звуки и т. д.);

– коммуникационные носители, отражающие и транслирующие идею бренда (СМИ, наружная, внутренняя, транзитная реклама, директ-мейл и др.) [3].

Так, можно сделать вывод, что именно гармоничное сочетание всех этих составляющих позволяет бренду выйти далеко за рамки простого названия или логотипа и стать по-настоящему мощным инструментом на рынке. Бренд, выстроенный как целостная система, способен не только дифференцировать продукт или услугу среди множества конкурентов, но и формировать у потребителя устойчивое чувство доверия.

К тому же, стоит выделить классификацию брендов.

1. Классификация по типу объектов для брендинга. В ней все бренды делятся на шесть основных видов:

1) Товарный бренд. Самый распространенный и наиболее наглядный вид брендов, так как традиция давать запоминающиеся названия товарам, а также сопровождать их яркой упаковкой, появилась довольно давно. С ними потребители встречаются повсеместно и практически ежедневно.

2) Бренд услуги. По аналогии с товарными марками существуют такие же в сфере услуг. В то же время это наиболее естественный вид брендов, так как сервисы, в отличие от товаров, не обладают физической оболочкой и являются в чистом виде набором ожиданий потребителей, которым провайдеры придают требуемые для конкретного наименования ассоциативные связи.

3) Бренд организаций или корпоративный бренд. Любая коммерческая или некоммерческая структура для достижения своих целей также нуждается в создании узнаваемого имени. Правда, у данного вида есть свои особенности. Специфика состоит в том, что нередко корпоративные бренды нацелены не только на аудитории потребителей, но и на другие заинтересованные группы людей, которые окружают организации. В этой связи появились даже специализированные разновидности корпоративных брендов, которые вместе формируют целую систему. Одним из ярких примеров подобного дробления является концепция HR-бренда, целевой аудиторией которого являются сотрудники организации.

4) Персональный бренд. Во все времена существовали публичные персоны, чей род занятий подразумевал определенную популярность в широких массах людей. Это актеры, певцы, музыканты, спортсмены, политики и прочие общественные деятели. С развитием медийной среды они также стали применять технологии брендинга для собственного продвижения.

5) Событийный бренд. Регулярно проводимые мероприятия, такие как фестивали, спортивные соревнования, выставки, также прибегают к инструментам создания и управления брендами для собственного маркетинга.

6) Территориальный бренд. Увеличение туристических потоков и разнообразие форматов поездок заставили страны, города, курорты и даже отдельные достопримечательности также активно конкурировать за привлечение туристов. Помогают им в этом инструменты построения брендов.

2. Классификация по типу продвигаемых продуктов. Уже из предыдущего перечня вариантов брендов видно, что к ним прибегают практически все, кому важно отличаться, чтобы успешно конкурировать на рынке предложений. Поэтому нет ничего удивительного в том, что технологии брендинга, которые по своей сущности созданы для применения на широких аудиториях, стали перенимать и узконаправленные продукты. К данной классификации относятся:

1) Потребительский бренд. Так обозначают брендированные товары и услуги, рассчитанные на широкие массы потребителей.

2) Промышленный бренд или B2B-бренд. Профессиональная аудитория клиентов также желает взаимодействовать с громкими именами, которые известны и респектабельны на рынке.

3) Высокотехнологичный бренд. В наше время инноваций и быстрого прогресса отдельные технологии также получают собственные названия и набор ассоциативных атрибутов. Особенность подобных брендов заключается в том, что реципиентов выгод от их раскрутки может быть несколько.

3. Классификация по типу территориального присутствия. По тому, на каких пространствах бренды являются таковыми, их можно поделить на следующие виды:

1) Локальный (местный) бренд. Популярен и имеет силу на очень ограниченных территориях определенной местности.

2) Региональный бренд. Существует в одном или нескольких регионах одной страны.

3) Национальный (федеральный) бренд. Таковым можно назвать марку, известную и приобретаемую потребителями, проживающими на территории не менее 90 % площади всей страны.

4) Мультинациональный (международный) бренд. Вы встретите его и его лояльных потребителей далеко не в одной стране.

4. Классификация по расположению в иерархии портфеля брендов.

1) Материнский бренд. Главный носитель функциональных и эмоциональных ценностей, на основе которого возникают производные бренды (суббренды).

2) Зонтичный бренд. Предполагает использование сразу в нескольких категориях, когда под одним брендом существуют товары совершенно разного назначения, но объединенные общими потребительскими ценностями.

3) Суббренд. Возникает как производный от материнского и несет аналогичные ему базовые атрибуты, но в названии имеет расширение в виде добавленных слов [4].

Далее я бы хотела выделить ряд наиболее важных функций. О. В. Штеер отмечает, что бренд представляет собой систему внешних признаков (в первую очередь это имя и визуальный символ), выполняющих в своей совокупности следующие ключевые функции:

1. Первая инструментальная функция бренда: идентификация (узнавание, распознавание, совпадение по признакам) товаров и услуг.

2. Вторая инструментальная функция бренда: дифференциация (отличие) товаров или услуг.

3. Целевая функция бренда: влияние на поведение потребителей (в частности, на такие рыночные показатели, как известность, опробование, выбор, покупки, потребление, удовлетворение, предпочтение, приверженность и т. п.) [5].

Изучив указанные выше функции, я бы хотела подчеркнуть, что самой главной, по моему мнению, является целевая функция, поскольку она превращает систему внешних признаков в реальный экономический актив, способный управлять такими показателями, как выбор, приверженность и лояльность.

Рассмотрев основные теоретические моменты, связанные с понятием «бренд», я бы хотела перейти к анализу вопроса, поставленного мной в эссе, а именно: почему мы переплачиваем за бренд.

Для начала я бы хотела высказать свою точку зрения с реальным примером. Я являюсь именно той девушкой, которая безумно любит покупать разные красивые сумки, чтобы составлять с ними красивые образы для ресторанов, университета и других мест, которые я посещаю. Так, большую часть своих сумок я покупала на маркетплейсах, например, на Wildberries и Ozon. Делая там покупки, я считала, что сэкономила, но буквально через короткий отрезок времени у меня стали безобразно выглядеть сумки: у них рвались ручки, слезала кожа, ломались замки. Все это происходило потому, что материалы, используемые для их изготовления, были некачественными. Потом я решилась на первую свою брендовую сумку и стала выбирать из всех предложенных вариантов. Посмотрев все характеристики, а также отзывы покупателей, я решилась приобрести сумку бренда Coach. Поскольку я купила модель сумки, подходящую под все мои образы, то я стала носить ее постоянно. За несколько лет использования я пришла к такому выводу, что лучше потратить больше денежных средств и купить хорошую и качественную вещь, которая прослужит мне гораздо дольше, чем сэкономить и каждый раз удивляться, почему же мои вещи так быстро начинают выглядеть непригодными. Так, я пришла к значимому для меня выводу, что лучше раз купить брендовую вещь, имеющую хороший состав. Для меня брендовая вещь — это в первую очередь гарантия качества, долговечности и спокойствия, которое стоят любых денег. Но стоит отметить, что к выбору бренда стоит подойти очень ответственно и убедиться, что изделие состоит из качественного материала.

Так как мне стало интересно, почему люди переплачивают за бренды, я решила поспрашивать своих сверстников на эту тему. Большая часть ребят ответила мне, что они так самовыражаются, потому что хотят выделяться в обществе. Кто-то считает, что, надев брендовые вещи, они показывают свой статус и престиж.

Кроме того, для ответа на этот вопрос, я рассмотрела разные статистики, взятые из интернета, где люди указывали свое субъективное мнение в ходе опроса.

Респондентам были заданы следующие вопросы:

1. Что в первую очередь влияет на покупку?

2. Насколько уровень известности бренда приближает к покупке?

3. Какие бренды потребитель готов покупать, даже если они стоят дороже?

4. Что характерно для брендов, за которые аудитория готова переплачивать?

5. Насколько в среднем для таких брендов может вырасти цена, но потребитель все равно будет выбирать их?

Далее следуют результаты.

1. Ключевыми факторами при покупке товаров/услуг для большинства респондентов являются цена (84 %) и качество (80 %). Эти данные серьезно опережают такие критерии, как безопасность (его отметили только 48 %) и доступность (46 %). Из этого можно сделать вывод, что потребителям действительно важно понимать, за что они отдают каждый свой рубль. При этом для молодежи качество при выборе не так важно (значимо ниже 63 %).

2. А что с узнаваемостью бренда (brand awareness)? Больше половины опрошенных (64 %) ответили, что отдадут предпочтение известному бренду при равной стоимости товаров. Также, если известный бренд стоит дороже, половина аудитории (51 %) все равно выберет его. Больше всего переплачивать за бренд готова аудитория в возрасте 25–34, а меньше всего — 45–60. Таким образом, общий уровень известности влияет и на сам факт покупки, и на готовность платить больше. Поэтому так важно продолжать вкладывать медиаусилия для роста этого параметра.

3. Лидирующие категории, в которых аудитория готова переплачивать за бренд, — техника, одежда и косметика. Бренды, которые чаще всего упоминали опрошенные, наиболее выстроенные. И, между прочим, многие из них — отечественного производства.

4. Среди отличительных характеристик товаров, которые люди готовы купить, даже если они стоят дороже, аудитория отметила надежность (65 %) и удобство (46 %).

То есть, такие товары должны значительно превосходить по ряду параметров своих конкурентов в конкретной категории. Для молодежи ожидаемо важнее известность (44 %), соответствие ценностям (26 %) и возможность оставаться в тренде (24 %).

5. Максимальное подорожание, приемлемое для аудитории, — 50 %. При этом оптимальное подорожание таких брендов — не более 15 % [6].

Таким образом, исследование показало, что люди готовы переплачивать за бренд исходя из своих личных причин и убеждений, зачастую главной причиной является качество. Но от себя я добавлю, что при покупке брендовой вещи нужно обязательно смотреть на отзывы и состав, который должен быть качественным, чтобы вы не потратили свои деньги зря, думая, что если дорого, то качественно — это работает далеко не всегда.

Литература:

1. Карпова С. В. Сущность и содержание понятий «бренд» и «брендинг» // Евразийская адвокатура. — 2024. — № 4(69). — с. 63.
2. Годованец А. А. Почему и сколько мы переплачиваем за бренды? // Юный ученый. — 2015. — № 2 (2). — С. 73–74.
3. Штеер О. В. Основные элементы, механизм и функции бренда // Электронный сборник трудов молодых специалистов Полоцкого государственного университета. — 2016.— с. 326.
4. Что такое бренд? — Текст: электронный — URL: https://marketing.hse.ru/blog/chto-takoe-brend/ (дата обращения: 26.04.2026).
5. Штеер О. В. Основные элементы, механизм и функции бренда // Электронный сборник трудов молодых специалистов Полоцкого государственного университета. — 2016. — С. 328.
6. Михеева И. За что потребители готовы переплачивать при покупке брендов в текущей реальности? // Текст: электронный — URL: https://nmigroup.ru/tpost/su98axxen1-za-chto-potrebiteli-gotovi-pereplachivat (дата обращения: 26.04.2026).

Micro-exploration of short videos: reconstruction of the theory of engagement in the context of Reels

Paykova Kseniya Olegovna, master's student;
Roganina Sofiya Dmitriyevna, master's student
Tyumen Industrial University

The article explores how the format of short vertical videos (Reels) is changing the classical theory of consumer Engagement (CET). The factors determining user engagement in sponsored content are analyzed: interesting content, scenario experience, user engagement, and perceived usefulness.

Based on the analysis of modern research and data from a survey of graduate students at Tyumen Industrial University, it has been shown that under conditions of «temporary compression» the cognitive, emotional and behavioral reactions of the audience merge into a single rapid cycle, which requires a revision of traditional models of engagement. It has been revealed that the emotional appeal of content has the greatest impact on engagement, while perceived usefulness and interactivity play the role of enhancers. The limitations of the microformat are discussed, including the reduction of organic engagement in paid promotion and the risk of «blindness» to sponsored content.

Keywords: *consumer engagement, short videos, Reels, engagement theory, advertising media business, microformat, digital advertising.*

Микроисследование коротких видеороликов: реконструкция теории вовлеченности в контексте роликов

Пайкова Ксения Олеговна, студент магистратуры;
Роганина София Дмитриевна, студент магистратуры
Тюменский индустриальный университет

В статье исследуется, как формат коротких вертикальных видео (Reels) изменяет классическую теорию вовлечения потребителей (Consumer Engagement Theory, CET). Анализируются факторы, определяющие вовлечённость пользователей в спонсируемый контент: интересный контент, сценарный опыт, участие пользователя и воспринимаемая полезность.

На основе анализа современных исследований и данных опроса студентов магистратуры Тюменского индустриального университета показано, что в условиях «временного сжатия» когнитивные, эмоциональные и поведенческие реакции аудитории сливаются в единый быстрый цикл, что требует пересмотра традиционных моделей вовлечения. Выявлено, что наибольшее влияние на вовлечённость оказывает эмоциональная привлекательность контента, тогда как воспринимаемая полезность и интерактивность играют роль усилителей. Обсуждаются ограничения микроформата, включая снижение органической вовлечённости при платном продвижении и риск «слепоты» к спонсорскому контенту.

Ключевые слова: *вовлечение потребителей, короткие видео, Reels, теория вовлечения, рекламный медиабизнес, микроформат, цифровая реклама.*

The rapid spread of short vertical Reels, TikTok, and VK Clips has radically changed not only media consumption, but also the very principles of brand interaction with the audience. If traditional advertising was based on a relatively long-term contact, allowing for sequential deployment of the message, then the microformat compresses communication to a few seconds, during which the viewer must make a decision: stay or scroll through. This raises the question for advertising researchers as to how applicable classical models of engagement are to an environment where cognitive assessment, emotional response, and behavioral action occur almost simultaneously.

Brody's Theory of Consumer Engagement (CET) considers engagement as a multidimensional phenomenon involving cognitive processing, emotional engagement, and behavioral engagement. However, this model was developed in the context of brand communities and social media, which involve more extensive interaction. Reels represent a structurally different environment: here, the very speed of content consumption becomes a factor that modifies engagement mechanisms. The researchers note that on short video platforms, users do not just passively perceive content, they like, share, comment and reproduce what they see, and these actions follow almost instantly the initial perception [2].

The purpose of this article is to reconstruct the key provisions of the theory of engagement in relation to the Reels context, revealing which components of CET retain explanatory power and which require revision. To do this, the following tasks are being solved:

— determine how «temporal compression» affects the ratio of cognitive, emotional, and behavioral components of engagement;

— identify the factors that are most important for engaging in sponsored Reels content;

— based on micro-research among the student audience, evaluate which characteristics of short videos are perceived as triggers of engagement.

Classical CET describes engagement as a process that unfolds over time: the consumer first processes information (cognitive level), then forms an emotional attitude (affective level), and only after that performs an action (behavioral level). This sequence assumes a certain duration of contact. However, in Reels, contact is measured in seconds, and sometimes in fractions of seconds. A study on sponsored Reels explicitly indicates that in this format, «evaluation, affect, and action occur almost simultaneously».

This observation allows us to suggest a «flattening» of the three-dimensional model of engagement. While in traditional media, cognitive processing precedes emotional reaction, in microformats, emotional impulse often precedes (or replaces) cognitive assessment: the user stops at the video because it «hooked» visually or emotionally, and only then (if at all) rationalizes his decision. Behavioral component: like, save, click on the link. It is built into the same cycle and does not require a separate phase.

Modern research identifies four key drivers of engagement in sponsored Reels: interesting content, scenario experience, user engagement, and perceived usefulness. Interesting content is responsible for immediate emotional appeal and attention retention; scenario experience creates narrative relevance; user engagement reflects behavioral engagement through platform interactions; perceived usefulness appeals to the cognitive side: the feeling that the video informs, helps, or meets needs. Empirical data obtained from a sample of 393 active users showed that all four factors positively influence consumer attitudes and, through them, the intention to make a purchase, with emotionally attractive and relevant content having the strongest impact [1].

However, the question remains as to how these drivers relate to each other in the perception of specific audience segments. The student audience, which spends a lot of time on social media, has increased advertising literacy and skepticism towards branded content. This means that it may be incorrect to mechanically transfer the conclusions obtained from the general samples to the student segment. The micro-study presented below is intended to partially fill this gap.

To test assumptions about the structure of involvement in Reels, an online survey was conducted of undergraduate students of Tyumen Industrial University studying in the fields of «Advertising and Public Relations» and «Convention and Exhibition activities and foreign languages». The sample consisted of 59 respondents (68 % women, 32 % men; the age is mainly 21–25 years). The questionnaire included 10 questions aimed at assessing the frequency of Reels consumption, attitudes towards sponsored content, as well as the significance of certain characteristics of short videos (visual appeal, humor, usefulness, call to action, frame rate, video length).

The respondents were asked to rate on a five-point scale how much each of the factors influences their decision to watch the video to the end, like or click on the link. Additionally, an open question was asked about what most often makes them scroll

through promotional Reels. Data processing included descriptive statistics and correlation analysis (Spearman coefficient) to identify links between self-assessment of engagement and individual content characteristics.

The limitations of the study are due to the small sample and its homogeneity (students of two fields of study at the same university), which makes it impossible to extrapolate the results to the entire Reels audience. Nevertheless, even limited data make it possible to illustrate theoretical positions and outline directions for further work.

An analysis of the frequency of consumption showed that 71 % of respondents view Reels daily, with 39 % spending more than an hour a day in this format (Figure 1).

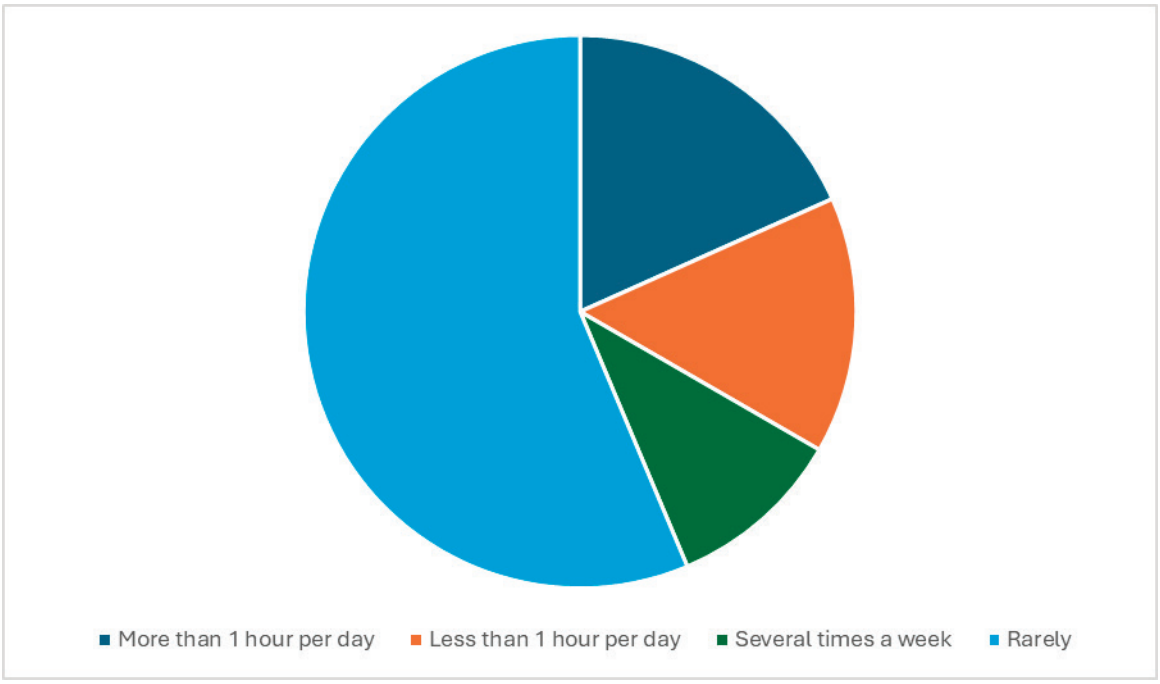

Fig. 1. **Distribution of respondents by frequency of watching short videos (Reels)**

At the same time, 64 % of the survey participants stated that they notice when Reels is sponsored (it contains the label «advertising» or «affiliate material»), and 47 % admitted that after realizing the sponsored nature of the video, their desire to watch it decreases (Figure 2).

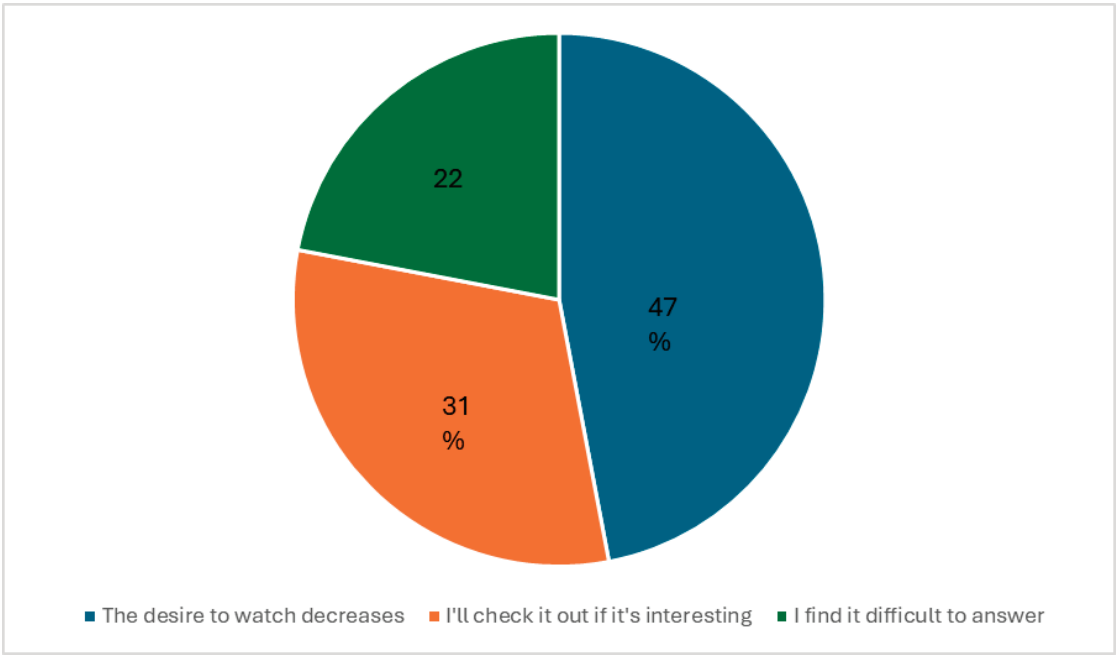

Fig. 2. **The influence of sponsorship labeling on the desire to watch videos**

These data are consistent with the results of studies showing a decrease in engagement for content with explicit sponsored labeling.

According to respondents' self-assessments, visual attractiveness (an average score of 4.3 out of 5) and humor/entertainment (4.1) are of the greatest importance for attention retention. Usefulness (informativeness) received 3.6 points, the presence of a call to action — 3.2, frame rate — 2.9, video length — 2.7 (Figure 3).

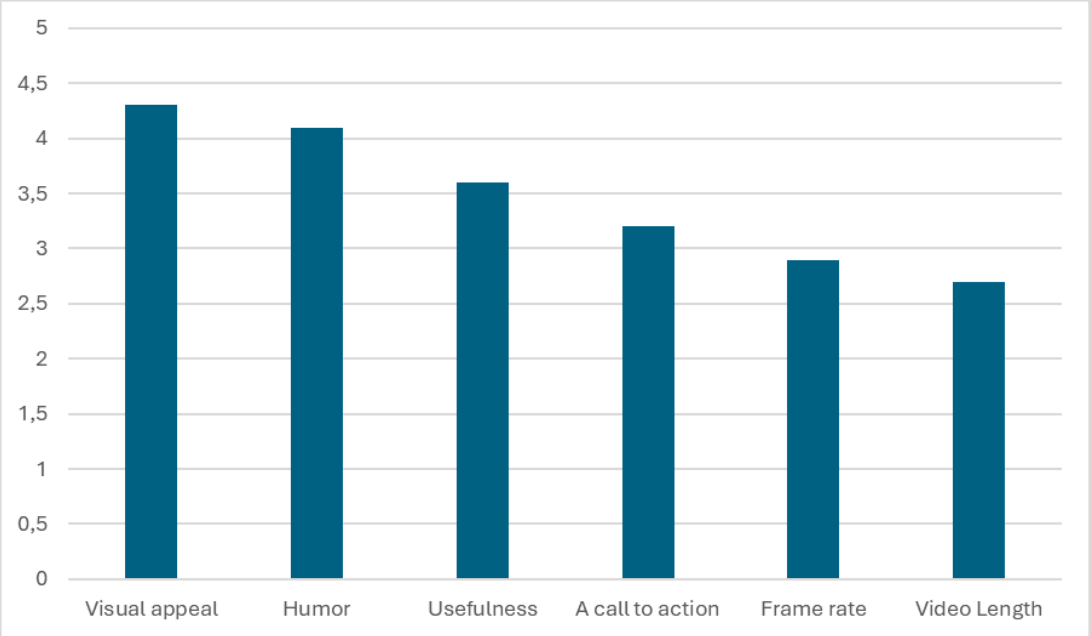

Fig. 3. **Average ratings of the factors influencing attention retention in Reels (on a 5-point scale)**

Correlation analysis revealed a moderate positive relationship between visual attractiveness and the decision to watch the video, as well as between humor and willingness to like. The relationship between perceived usefulness and link click turned out to be weaker, although statistically significant.

The answers to the open question allowed us to identify three main reasons for scrolling through Reels ads: «too obvious an attempt to sell» (mentioned by 28 respondents), «unnatural, forced presentation» (19 mentions) and «long introduction until something interesting starts» (16 mentions) (Figure 4).

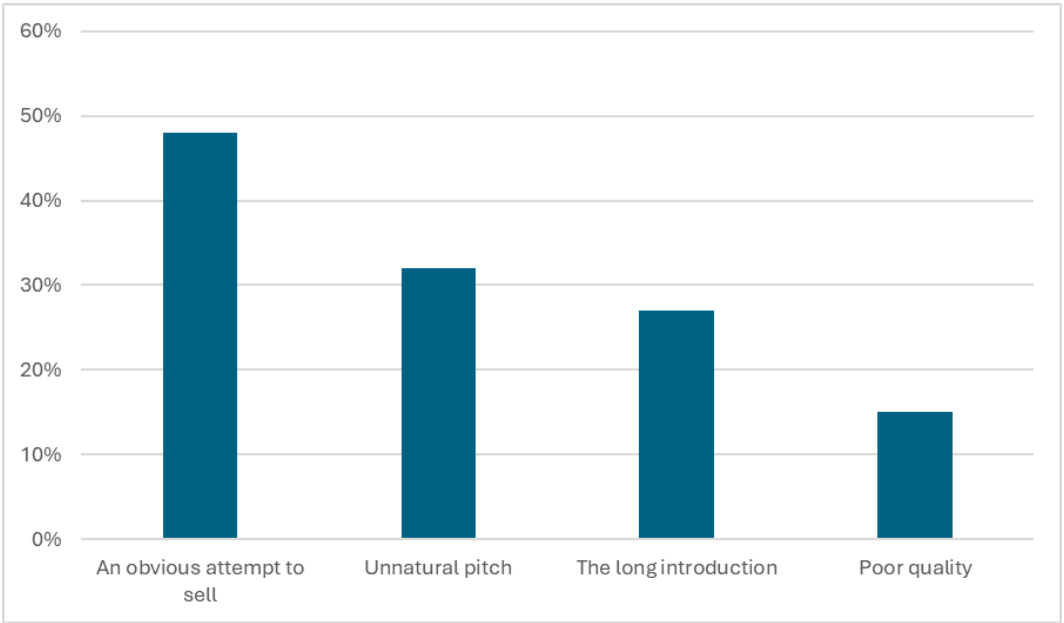

Fig. 4. **The main reasons for scrolling through advertising content in Reels (based on the results of an open question, multiple choice)**

It is significant that the claims relate not so much to the fact of advertising itself as to its form: the audience is ready to accept sponsored content if it does not look like advertising in the traditional sense. This is consistent with the findings that organic Reels generate significantly higher engagement levels than the same videos promoted through paid tools.

The results obtained make it possible to clarify several provisions of the theory of engagement in relation to Reels.

First, the cognitive component of engagement in the microformat does not disappear, but it does change its function. In the classical model, cognitive processing precedes emotional reaction and action. In Reels, cognitive assessment («it's useful», «I need it») more often follows the primary emotional impulse or does not verbalize at all, remaining at the level of peripheral perception. Respondents who rated usefulness as a significant factor nevertheless rated visual appeal and humor higher. This does not mean that usefulness is not important, rather, it acts as a «hygienic factor»: its absence can reduce engagement, but its presence in itself rarely becomes a trigger for attention loss.

Secondly, the behavioral component in Reels is extremely simplified and ritualized. Liking or saving does not require a detailed decision from the user; they are performed «automatically» within the same consumption cycle as viewing. This creates the illusion of high engagement (a large number of reactions), which may not correlate with real brand interest. Research shows that sponsored Reels can have a significantly lower engagement rate precisely because the behavioral signals in them are perceived as less authentic [3].

Thirdly, «time compression» enhances the role of scenario experience. The user stays on the video not because it informs, but because it unfolds a mini-story in which he can recognize himself. Scenario writing in Reels replaces detailed argumentation: instead of persuasion through facts, «recognition» occurs through a situation. This is consistent with the evidence that relevance and emotional engagement have the strongest impact on consumer attitudes in the context of sponsored Reels.

Thus, the reconstruction of CET for the Reels context suggests a transition from a sequential three-phase model to a «compressed cycle» model in which emotional impulse dominates cognitive assessment, behavioral response is embedded in consumption, and scenario relevance serves as a bridge between attention and action. The classical model is not canceled, but its temporal structure is radically modified.

The present micro-study has a number of limitations. The sample is small and unrepresentative; self-reports on engagement factors may be subject to distortion of social desirability; there is no objective metric of engagement (for example, data from platform analytics). In addition, the study does not distinguish between organic and sponsored Reels, although, as the data show, this difference is fundamental.

A promising direction is to conduct an experiment with recording viewing time and behavioral reactions (like, save, click) on real content, as well as comparing organic and paid Reels of the same creative. In addition, a longitudinal study is of interest, which makes it possible to assess how repeated contact with sponsored content affects the formation of attitudes in the long term, similar calls have already been made in the literature [4].

Reels represent not just a new advertising format, but a different engagement environment in which time compression modifies the ratio of cognitive, emotional, and behavioral components. The theory of consumer engagement retains explanatory value, but requires adaptation: a consistent model gives way to a compressed cycle, where emotional attractiveness and scenario relevance dominate, usefulness acts as a background factor, and behavioral reactions are ritualized. For the advertising media business, this means the need to review the engagement KPIs: the number of likes and views in the microformat may not reflect the depth of contact with the brand. Further research should combine self-reports with objective platform data and take into account the differences between organic and paid content distribution.

References:

1. Driving purchase intentions through visual storytelling (summary) // Christ University Archives. 2026. (accessed: 28.10.2026).
2. Driving purchase intentions through visual storytelling: a study of social media platform reels sponsored advertising // Cogent Business & Management. 2026. DOI: 10.1080/23311975.2026.2639685. (accessed: 28.10.2026).
3. Snarska S., Średzińska S., Tomaszewska M. Rola video marketingu w przyciąganiu konsumentów // Akademia Zarządzania. 2025. T. 9. № 3. C. 539–556. (accessed: 28.10.2026).
4. Systematic review gaps in short-form video marketing research // Journal of Interactive Marketing (supplementary discussion). 2024. (accessed: 28.10.2026).

Модель медиакоммуникаций для продвижения инженерного образования в интерактивном цифровом мире поколения Z

Петрова Елизавета Евгеньевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Сахарных Денис Михайлович, начальник Единого экспозиционного центра
Казанский национальный исследовательский технологический университет

На материале открытых цифровых следов PR-службы Казанского национального исследовательского технологического университета за 2025/26 учебный год (более 3000 публикаций в трёх общеуниверситетских каналах) реконструируется модель медиакоммуникаций, обращённая к молодёжной аудитории. Показано, что продвижение инженерного образования осуществляется не через выделенный тематический поток, а через общий поток контента, представляющий «живую жизнь» вуза. Ключевой особенностью модели является единый институциональный голос, внутри которого дозированно представлено подлинное студенческое высказывание. Модель обозначена как «управляемая аутентичность внутри институционального единства»; описаны приёмы снижения дистанции с аудиторией поколения Z и намечены направления разработки метрик эффективности.

Ключевые слова: *медиакоммуникации вуза, поколение Z, инженерное образование, tone of voice, институциональный голос, управляемая аутентичность, продвижение вуза, социальные сети, мессенджеры.*

Введение

В России государство ставит масштабные задачи по подготовке инженерных кадров. По словам Президента РФ В. В. Путина, «в ближайшие три года мы должны подготовить специалистов в области инженерного дела, это миллион человек», а к 2030 г. эта цифра должна вырасти почти до двух миллионов [3]. Министр науки и высшего образования РФ В. Н. Фальков конкретизирует качественную сторону задачи: «Перейти к подготовке инженеров-творцов, изобретателей-инноваторов, способных к созданию собственной, уникальной, инновационной продукции» [23]. Важнейшей областью, в которой решается задача популяризации инженерных жизненных траекторий среди молодёжи, являются электронные медиакоммуникации.

Информационно-коммуникационную среду, в которой живёт поколение Z — «цифровые аборигены», — можно по праву назвать цифровым миром. Восприятие информации и коммуникативное поведение этого поколения качественно отличаются от предыдущих [4; 10; 16; 17; 18; 25]: избыток информации порождает ориентацию на короткие динамичные форматы (неточно именуемую «клиповым мышлением»); мессенджеры и социальные сети предпочитаются электронной почте и телефонным звонкам; доверие становится горизонтальным — мнение сверстников и инфлюенсеров весомее официальных заявлений; внимание зависит от алгоритмов платформ; аудитория ожидает интерактивности и быстрой обратной связи.

Если алгоритмическая выдача и состав аудитории канала определяют, дойдёт ли сообщение до адресата, а формат (соответствие привычкам потребления на конкретной площадке) определяет, задержится ли на нём внимание, то тон голоса (tone of voice) определяет, будет ли сообщение принято или отвергнуто. Поколение Z ценит аутентичность и самоиронию, мгновенно распознаёт фальшь и реагирует на неё через cringe culture — коллективное осмеяние неискренности [1; 15; 27]. Формальный, дидактичный, патерналистский тон, характерный для институциональной коммуникации, воспринимается как маркер неаутентичности и блокирует доверие. Поэтому тон голоса рассматривается в работе не как периферийная характеристика, а как ключевой аналитический параметр, позволяющий оценить соответствие коммуникации вуза ожиданиям молодёжной аудитории.

Совокупность перечисленных особенностей создаёт вызов для традиционных институциональных коммуникаций, исторически построенных на монологе, формальности и отсроченной обратной связи. Медиакоммуникации вузов и их продвижение в цифровой среде активно изучаются [2; 5; 6; 8; 9; 11; 12; 14; 26], разработаны подходы к оценке эффективности медиасистемы университета [7; 20; 21; 22]. Однако эмпирических исследований, показывающих, как конкретные российские вузы выстраивают коммуникацию с молодёжной аудиторией, явно недостаточно: существующие работы описывают проблему преимущественно на уровне общих закономерностей, не углубляясь в механику повседневной работы PR-служб.

Настоящее исследование — попытка восполнить этот пробел. Объект исследования — коммуникационная деятельность PR-службы Казанского национального исследовательского технологического университета (КНИТУ), предмет — наблюдаемая модель медиакоммуникаций, обращённая к молодёжной аудитории. Материалом выступают открытые цифровые следы за 2025/26 учебный год: публикации в социальных сетях и мессенджерах, новостная лента сайта, публичные комментарии и реакции аудитории. Метод — качественный анализ корпуса публикаций (более 3000 постов), позволяющий перейти от описания субъекта коммуникации к анализу наблюдаемых показателей и построению модели. Единица анализа — отдельный пост (текстовый, с изображениями или мультимедийным контентом).

Авторы являются сотрудниками описываемой PR-службы, однако исследование сознательно ограничено анализом открытых источников (desk research). Публично доступные документы не содержат целевых KPI, поэтому анализ опирается на наблюдаемые метрики. Работа представляет промежуточный этап более масштабного исследования, которое один из авторов продолжит в магистерской диссертации; детальный анализ по каналам, типология голосов и разбор отдельных кампаний составят основу последующих публикаций. Здесь представлены логика анализа и ключевые выводы.

Под моделью медиакоммуникаций (ср. [19; 20]) понимается устойчивая, воспроизводимая во времени конфигурация каналов, голосов, форматов и метрик. Параметры, не зафиксированные в публичных документах (целевая аудитория, tone of voice и др.), реконструируются по корпусу публикаций.

Разработка методического инструментария не завершена, поскольку объект исследования обладает рядом особенностей, требующих специальных метрик. Таких особенностей как минимум три:

1) нестандартная структура: в состав PR-службы входят не только подразделения, связанные с журналистской работой, информационной аналитикой и рекламно-выставочной деятельностью, но и музей истории вуза. В распоряжении службы оказывается как максимально актуальный материал, так и возможность обращения к истории и традициям университета — в медиа и в рамках классической музейной работы;

2) глубокая и постоянно растущая вовлечённость в приёмную кампанию и профориентацию (конкретизировать её в рамках анализа открытых источников невозможно);

3) активное привлечение студентов университета в качестве фотографов, видеографов, дизайнеров, клипмейкеров и т. п. Их участие, помимо прочего, обеспечивает постоянное обновление идей и подходов в соответствии с текущими предпочтениями поколения Z, к которому они сами относятся.

1. Как устроена коммуникация

В непосредственном ведении PR-службы находятся новостная лента официального сайта и общеуниверситетские сообщества в социальных сетях и мессенджерах, ориентированные на следующие целевые аудитории (ЦА): абитуриенты и их родители, ветераны, выпускники, обучающиеся, работники университета. Коммуникация ведётся на русском языке. В социальных сетях PR-служба не позиционирует себя ни как медиаагентство, ни как административная структура, выступая фактически от имени всего университета.

За последнее десятилетие электронная публичная коммуникация вуза претерпела глубокую структурную перестройку. Исходная конфигурация включала новостную ленту сайта как основной источник информации, бумажную газету, публиковавшую отобранные и адаптированные материалы ленты, и сообщества в социальных сетях с неинтерактивной подачей, размытой тактикой и неопределённой стратегией. Сегодня передний край оперативной, интерактивной и стратегически выстроенной коммуникации образуют сообщества в социальных сетях и мессенджерах (табл. 1, 2). Новостная лента сайта сохраняется как официальный, полный и в этом смысле незаменимый, но вторичный источник. От ведения отдельного видеоканала (YouTube/Rutube) PR-служба перешла к размещению видеороликов непосредственно в публикациях в социальных сетях и мессенджерах.

Такую трансформацию можно описать как выстраивание информационного мира вуза, конгруэнтного цифровому миру поколения Z — важнейшей составляющей ЦА: вуз заинтересован как во внимании потенциальных абитуриентов, так и в вовлечённости действующих студентов.

Таблица 1. **Общеуниверситетские сообщества в социальных сетях и мессенджерах (на конец 2025/26 уч. г.)**

№	Платформа	Адрес	Число подписчиков	Постов в неделю (в среднем)	Лайков на пост (в среднем)	Комментариев на пост (в среднем)	Макс. число комментариев
1	ВКонтакте	vk.ru/knitu	29 218	15	49	1,77	100
2	MAX	max.ru/knitu	2542	23	21	—*	—*
3	Telegram	t.me/knitu_official	9168	28	78	2,4	210

* Нет данных (функция недоступна на платформе).

Таблица 2. **Динамика числа подписчиков за период исследования**

№	Платформа	Адрес	Прирост подписчиков
1	ВКонтакте	vk.ru/knitu	+2183
2	MAX	max.ru/knitu	+2542*
3	Telegram	t.me/knitu_official	+333

* Канал создан в период исследования.

Помимо этого, PR-служба оказывает методическую и организационную поддержку каналам в социальных сетях и мессенджерах, которые ведут другие подразделения (табл. 3).

Таблица 3. **Сообщества подразделений вуза, решающие задачи повышения привлекательности инженерного образования**

Сообщества для абитуриентов	Сообщества институтов и филиалов
Телеграм-канал ПИШ «Промхимтех»	Инженерный химико-технологический институт
ПИШ «Промхимтех» ВКонтакте	Институт нефти, химии и нанотехнологий
Абитуриенты КНИТУ в Телеграм	Институт химического и нефтяного машиностроения
Инженерный химико-технологический институт	Институт технологии лёгкой промышленности, моды и дизайна
Институт нефти, химии и нанотехнологий	Институт управления инновациями
Институт полимеров	Институт полимеров
Институт пищевых производств и биотехнологий	Институт пищевых производств и биотехнологий
Институт управления инновациями	Институт управления, автоматизации и информационных технологий
Казанский технологический колледж	Казанский технологический колледж
	Нижнекамский химико-технологический институт

Выстроенный подход может быть осмыслен в рамках концепции продвижения (advancement), которую Совет по продвижению и поддержке образования (CASE) определяет как «стратегический, интегрированный метод управления отношениями для повышения понимания и поддержки среди ключевых аудиторий учебного заведения» [28]. В этой логике продвижение рассматривается как комплексная деятельность, охватывающая шесть направлений: развитие бренда (brand development), привлечение и удержание (recruitment and retention), стратегические коммуникации (strategic communications), взаимодействие с выпускниками (alumni engagement), филантропию (philanthropy) и внешние связи (external engagement / public affairs).

Анализ корпуса показывает, что как минимум четыре из шести направлений явно представлены в практике PR-службы: развитие бренда — через формирование образа современного инженерного вуза (ср. [24]); привлечение и удержание — через контент, ориентированный на абитуриентов и действующих студентов; стратегические коммуникации — через выстраивание единого институционального голоса; внешние связи — через демонстрацию партнёрств с индустриальными компаниями и достижений университета. Это соответствие позволяет использовать рамку CASE Insights как аналитический инструмент: её категориальная структура даёт возможность систематизировать наблюдаемые практики, а заложенные в ней метрики — перейти от качественного описания к измерению эффективности по сопоставимым показателям.

2. Подход к формированию контента

В коммуникационной практике вуза в настоящее время отсутствует выделенный поток публикаций, специально посвящённых продвижению инженерного образования. Это связано прежде всего с тем, что сам вуз является инженерным: решая частную задачу самопродвижения, он вносит вклад и в общую задачу продвижения инженерного образования. Кроме того, вуз реализует широкий спектр традиционных инженерных направлений, часть которых пересекается по отраслевой принадлежности с направлениями других инженерных вузов региона: спецхимия, технология полимеров, пластических масс и эластомеров, переработка нефти и газа, биотехнологии, химическое машиностроение и др. Подробнее этот вопрос рассмотрен в разделе 4.

Публично доступные документы вуза не содержат описания контент-стратегии или tone of voice, поэтому подход к формированию контента реконструируется на основе качественного анализа корпуса публикаций с учётом общих сведений о ценностях и миссии университета.

Анализ позволяет выявить ключевую для выбранной темы особенность: общеуниверситетские медиа не выступают нейтральной площадкой, на которой по очереди говорят разные группы — администрация, студенты, абитуриенты. Субъект высказывания во всех случаях один — университет как многокомпонентное сообщество (ср. [13; 19]). Меняется не голос, а то, о ком и как этот голос говорит. Речь идёт не о распределении голосов и не о диалоге разных субъектов, а о конструировании единого институционального голоса, представляющего университет как целое. Студенты, преподаватели, абитуриенты, партнёры включаются в эту речь не как самостоятельные говорящие, а как элементы собирательного образа университета.

Для публикаций характерна риторика единства, которая реализуется в трёх основных формах.

1. Общее «мы»: университет говорит о себе во множественном числе, включая в него аудиторию.

«Наших ребят» — успех студентов представлен как общий успех университета: даже в публикации о конкретных участниках университет использует объединяющее «наших», включая студентов в общее «мы» (t.me/knitu_official/13358).

«Гордимся нашими парнями» — университет говорит от лица всего сообщества: личное достижение курсантов становится поводом для коллективной гордости, а аудитория через местоимение «нашими» включается в позицию КНИТУ (t.me/knitu_official/13019).

2. Соположение компонентов: в одном посте или в одной рубрике рядом появляются студенты, преподаватели, выпускники, партнёры; используются «рубрики целостности», включая историко-мемориальные сюжеты.

Рубрика «Улыбки КНИТУ» объединяет в одном визуальном ряду студентов, преподавателей и партнёров университета, представляя их не как отдельные группы, а как части единого сообщества (t.me/knitu_official/13375).

Публикация о сотрудничестве с ИТ-холдингом Т1 связывает университет, индустриального партнёра и выпускников КНИТУ, уже работающих в компании: в одном сюжете соединяются образование, профессиональная среда и карьерная траектория (t.me/knitu_official/11487).

3. Метафоры семьи, команды, общего дела.

Поздравление с днём рождения КНИТУ через историю его предшественников формирует образ университета как сообщества с общей биографией и преемственностью поколений (t.me/knitu_official/12701).

В поздравлении ректора университет прямо называет себя «большой и дружной университетской семьёй»: личное событие включается в коллективную рамку, а ректор, сотрудники и студенты предстают участниками одного сообщества (t.me/knitu_official/12396).

Следует подчеркнуть: даже когда канал «уступает голос» — публикует прямую речь студента, абитуриента, представителя промышленного партнёра, — этот голос встроен в институциональную рамку. «Уступка голоса» — не смена субъекта, а стилистический приём внутри единого институционального голоса: университет не исчезает, он говорит через студента, а не вместе с ним. Монологичность реализуется не в жёсткой форме административного диктата, а в мягкой форме институционального голоса, говорящего от имени всех. Общеуниверситетские медиа не превращаются в студенческие; дистанция сохраняется, но сокращается до приемлемой.

3. Завоевание доверия

Поскольку поколение Z ценит аутентичность и горизонтальное доверие, а единый институциональный голос естественным образом воспринимается как корпоративный и безличный, такой подход несёт риск: даже лишённая диктата попытка показать студента может не сработать, если она остаётся речью университета о студенте, а не речью самого студента. Анализ корпуса позволяет выявить приёмы, с помощью которых PR-служба сознательно снижает этот риск.

Ключевой приём — публикация оригинальных эмоциональных видеоматериалов с участием студентов. Пример — рубрика «Доброе утро, КНИТУ»: короткие ролики, в которых студенты разных институтов обращаются к аудитории напрямую — желают хорошего дня, шутят, делятся настроением. Видео сохраняют живую речь, естественную мимику и манеру поведения героев и потому воспринимаются скорее как сообщение знакомого студента, чем как официальное обращение вуза. Институциональная рамка при этом сохраняется за счёт общей рубрики, оформления и публикации в официальном канале.

Студенты сообщают о событии через живую эмоциональную реакцию и юмор, без официального обращения: университет сохраняет рамку, но передаёт эмоцию через самих героев (vk.ru/clip-139885_456240444).

Героями роликов становятся как известные студенческой общественности лица — активисты студенческого самоуправления, победители и участники научных конференций, олимпиад и хакатонов, спортсмены, поисковики, участники творческих коллективов и медиапроектов, — так и персонажи трёх устойчивых типов.

«Свой парень» — студент, который сталкивается с типичными проблемами (сложная сессия, поиск себя, бытовые трудности) и справляется с ними.

Студент оказывается в узнаваемой ситуации — собирает документы на повышенную государственную академическую стипендию. Диалог построен на бытовой проблеме и живой реакции героев, поэтому они воспринимаются не как «официальные представители вуза», а как обычные студенты со знакомыми каждому трудностями (t.me/knitu_official/12809).

«Эксперт-ровесник» — студент, который глубоко разбирается в чём-либо (от программирования до современной музыки) и делится этим знанием.

Победительница Стипендиального конкурса Благотворительного фонда В. Потанина Катя Лебёдка, прошедшая все этапы отбора, делится с магистрантами КНИТУ опытом и советами по подаче заявки (t.me/knitu_official/10575).

«Творец» — студент, который создаёт что-то своими руками (проект, музыку, видео, исследование).

Выпускники ИТЛПМД Роман Карпов и Лада Сафиуллина создают новый визуальный акцент для кафедры физики — портрет Льва Ландау; пост показывает молодых авторов в процессе создания культурного продукта для университетской среды (t.me/knitu_official/13275).

Ролики нарочито лишены официозной или глянцевой полировки и сняты на смартфоны в духе *управляемой аутентичности* — под этим термином мы понимаем практику дозированного включения подлинного студенческого голоса в институциональную рамку. Они следуют принципам эффективного сторителлинга: фокус на пути, а не на результате (подготовка, сомнения, неудачи, озарения); взгляд за кулисы (как студенты готовятся к хакатону или репетируют выступление); демонстрация реальной студенческой рутины с добрым юмором.

Применяются и приёмы удержания внимания: «крючок» в первые три секунды (яркий кадр, громкий звук, неожиданный вопрос или движение), прерывание паттерна (нестандартный ракурс, резкий монтаж, смена

темпа), визуальная провокация (необычный объект, странная деталь, острый ракурс). Помимо видеосторителлинга, дистанцию между официальным каналом и аудиторией сокращают интерактивы и реакции, серийные рубрики, повторяющиеся герои, пользовательский контент, адаптация актуальных трендов и мемов к университетскому контексту.

Таким образом, для снижения риска отторжения PR-служба использует не один, а несколько принципов производства контента. Помимо сторителлинга, репрезентации и захвата внимания, это эмоциональное вовлечение (юмор, узнавание, гордость), платформенная нативность (тренд-джекинг, короткий формат), соучастие (UGC, интерактивы), edutainment («сложное — простыми словами») и серийность (рубрики, сквозные герои). В совокупности они образуют экосистему, в которой институциональный голос не подавляет, а обрамляет подлинное студенческое высказывание.

В результате в лентах формируется плотный поток сообщений (до четырёх в день), разнообразных по жанру и содержанию, но объединённых единой сценарной логикой. Произвольное включение в такую ленту официозных публикаций затруднительно: именно поэтому репосты сообщений официальных каналов ограничены практически двумя источниками — каналами ректора университета и Раиса Республики которые, в свою очередь, отличаются тщательной работой над контентом и тоном голоса.

4. От общего к частному: почему не нужен отдельный «инженерный» контент

Вернёмся к вопросу, поставленному в начале раздела 2: почему в коммуникационной стратегии вуза нет выделенного потока публикаций о продвижении инженерного образования? Насколько можно судить по открытым публикациям, изначально — с 2021 г., когда началось активное развёртывание сети сообществ ключевых подразделений вуза (см. табл. 3), — предполагалось, что эта задача будет решаться если не выделением специализированного потока, то по крайней мере через работу тематических сообществ.

Однако опыт профориентационной работы, в частности использования печатной газеты «Технологический университет» (полноцветное восьмиполосное издание формата А3), показал, что наибольший интерес потенциальных абитуриентов, их родителей и наставников вызывают не специализированные материалы, а увлекательно представленные проявления «живой жизни» университета. Этот вывод был перенесён на цифровую коммуникацию и, по нашим наблюдениям, подтвердился: общий поток «живого» контента работает на привлечение абитуриентов эффективнее, чем специализированный профориентационный. В итоге PR-служба отказалась от выделения особого «школьно-абитуриентского сектора» в непосредственно управляемых ею лентах.

Иными словами, чем полнее, привлекательнее и приемлемее для поколения Z представлен общий информационный поток, тем эффективнее он работает и на специальную цель — формирование привлекательного образа инженерного вуза и инженерного образования в целом. Инженерный вуз не нуждается в отдельном «инженерном» контенте, потому что весь его контент уже инженерный: задача состоит не в том, чтобы добавить инженерную тематику, а в том, чтобы сделать жизнь инженерного вуза видимой и привлекательной для молодёжной аудитории.

5. Предварительные выводы

В исследуемом вузе сформировалась гибридная модель, которую можно обозначить как «управляемая аутентичность внутри институционального единства». PR-служба не имитирует полифонию — не создаёт иллюзию, будто канал является нейтральной площадкой, на которой по очереди говорят студенты, преподаватели и администрация. Напротив, она сознательно сохраняет единый институциональный голос, представляющий университет как многокомпонентное сообщество, и внутри этой рамки создаёт условия для подлинного студенческого высказывания — не имитации, а реального участия.

Модель концептуально согласуется с ожиданиями поколения Z по следующим причинам.

1. Она не борется с институциональной природой вуза, а использует её. Вуз не может и не должен говорить как блогер-одиночка, но может говорить как институция, которая не боится показать своё несовершенство: аудитория не требует, чтобы вуз перестал быть вузом, — она требует, чтобы он не притворялся.

2. Она снижает риск отторжения через «уступку голоса»: даже встроенный в институциональную рамку голос студента создаёт ощущение, что университет не боится своих студентов.

3. Она использует форматы, соответствующие медиапрактикам поколения Z, и не пытается заставить аудиторию потреблять «правильный» контент в «неправильной» форме.

4. Она создаёт условия для соучастия, а не только потребления: студенты могут стать героями роликов, предложить тему, проголосовать, ответить на вопрос. Это формирует чувство сопричастности — основу доверия.

Прямая причинно-следственная связь между коммуникационной стратегией и результатами приёмной кампании не может быть установлена в рамках данного исследования: на средний балл ЕГЭ влияют демографические, экономические и институциональные факторы. Тем не менее устойчивый рост средневзвешенного балла ЕГЭ зачисленных на первый курс бакалавриата и специалитета — с 64,0 в 2022 г. до 73,0 в 2026 г. (табл. 4) — и рост приёма на платные места почти на 25 % при практически неизменном числе бюджетных мест создают контекст, в котором вопрос о вкладе коммуникаций в привлекательность вуза становится практически значимым.

Таблица 4. **Средневзвешенный балл ЕГЭ зачисленных на первый курс бакалавриата и специалитета**

Год	Средний балл ЕГЭ
2022	64,0
2023	65,1
2024	66,1
2025	68,9
2026	73,0

Источник: данные приёмной комиссии КНИТУ

Выступая с отчётом по итогам 2025/26 учебного года, ректор университета назвал одним из приоритетов на ближайший период адаптацию образовательных программ и методик к особенностям восприятия поколения Z. Можно утверждать, что в области информационной политики университета этот переход уже в значительной мере осуществлён.

Вместе с тем эффективность модели пока не может считаться строго обоснованной эмпирически. Это — задача дальнейших исследований, требующая не только сбора и обработки статистических данных, но и разработки метрик, учитывающих специфику как вузовского информационного поля, так и самой анализируемой PR-службы (см. введение). Одним из инструментов такого анализа может служить рамка CASE Insights, соответствие которой наблюдаемым практикам показано в разделе 1.

Литература:

1. Аутентичность как главный ресурс брендов: почему общество устало от рекламы и что с этим делать // Секреты бизнеса (Т-Банк). 2025. URL: https://secrets.tbank.ru/blogi-kompanij/autentichnost-kak-glavnyj-resurs-brendov/ (дата обращения: 12.10.2026).
2. Ахтямов А. Р. Медиакоммуникационные стратегии как инструмент повышения вовлечённости студенческой молодёжи // Академическая публицистика. 2026. № 3–1. С. 49–55. URL: https://aeterna-ufa.ru/sbornik/AP-2026–03–1.pdf (дата обращения: 25.10.2026).
3. Владимир Путин заявил, что к 2030 году в России будет около двух миллионов инженеров // Эксперт. 2024. URL: https://expert.ru/news/vladimir-putin-zayavil-chto-k-2030-godu-v-rossii-budet-okolo-dvukh-millionov-inzhenerov (дата обращения: 25.10.2026).
4. Вьюгина Д. Особенности медиапотребления цифрового поколения России // Медиаскоп. 2017. № 4. URL: https://www.researchgate.net/publication/392929143 (дата обращения: 25.10.2026).
5. Грязнов С. А. Цифровой маркетинг в высшем образовании // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 22. С. 1800–1804. URL: https://drive.google.com/file/d/1lL9wuNxL4fCLjtB8F6FEaNfzlCl2WkE1/view
6. Гуреева А. Н. Медиакоммуникации высшей школы: учеб. пособие. Москва: Фак. журн. МГУ, 2020. 144 с. URL: https://www.journ.msu.ru/upload/iblock/73f/73fadd6145920cdbcf1980a1d17c6a51.pdf (дата обращения: 25.10.2026).
7. Гуреева А. Н., Муронец О. В., Самородова Э. В. [и др.] Корпоративные коммуникации российской высшей школы в социальных сетях: оценка эффективности // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. Т. 7, № 3. С. 482–503. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnye-kommunikatsii-rossiyskoy-vysshey-shkoly-v-sotsialnyh-setyah-otsenka-effektivnosti (дата обращения: 25.10.2026).
8. Дербинская Е. А. Инновационные инструменты продвижения бренда университета в цифровой среде // Труды БГТУ. Серия 5: Экономика и управление. 2024. № 1 (280). С. 75–82. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-instrumenty-prodvizheniya-brenda-universiteta-v-tsifrovoy-srede (дата обращения: 25.10.2026).
9. Ежова Е. Н., Кабанова А. А. Коммуникативные технологии продвижения образовательных услуг российских вузов в цифровой среде // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2025. № 2 (56). С. 111–122. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-tehnologii-prodvizheniya-obrazovatelnyh-uslug-rossiyskih-vuzov-v-tsifrovoy-srede (дата обращения: 25.10.2026).
10. Зверева Е. А., Хворова В. А. Поколения Y и Z: особенности медиапотребления // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 6. С. 131–140. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pokoleniya-y-i-z-osobennosti-mediapotrebleniya (дата обращения: 25.10.2026).
11. Истомина В. В., Чурина Н. А. Элементы диджитал-маркетинга профессиональной организации для профессиональной навигации молодёжи // Гуманитарные технологии в современном мире: сб. ст. IX Междунар. науч.-практ. конф. (Светлогорск, 3–5 июня 2021 г.). Калининград: Полиграфычъ, 2021. С. 410–415. URL: https://r1.nubex.ru/s13240–5a1/f3588_38/Истомина %20В.В._Чурина %20Н.А_Элементы %20диджитал-маркетинга.pdf (дата обращения: 25.10.2026).

12. Камал Ж. Ж., Казыбаева А. М. Цифровые коммуникации в системе PR-деятельности университета // Евразийский журнал предпринимательства. 2026. Т. 2, № 1. С. 15–26. URL: https://ejent.almau.edu.kz/index.php/ca/article/view/34/11 (дата обращения: 25.10.2026).
13. Кудрявцева М. И. Университет как субъект коммуникативного пространства массмедиа: дискурсивные практики // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. № 4. URL: https://sfk-mn.ru/PDF/51FLSK420.pdf (дата обращения: 25.10.2026).
14. Кусова М. Б. PR-продвижение образовательных организаций: кейс российских университетов // Научные исследования: проблемы и перспективы в условиях формирования многополярного мира: сб. науч. тр. по материалам XIX Междунар. науч.-практ. конф. (Анапа, 19 июня 2026 г.). Анапа: НИЦ ЭСП в ЮФО, 2026. С. 24–30. URL: https://innova-science.ru/wp-content/uploads/2026/07/sbornik-konferenczii-19.06.2026-nipp-19.pdf (дата обращения: 25.10.2026).
15. Макарова П. В. Аудитория современных медиа: проблемы доверия и восприятия контента // Журналистика в поисках моделей развития: материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Томск, 1–2 окт. 2025 г.). Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2025. С. 158–160. URL: https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/koha:001274697/SOURCE1?view=true (дата обращения: 25.10.2026).
16. Макарова П. В. Медиапотребление поколения Z: особенности, мотивации, риски // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2026. № 3. С. 120–123. URL: https://jour.vsu.ru/wp-content/uploads/vestnik-fil-zhur-2026–3–1.pdf (дата обращения: 25.10.2026).
17. Медиапотребление «цифровой молодёжи» в России / под ред. Д. В. Дунаса. Москва: Фак. журн. МГУ, 2021. 406 с. URL: https://www.journ.msu.ru/upload/iblock/4ea/4eae7985ff410d18b94a34d3c2debb64.pdf (дата обращения: 25.10.2026).
18. Плетнев А. В. Социализация представителей поколения Z в цифровой среде и её влияние на образование // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2020. Т. 33, № 1. С. 115–121. URL: https://psyjournals.ru/journals/scientific_notes/archive/2020_n1/scientific_notes_2020_n1_Pletnev.pdf (дата обращения: 25.10.2026).
19. Прохоров А. В. Уровневая модель медиауниверсума современного университета: дис. … д-ра филол. наук: 5.9.9. Воронеж, 2023. URL: http://www.science.vsu.ru/dissertations/11277/Диссертация_Прохоров_А.В..pdf (дата обращения: 25.10.2026).
20. Рубцова Н. В., Астраханцева А. С. Медиасистема университета и оценка эффективности её функционирования // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11, № 2. С. 322–341. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mediasistema-universiteta-i-otsenka-effektivnosti-ee-funktsionirovaniya (дата обращения: 25.10.2026).
21. Степанов В. Н., Иванов С. В. Коммуникационный аудит «присутствия» (веб-презенс) образовательной организации в интернете // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11, № 2. С. 342–354. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikatsionnyy-audit-prisutstviya-veb-prezens-obrazovatelnoy-organizatsii-v-internete (дата обращения: 25.10.2026).
22. Усачев А. С. Оценка эффективности использования цифровых инструментов в продвижении образовательных услуг вуза // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Т. 15, № 9А. С. 149–158. URL: http://publishing-vak.ru/file/archive-economy-2025–9/b12-usachev.pdf (дата обращения: 25.10.2026).
23. Фальков: вузы России должны готовить инженеров-творцов и изобретателей-новаторов // Life.ru. 2026. 20 июня. URL: https://life.ru/p/1889852 (дата обращения: 25.10.2026).
24. Фаюстов А. В. Создание и развитие бренда федерального университета в условиях медиатизации науки и образования: на примере Уральского федерального университета: дис. … канд. филол. наук: 10.01.10. Воронеж, 2021. URL: http://www.science.vsu.ru/dissertations/9583/Диссертация_Фаюстов_А.В..pdf (дата обращения: 25.10.2026).
25. Хворова В. А. Медиапотребление современной молодёжной аудитории: проблема формирования ценностных ориентиров: дис. … канд. филол. наук: 5.9.9. Воронеж, 2023. URL: http://www.science.vsu.ru/dissertations/11454/Диссертация_Хворова_В.А..pdf (дата обращения: 25.10.2026).
26. Шадрина Л. Ю. Позиционирование образовательной программы университета с использованием цифровых технологий и коммуникаций // Высшее образование для стратегических коммуникаций: вызовы цифровизации: сб. материалов XXVIII Всерос. науч.-метод. конф. зав. кафедрами маркетинга, рекламы, связей с общественностью и смежных направлений (Москва, 25–27 апр. 2024 г.). Москва: АКАР, 2024. С. 324–330. URL: https://akarussia.ru/files/docs/AKAR_2024_web.pdf (дата обращения: 25.10.2026).
27. Шумилина П. Д. Сравнительный анализ факторов доверия к медиа у аудитории Y и Z: поколенческий аспект // Социология. 2024. № 11. С. 130–135. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-faktorov-doveriya-k-media-u-auditorii-y-i-z-pokolencheskiy-aspekt (дата обращения: 25.10.2026).
28. Cunningham S. Looking Ahead, with Gratitude for 2018 // Council for Advancement and Support of Education (CASE). 2018. URL: https://case.org/resources/looking-ahead-gratitude-2018 (дата обращения: 25.10.2026).

How a brand mascot becomes an independent character with an audience of its own

Prudchenko Oleg Dmtrevich, master's student;
Samusenko Aleksandr Sergeevich, master's student
Tyumen Industrial University

This article examines how a mascot created to promote a product or brand can develop into an independent character with an audience of its own. The analysis is based on three cases: Mickey Mouse, Sonic the Hedgehog, and Hatsune Miku. These examples represent different development models: the expansion of a screen character through licensing, the development of a character around an interactive video game, and the transition from the visual avatar of voice-synthesis software to a focal point for collaborative music-making. The comparison makes it possible to identify the roles of media platforms, repeated audience engagement, and user-generated content. Autonomy is understood not as complete independence from the rights holder, but as the character's ability to exist in cultural circulation beyond its original promotional or technical function.

Keywords: *mascot, independent character, Mickey Mouse, Sonic the Hedgehog, Hatsune Miku, fan-generated content, media franchise, digital culture.*

Как маскот из «лица» бренда превращается в самостоятельного персонажа с собственной аудиторией

Прудченко Олег Дмитриевич, студент магистратуры;
Самусенко Александр Сергеевич, студент магистратуры
Тюменский индустриальный университет

В статье рассматривается, как маскот, созданный для продвижения продукта или бренда, может со временем стать самостоятельным персонажем с собственной аудиторией. Анализ строится на трех случаях: Микки Маусе, Сонике и Хацунэ Мику. Эти примеры представляют разные модели развития: расширение экранного образа и лицензирования, формирование персонажа вокруг интерактивной видеоигры и переход от визуального образа голосового программного обеспечения к центру коллективного музыкального творчества. Сопоставление позволяет выделить роль медиаплатформ, повторяющегося взаимодействия с аудиторией и пользовательского контента. При этом автономность понимается не как полная независимость от правообладателя, а как способность персонажа существовать в культурном обращении за пределами первоначальной рекламной или технической функции.

Ключевые слова: *маскот, самостоятельный персонаж, Микки Маус, Соник, Хацунэ Мику, фанатское творчество, медиафраншиза, цифровая культура.*

Introduction

Brands use personified images to make a product recognizable and emotionally relatable to an audience [1, 2]. However, a mascot does not necessarily remain a supporting element of advertising. If an image appears regularly across different media, acquires recognizable traits, and becomes the subject of user-created work, audiences may perceive it separately from the original product. This process does not mean that the character ceases to belong to the rights holder; what changes above all is its cultural function.

This article compares three different cases. Mickey Mouse is associated with the development of animation, film production, and licensing [3, 6]; Sonic originated as a video game character and expanded within a game and cross-media franchise [5, 7, 8]; Hatsune Miku was introduced as the visual avatar of voice-synthesis software, but became the basis for musical works created by users [9, 10, 12]. Comparing these trajectories helps clarify which mechanisms enable a mascot to move beyond its original purpose.

Literature Review

Research on emotional branding and cultural branding makes it possible to view a recognizable image not only as a means of identification, but also as a carrier of emotional and social meanings [2, 3]. Studies of children's media culture and fan participation, in turn, draw attention to the active role of audiences in interpreting commercial images [4, 5, 9]. For this article, it is important to combine these approaches: corporate strategy explains the character's origin and dissemination, while audience practices explain how the image acquires additional meanings.

Popularity alone, however, does not prove a character's autonomy. It is necessary to consider whether interest in the character continues beyond the original product, what forms of content emerge around it, and how varied the ways are in which audiences interact with the image. The criteria below are used as qualitative indicators rather than as a quantitative scale.

Data Sources

The study is a comparative qualitative analysis of three cases: Mickey Mouse, Sonic the Hedgehog, and Hatsune Miku. It examines the original function of each image, the ways it is disseminated across different media, and audience participation in sustaining its popularity. The available materials allow the development trajectories to be compared, but do not provide a single quantitative basis for measuring "autonomy". The findings should therefore not be interpreted as statistically proven patterns.

Results

Comparison of Three Trajectories

Table 1 shows the original function of each image, the mechanism behind its subsequent development, and the nature of its relationship with the audience.

Table 1. **Three Models of the Transition from Mascot to Independent Character**

Character	Original commercial context	Main development mechanism	Status and relationship with the audience	Sources
Mickey Mouse	Animated short films (since 1928); later, licensing and merchandise	Expansion of screen presence, licensing, and appearances across different media	A recognizable cultural symbol perceived beyond individual films	[3, 6]
Sonic the Hedgehog	The video game Sonic the Hedgehog (1991)	Interactive gameplay, sequels, and cross-media adaptations	A game-franchise character with an audience whose memories and interpretations extend beyond an individual game	[5, 7, 8]
Hatsune Miku	Visual avatar of a singing-synthesis software product (2007)	User-created music and visual art, performances, and digital distribution	A virtual performer and a focal point for collaborative creativity; use of the image is nevertheless governed by the rights holders' terms	[9, 10, 11, 12, 13]

Note: Autonomy is assessed qualitatively here, based on the presence of content beyond the original product, the variety of media platforms, and audience participation. It does not mean that the character is legally independent of the rights holder.

Trajectories and Mechanisms of Character Development

Mickey Mouse illustrates how a character that became famous through animated films can turn into a recognizable cultural symbol and move beyond individual works. Licensing and the use of the image on merchandise maintain its presence in everyday culture, while new screen appearances renew interest in the character. Its autonomy is not associated with the disappearance of corporate control, but with the fact that the image is recognized and used in a wide range of contexts [3, 6].

Sonic developed along a different trajectory. Its original medium was the video game, where the character's personality is revealed through action and the player's interaction with the game world. Game sequels, adaptations, and fan practices expanded the character beyond an individual game product. In this case, what matters is not only the hero's visual design, but also the experience of controlling the character: audiences associate the character with specific game mechanics, memories, and their own interpretations [5, 7, 8].

Discussion

Hatsune Miku represents a third model. Initially, she was a visual avatar accompanying a singing-synthesis software product. Later, the image became associated with musical compositions and visual works created by users. Unlike characters whose stories develop mainly through works produced by the rights holder, Miku's cultural presence is sustained to a considerable extent by distributed creative activity: different authors use her image for their own songs, illustrations, and performances. Her case therefore

particularly clearly shows how a technical tool and its visual representation can become the focal point of a collaborative creative practice. At the same time, the degree of openness of such use depends on the applicable licensing rules and does not mean that there is no rights holder [9, 10, 11, 12, 13].

The comparison does not allow the development of all three images to be reduced to a single model. Mickey Mouse became a cultural symbol through a long-standing screen presence and licensing; Sonic is associated with interactive gameplay and franchise expansion; Hatsune Miku gained a distinctive position through the participation of numerous independent creators. The common factor is the audience's ability to encounter the image and reinterpret it beyond a single original product. The mechanisms behind this process and the degree of user participation, however, differ [6, 7, 8, 9, 10, 11, 12].

Limitations of the Study

The study has limitations. The analysis is qualitative and does not rely on a single comparable set of statistics on audiences, revenue, and the volume of user-generated content. In addition, the three selected cases do not represent all types of mascots. The findings therefore describe different trajectories and should not be regarded as a universal formula for character development.

Conclusion

A comparison of Mickey Mouse, Sonic the Hedgehog, and Hatsune Miku shows that the transition from mascot to independent character can take different paths. In one case, animation, licensing, and a long-standing presence in popular culture are decisive; in another, the interactivity of video games and franchise development are key; in the third, creative participation by users turns the visual avatar of a software product into the basis for numerous musical works. In all three cases, the original function does not disappear completely, but it no longer fully defines the character's meaning. Analyses of such processes must take into account not only the commercial origins of the image, but also the ways audiences use and interpret it [6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13].

References:

1. Hosany, S., Prayag, G., Martin, D., & Lee, W.-Y. (2013). Theory and strategies of anthropomorphic brand characters from Peter Rabbit, Mickey Mouse, and Ronald McDonald, to Hello Kitty. Journal of Marketing Management, 29(1–2), 48–68. https://doi.org/10.1080/0267257X.2013.764346
2. Gobé, M. (2001). Emotional Branding: The New Paradigm for Connecting Brands to People. Allworth Press.
3. Holt, D. B. (2004). How Brands Become Icons: The Principles of Cultural Branding. Harvard Business School Press.
4. Buckingham, D. (1995). The Commercialisation of Childhood? The Place of the Market in Children's Media Culture. Changing English, 2(2), 17–40. https://doi.org/10.1080/1358684950020202
5. Jenkins, H. (2006). Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. New York University Press.
6. Bellido, J., & Bowrey, K. (2018). Disney in Spain (1930–1935). Business History, 60(8), 1277–1307. https://doi.org/10.1080/00076791.2017.1299129
7. The Strong National Museum of Play. (2021, August 20). Sonic the Hedgehog. https://www.museumofplay.org/games/sonic-the-hedgehog/
8. Noel, C., & Hamus-Vallée, R. (2025). Fans vs Paramount: Les multiples visages de Sonic. Kinephanos, special issue on VFX and Fans: Participatory Culture and the Industry / Development and Reception of Video Game Environments. https://ojs.kinephanos.ca/index.php/revue/en/article/view/12
9. Jørgensen, S. H., Vitting-Seerup, S., & Wallevik, K. (2017). Hatsune Miku: An Uncertain Image. Digital Creativity, 28(4), 318–331. https://doi.org/10.1080/14626268.2017.1381625
10. Anderson, N. (2021). Hatsune Miku, Virtual Idols, and Transforming the Popular Music Experience. Music.Ology.ECA, 2. https://doi.org/10.2218/music.2021.6478
11. Michaud, A. (2022). Locating Liveness in Holographic Performances: Technological Anxiety and Participatory Fandom at Vocaloid Concerts. Popular Music, 41(1), 1–19. https://doi.org/10.1017/S0261143021000660
12. Crypton Future Media. (n.d.). Hatsune Miku and Piapro Characters. Piapro.net. https://piapro.net/intl/en_character.html
13. Crypton Future Media. (n.d.). For Creators: Character Use Guidelines. Piapro.net. https://piapro.net/intl/en_for_creators.html

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Особенности и проблемы использования специальных знаний при осмотре места происшествия по делам о корыстно-насильственных преступлениях

Андрющенко Екатерина Романовна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Рассматриваются особенности применения специальных знаний при осмотре места происшествия по уголовным делам о корыстно-насильственных преступлениях. Анализируются процессуальные основы участия специалиста, криминалистическое значение различных видов следов и проблемы их обнаружения, фиксации, изъятия и сохранения. На основе научных публикаций, региональной статистики и судебной практики выделены два основных направления совершенствования: дифференцированный выбор специалистов с учетом характера преступления и повышение полноты фиксации доказательственной информации. Обосновывается целесообразность разработки методического алгоритма привлечения специалистов, использования технических средств документирования обстановки и соблюдения требований к обращению с объектами, представляющими доказательственное значение. Предложенные меры направлены на снижение риска утраты следов и повышение качества последующих экспертных исследований.

Ключевые слова: *специальные знания, осмотр места происшествия, корыстно-насильственные преступления, специалист, криминалистические следы, фиксация доказательств, судебная экспертиза.*

Peculiarities and problems of using special knowledge in the inspection of the crime scene in cases of mercenary violent crimes

Andryushchenko Yekaterina Romanovna, master's student
Saratov State Law Academy

The article examines the use of specialized knowledge during crime scene examinations in cases involving violent acquisitive crimes. It discusses the procedural framework for specialist participation and the forensic significance of detecting, documenting, collecting, and preserving different types of traces. Drawing on academic literature, regional statistics, and judicial practice, the study identifies two priority areas for improvement: selecting specialists according to the circumstances of the offence and ensuring comprehensive documentation of evidentiary information. It proposes a methodological approach to identifying the necessary expertise, using technical recording tools, and safeguarding collected materials for subsequent forensic examination. These measures are intended to reduce the risk of losing relevant traces and improve the reliability of investigative findings.

Keywords: *specialized knowledge, crime scene examination, violent acquisitive crime, forensic specialist, trace evidence, evidence documentation, forensic examination.*

Особенное значение имеет применение специальных знаний в процессе осмотра места происшествия по делам об корыстно-насильственных преступлениях — ведь только он дает возможность вовремя обнаружить, зарегистрировать и обеспечить сохранность следов, которые могут содержать информацию как о способе хищения имущества, так и о виде насилия. Специалист — лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее — УПК РФ), для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию [1]. При расследовании преступлений рассматриваемой категории наиболее востребованными являются криминалистические, судебно-медицинские, биологические, трасологические, дактилоскопические и цифровые специальные знания. Статьи 176 и 177 УПК РФ также допускают проведение осмотра места происшествия до возбуждения уго-

ловного дела и закрепляют требования, которые касаются порядка осмотра, изъятия, упаковки и индивидуализации выявленных объектов.

Практическая значимость данной темы обусловлена следующими данными: в Саратовской области за 2025 год зарегистрировано 14 790 преступлений против собственности, что составляет 55,1 % от общего количества совершенных в регионе преступлений.

Несмотря на снижение в 12,4 % числа преступлений против собственности от показателей 2024 г., доля данных преступлений достаточно высока — это говорит о необходимости еще большего развития механизмов обнаружения, регистрации и сохранения сведений о доказательствах [2].

Одной из наиболее существенных проблем является недостаточно дифференцированный подход к привлечению специалистов при осмотре места происшествия. Участие специалиста не должно ограничиваться главным образом фотографированием общей обстановки и изъятием наиболее заметных следов. Корыстно насильственные преступления характеризуются многослойностью следового аппарата — на месте преступления можно обнаружить следы рук, обуви, биологические жидкости (кровь), микрообъекты, возможные орудия преступления, разрушенные части интерьера, электронные носители информации, видеозаписи с камер наблюдения.

В данном случае следует согласится с позицией А. В. Саранцевой, которая отмечала, что «цели применения специальных знаний в деятельности следователя многообразны и варьируются от обнаружения и фиксации следов преступления с использованием криминалистических методов и техники до предварительного анализа собранных материалов для выявления взаимосвязей и определения направлений дальнейшего расследования, планирования следственных действий» [3].

Практика участия специалистов в проведении следственного осмотра постепенно расширяется, что во многом связано с более активным использованием современных технических средств. Одновременно в специальной криминалистической литературе делается вывод о необходимости более подробной законодательной регламентации процессуального положения специалиста и конкретных форм его участия при производстве следственных действий [4].

Представляется, что устранение данной проблемы должно выражаться не столько в механическом увеличении числа осмотров, проводимых с участием специалиста, сколько в правильном выборе необходимого профиля специальных знаний уже на стадии подготовки к следственному действию. Если из первоначальной информации следует, что при нападении использовалось оружие либо иной предмет в качестве оружия, необходимо заранее обеспечить квалифицированное обнаружение, фиксацию и сохранение соответствующих следов. При наличии крови и других биологических объектов требуется исключить возможность их загрязнения и обеспечить условия для последующего молекулярно-генетического исследования. Если преступление совершено в общественном месте, необходимо без промедления определить расположение камер видеонаблюдения и принять меры для сохранения имеющихся записей. В связи с этим в ведомственных методических рекомендациях целесообразно закрепить специальный алгоритм определения требуемого круга специалистов с учетом способа нападения, характера примененного насилия и конкретной обстановки места происшествия.

Вторая проблема связана с неполным обнаружением, фиксацией и изъятием криминалистически значимой информации. Требование полноты имеет особое значение при проведении осмотра места происшествия, поскольку данное следственное действие зачастую является неповторимым, а его результаты во многом закладывают основу дальнейшего производства всего расследования по делу [5]. Выражается это в том, что следователи зачастую неверно определяют границы осмотра, что приводит к неоправданному уменьшению количества объектов осмотра, допускают неточности в выявлении и фиксации признаков осматриваемых объектов, увлекаясь одной, кажущейся наиболее правдоподобной версией, упускают из виду следы и предметы, не подтверждающие эту версию, и т. п. Это порождает значительные потери времени, построение ошибочных версий, необоснованное проведение последующих следственных действий.

Близкой позиции придерживается Ю. В. Красненко, результативность раскрытия преступлений и расследования уголовных дел, связанных с хищениями на объектах транспортной инфраструктуры, в значительной степени зависит от качественно проведенного осмотра места происшествия [6]. При этом значение специальных знаний не ограничивается только непосредственным поиском и изъятием материальных следов. Специалист способен оказать существенную помощь в получении первоначального представления о механизме совершенного преступления, что впоследствии влияет на выбор дальнейших направлений расследования.

При расследовании корыстно-насильственных преступлений необходимо фиксировать не только точное место обнаружения похищенного имущества либо предполагаемого орудия нападения. Существенное значение имеют взаимное расположение следов борьбы, вероятное направление движения участников события, расположение биологических следов, характер повреждений элементов окружающей обстановки, а также местонахождение камер видеонаблюдения. Оформление протокола осмотра должно обеспечить возможность последующей верификации выявленных следов по отношению к показаниям потерпевших, свидетелей и обвиняемого, результатам проведённых экспертиз. В этих целях рекомендуется применять фотофиксацию (обзорная съемка, узловая съемка, детализация), видеозапись, инструментальные измерения методы; при сложном пространстве места преступления — трехмерное моделирование. Не-

обходимо обеспечить индивидуальную маркировку найденных предметов, упаковку каждого предмета отдельно, хранение в условиях, обеспечивающих возможность дальнейшего проведения экспертизы.

Показательной в этом отношении является практика Саратовской области. Приговором Ленинского районного суда г. Саратова по делу № 1–31/2025 подсудимый был признан виновным, в том числе в разбое, предусмотренном ч. 1 ст. 162 УК РФ. По рассматриваемому эпизоду в совокупность доказательств, исследованных судом, входили протокол осмотра места происшествия, видеозапись, полученная из находившегося рядом магазина, а также заключение судебно-медицинского эксперта. Эксперт установил у потерпевшей закрытую черепно-мозговую травму, сотрясение головного мозга и ссадину, которые были квалифицированы как легкий вред здоровью. Суд признал указанные доказательства допустимыми и взаимно согласующимися [7]. Этот пример показывает, что результативность применения специальных знаний возрастает тогда, когда они используются не изолированно, а в совокупности с результатами осмотра места происшествия и другими объективными источниками доказательственной информации.

Судебная статистика также отражает существенный объем уголовного судопроизводства в Саратовской области. По уголовным делам, рассмотренным с вынесением приговора, в 2024 году осуждено 7 074 лица, тогда как в 2023 году — 7 863 лица, а в 2022 году — 8 549 лиц. В апелляционном порядке пересматривались итоговые судебные решения по 910 уголовным делам в отношении 1 100 лиц [8]. Эти статистические данные сами по себе не позволяют установить число нарушений или недостатков, непосредственно допущенных при осмотре места происшествия, однако они показывают значительный масштаб уголовного судопроизводства в регионе и, следовательно, практическую важность качественного формирования доказательственной базы уже на первоначальном этапе расследования.

Таким образом, совершенствование практики использования специальных знаний при осмотре места происшествия по уголовным делам о корыстно-насильственных преступлениях должно развиваться по двум взаимосвязанным направлениям: за счет адресного привлечения специалистов именно того профиля, который необходим с учетом характера конкретного преступления; посредством обеспечения максимально полного обнаружения, фиксации, изъятия и дальнейшего сохранения разнородных следов. Реализация указанных мер позволит снизить вероятность утраты криминалистически значимой информации, повысить качество последующих экспертных исследований и обеспечить более обоснованную проверку следственных версий, касающихся механизма нападения, личности предполагаемого виновного и характера примененного насилия.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ. -2001. -№ 52 (ч. I). — Ст. 4921.
2. В Саратовской области в 2025 году зарегистрировано почти 15 тысяч преступлений против собственности // Прокуратура Саратовской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_64/mass-media/news/regional/e8363301 (дата обращения 11.09.2026)
3. Саранцева А. В. Интеграция специальных знаний в уголовное судопроизводство: процессуальные подходы и значимость для работы следователей // Наука и мир. 2025. № 1. С. 11–15.
4. Климович Л. П., Логинова Н. Г. Участие специалиста в следственном осмотре: эволюция научных подходов и актуальные прикладные вопросы // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2026. № 1. С. 177–185.
5. Кисленко С. Л. Принцип полноты осмотра места происшествия: содержание и проблемы практической реализации // Российский следователь. 2024. № 7. С. 6–12.
6. Красненко Ю. В. Криминалистические особенности производства осмотра места происшествия по делам о хищениях на объектах транспортной инфраструктуры // Евразийский юридический журнал. 2023. № 8 (183). С. 381–382.
7. Приговор Ленинского районного суда г. Саратова по уголовному делу № 1–31/2025 (1–794/2024), 13 января 2025 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/SoH6TshLylZW (дата обращения 14.09.2026)
8. Подведены итоги работы судов Саратовской области в 2024 году // Саратовский областной суд. URL: https://oblsud.sar.sudrf.ru/modules.php?did=38&name=press_dep&op=1&utm (дата обращения 11.09.2026)

Современные особенности правового регулирования сферы культуры в Российской Федерации: цели, задачи, уровни, методы и инструменты

Ахметзянова Айгуль Альбертовна, студент
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

Сфера культуры традиционно рассматривается как одна из ключевых областей общественной жизни, обеспечивающая сохранение исторической памяти, формирование национальной идентичности, развитие духовных ценностей и поддержку социального единства общества. В современных условиях значение культуры возрастает, поскольку она выступает важным фактором устойчивого развития государства, укрепления гражданского общества и обеспечения культурного суверенитета страны. В Российской Федерации правовое регулирование сферы культуры представляет собой сложную и многоуровневую систему норм, принципов и механизмов. Современное состояние данной сферы характеризуется сочетанием конституционных гарантий, отраслевого законодательства, программно-целевого управления и активного участия субъектов РФ и муниципальных образований в культурной политике. Особенность правового регулирования культуры заключается в том, что оно затрагивает одновременно публичные и частные интересы.

Правовое регулирование сферы культуры представляет собой систему юридических средств и механизмов, через которые государство воздействует на общественные отношения, возникающие в процессе создания, сохранения, распространения и использования культурных ценностей. Данное регулирование осуществляется посредством нормативно-правовых актов различной юридической силы, деятельности государственных органов, финансовой поддержки культурных учреждений и иных форм государственного воздействия. Культура как объект правового регулирования отличается многообразием форм и направлений. К ней относятся деятельность учреждений культуры, библиотечное и музейное дело, театральное искусство, кинематография, охрана объектов культурного наследия, народное творчество, деятельность творческих союзов и иные формы культурной активности. Правовое регулирование культуры имеет социальное значение—оно обеспечивает реализацию конституционного права граждан на участие в культурной жизни, доступ к культурным ценностям и свободу творчества. Кроме того, государственное регулирование способствует сохранению культурного наследия народов РФ, развитию национальных культур и укреплению межнационального согласия.

Основу правового регулирования культуры в Российской Федерации составляет Конституция Российской Федерации. Конституционные положения закрепляют фундаментальные принципы государственной культурной политики и гарантируют основные культурные права граждан. Одним из ключевых положений является 44 статья конституции — каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям. Конституция гарантирует свободу литературного, художественного, научного, технического и иных видов творчества, а также охрану интеллектуальной собственности. Особое значение имеет положение о недопустимости цензуры— статья 29, часть 5 Конституции РФ. Принцип свободы творчества предполагает невозможность произвольного вмешательства государства в содержание художественных произведений и культурной деятельности, за исключением случаев, прямо предусмотренных законодательством. Конституция Российской Федерации закрепляет и распределяет полномочии между федеральными органами государственной власти и субъектами Федерации. Вопросы культуры относятся к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Это означает, что федеральный центр устанавливает общие принципы правового регулирования, тогда как субъекты Федерации вправе принимать собственные нормативные акты с учетом региональных особенностей. При этом на практике совместное ведение порождает проблему разграничения полномочий и нередко сопровождается жалобами регионов на недофинансирование переданных государственных полномочий в сфере культуры. Конституционные нормы получили развитие в отраслевом законодательстве, регулирующем отдельные направления культурной деятельности. Важное значение имеют Основы законодательства Российской Федерации о культуре (ФЗ № 3612–1 от 1992 г.) об объектах культурного наследия, о библиотечном деле, музейном фонде, кинематографии и других сферах.

Современное правовое регулирование сферы культуры направлено на достижение ряда стратегических целей, связанных с обеспечением культурного развития общества и государства, непосредственно определённых в Стратегии государственной культурной политики, утверждённой Распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2024 г. № 2501-р. В соответствии с данным документом, основными направлениями реализации государственной культурной политики являются: сохранение единого культурного пространства, исторического и культурного наследия народов Российской Федерации и его использование для воспитания и образования; формирование гармонично развитой личности, разделяющей традиционные российские духовно-нравственные ценности; укрепление единства российского общества; укрепление гражданской идентичности; создание условий для воспитания гармо-

нично развитой личности; передача от поколения к поколению традиционных для российского общества ценностей, норм, традиций и обычаев; создание условий для реализации каждым человеком его творческого потенциала; обеспечение гражданам доступа к знаниям, информации и культурным ценностям; обеспечение культурного суверенитета Российской Федерации. Кроме того, сохраняют своё значение такие задачи, как цифровизация культурной сферы и обеспечение экономической устойчивости учреждений культуры.

Правовое регулирование сферы культуры в Российской Федерации осуществляется на нескольких уровнях, что обусловлено федеративным устройством государства. Первый уровень составляет федеральное регулирование. На данном уровне принимаются федеральные законы, указы Президента РФ, постановления Правительства РФ и иные нормативные акты, определяющие общие принципы государственной культурной политики. Особую роль играет деятельность федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере культуры. Через систему государственных программ и национальных проектов реализуются основные направления культурного развития страны. Второй уровень представлен субъектами Российской Федерации. Региональные органы власти принимают собственные законы и иные нормативные акты в сфере культуры, формируют региональные программы развития культуры, осуществляют финансирование учреждений культуры субъектового уровня. Третий уровень составляют муниципальные образования. Органы местного самоуправления обеспечивают деятельность муниципальных библиотек, домов культуры, детских школ искусств и иных учреждений культуры местного значения.

Правовое регулирование сферы культуры осуществляется посредством различных юридических способов воздействия на общественные отношения. В теории права традиционно выделяются три основных способа правового регулирования: дозволение, позитивное обязывание и запрет. Их применение в сфере культуры позволяет государству одновременно обеспечивать свободу творческой деятельности, поддерживать развитие культурной среды и охранять общественные интересы. Дозволение представляет собой предоставление субъектам права возможности самостоятельно совершать определенные действия в пределах, установленных законодательством. Данный способ регулирования проявляется также в возможности создания частных учреждений культуры, деятельности творческих союзов, независимых театров, художественных галерей и иных культурных организаций. Позитивное обязывание выражается в возложении на участников правоотношений обязанности совершать определенные действия. В сфере культуры данный способ используется прежде всего для обеспечения реализации государственной культурной политики и сохранения культурного наследия. Государственные органы должны создавать условия для развития культуры, обеспечивать доступность культурных ценностей, финансировать учреждения культуры и охранять объекты культурного наследия. Запрет представляет собой установление обязанности воздерживаться от определенных действий, способных причинить вред общественным отношениям. В сфере культуры запреты направлены на защиту культурного наследия, обеспечение общественной безопасности и соблюдение нравственных принципов общества. Законодательство РФ запрещает уничтожение или повреждение объектов культурного наследия, незаконный вывоз культурных ценностей за пределы страны, нарушение правил хранения музейных и архивных фондов. Установлена ответственность за незаконные археологические работы, вандализм и иные действия, причиняющие ущерб культурным объектам.

Современная государственная культурная политика реализуется посредством разнообразных правовых, организационных и экономических инструментов. Именно нормативно-правовые акты определяют правовой режим культурной деятельности, закрепляют права и обязанности участников культурных отношений, устанавливают гарантии сохранения культурного наследия. Финансирование осуществляется как на федеральном, так и на региональном и муниципальном уровнях. Учреждения культуры получают бюджетные средства на содержание и реализацию культурных программ. Важным инструментом являются гранты и субсидии. Государственная поддержка предоставляется творческим коллективам, некоммерческим организациям и молодым деятелям искусства. Особую роль здесь играет Президентский фонд культурных инициатив, созданный в 2021 году, который является ключевым грантовым оператором для проектов в области культуры и искусства. Такая поддержка способствует развитию культурных инициатив и стимулирует творческую активность. Налоговые льготы (например, освобождение от НДС на билеты в театры, музеи, концертные организации) также выступают эффективным экономическим инструментом. Важное значение имеет система охраны объектов культурного наследия. Государство ведет реестры объектов культурного наследия, устанавливает охранные обязательства, организует реставрационные работы. В современных условиях значительную роль приобретают цифровые технологии. Создаются электронные библиотеки, виртуальные музеи, цифровые архивы и иные информационные ресурсы, обеспечивающие широкий доступ граждан к культурным ценностям. Внедряется ФГИС «Единое цифровое пространство в сфере культуры» (PRO.Культура.РФ). Кроме того, государство использует инструменты международного культурного сотрудничества, направленные на культурный обмен и укрепление международных гуманитарных связей.

Таким образом, правовое регулирование сферы культуры в Российской Федерации представляет собой сложную и многоуровневую систему, основанную на конституционных принципах, отраслевом законодательстве

и механизмах государственной культурной политики. Особенность современной культурной политики заключается в необходимости сочетания государственного участия с обеспечением свободы творчества и культурного многообразия. Эффективность правового регулирования во многом зависит от способности государства учитывать современные вызовы, связанные с цифровизацией, глобализацией и изменением культурных потребностей общества. В перспективе развитие правового регулирования культуры должно быть направлено укрепление роли культуры как важнейшего элемента общественного и государственного развития.

Литература:

1. Закон РФ от 09.10.1992 № 3612-I «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (с изм. и доп.). — URL: https://base.garant.ru/104540/
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
3. Личный конспект по дисциплине «Искусство и законодательство» (материалы лекций и семинаров). [Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Факультет гуманитарных и социальных наук, 2025/2026 учебный год].
4. Официальный сайт портала «PRO.Культура.РФ» — URL: https://pro.culture.ru
5. Официальный сайт Президентского фонда культурных инициатив — URL: https://фондкультурныхинициатив.рф
6. Паспорт национального проекта «Культура» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16). — URL: https://legalacts.ru/doc/pasport-natsionalnogo-proekta-kultura-utvprezidiumom-soveta-pri-prezidente/
7. Распоряжение Правительства РФ от 11.09.2024 № 2501-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» (вместе со «Стратегией государственной культурной политики на период до 2030 года»). — URL: http://static.government.ru/media/files/jIx0zkwFvU0sCnXIQTwpZO0RqTMMVL7v.pdf
8. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия народов Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026). —URL: https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-25062002-n-73-fz-ob/

Государственная регистрация актов гражданского состояния: понятие и виды

Базяк Алексей Сергеевич, студент
Калужский институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета

Данная статья посвящена анализу правовой природы актов гражданского состояния, а также их видам по российскому законодательству. Рассматривается двойственная природа актов гражданского состояния — в одних случаях они просто подтверждают уже возникший факт, а в других порождают его.

Ключевые слова: *акт гражданского состояния, юридический факт, государственная регистрация, запись акта гражданского состояния, органы ЗАГС.*

Частная жизнь граждан нередко содержит ситуации, которые необходимо оформлять путем государственной регистрации. Связано это с тем, что данные ситуации порождают права и вытекающие из них обязанности в различных сферах как частноправового, так и публично-правового характера. Законодателем установлено, что акты гражданского состояния подлежат регистрации специально на то уполномоченными государственными органами [4].

Государственная регистрация — деятельность уполномоченных органов по проверке предоставленных сведений, внесению записи в реестр и выдаче свидетельства [4]. С 1 октября 2018 года записи об актах гражданского состояния вносятся в Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния (ЕГР ЗАГС). Переход к цифровой форме регистрации был осуществлен согласно Федеральному закону от 23 июня 2016 года № 219-ФЗ.

Наличие единого реестра усилило межведомственный характер записи акта гражданского состояния. Сведения из ЕГР ЗАГС используются целым рядом служб — при выдаче документов, в нотариальной и наследственной практике, при предоставлении мер социальной поддержки.

Несомненно, что государственная регистрация актов гражданского состояния с одной стороны, необходима для обеспечения охраны имущественных и личных неимущественных прав граждан, но также для использования в качестве инструмента государства в области обеспечения законности и правопорядка.

Актами гражданского состояния признаются, согласно федеральному закону «Об актах гражданского состояния» такие юридические факты как действия граждан или события, влияющие на возникновение изменений или прекращение прав и обязанностей, а также характеризующих правовое состояние граждан [4].

Согласно статье 47 ГК РФ государственной регистрации подлежат: рождение, заключение и расторжение брака, усыновление (удочерение), установление отцовства, перемена имени и смерть [2]. Причем перечень этот является исчерпывающим и он подтверждается статьей 3 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» [4]. Акт гражданского состояния не включенный в данный перечень не подлежит регистрации в установленном порядке.

Регистрация актов гражданского состояния производится органами записи актов гражданского состояния, которые образованы при органах местного самоуправления. Процедура эта осуществляется путем внесения записи о возникшем юридическом факте в соответствующие актовые книги. На основе этого гражданам выдаются свидетельства, которые удостоверяют факт государственной регистрации акта гражданского состояния.

Именно регистрация превращает свершившийся юридический факт в акт гражданского состояния. Запись в ЕГР ЗАГС первична по отношению к документу. Документ при утере, либо порче легко восстановить по обращению заинтересованного лица. Для изменения, исправления самой записи требуются серьезные основания и, зачастую, судебное решение.

Принцип «регистрация подтверждает факт» неполно отражает состояние дел. Регистрация может выполнять разные функции. Она может просто удостоверять юридический факт, который мог возникнуть и существовать без регистрации (например, рождение ребенка). В этом случае запись просто фиксирует официальную доказуемость произошедшего события. Но также регистрация может являться необходимым элементом юридического состава и сама порождать правовые последствия, которые без факта фиксации акта гражданского состояния не наступили бы [5].

Исходным моментом для возникновения правового статуса личности является рождение, с которым закон связывает возникновение правоспособности. Регистрация индивидуализирует ребёнка, закрепляя в установленном порядке персональные данные, в частности имя ребенка. Имя впервые юридически фиксируется именно в записи о рождении. Последующая перемена имени не уничтожает первоначальную запись, а вносит в нее коррективы, причем исходная информация сохраняется в реестре.

Брак согласно законодательству Российской Федерации заключается в органах ЗАГС при личном присутствии лиц, вступающих в брак [3]. Только со дня государственной регистрации супруги приобретают взаимные права и обязанности. Следовательно, отсутствие регистрации означает, что юридически брачные отношения отсутствуют, несмотря на наличие фактических отношений. Проведение религиозного обряда правовых последствий не создаёт.

Регистрация брака имеет значение в целом ряде сопутствующих обстоятельств, таких как определение происхождения детей, режима имущества супругов, наследственных прав. Она является необходимым фактом, фиксирующим определенные аспекты гражданско-правовых отношений, которые бы не возникли в противном случае.

Расторжение брака означает юридическое прекращение супружеских отношений, но запись о его заключении сохраняется. В ЕГР ЗАГС сохраняется и факт заключения брака и факт прекращения его, то есть фиксируются изменения правового статуса.

Усыновление как акт гражданского состояния создается иным путем. Оно осуществляется через судебное решение и позволяет изменить запись о происхождении в установленной законом форме.

Установление происхождения ребёнка различается в зависимости от родителя — от матери обычно определяется фактом рождения и подтверждается медицинскими документами, а от отца вытекает из презумпции, добровольного признания или судебного решения. Запись о родителях влияет на алиментные, наследственные, жилищные и иные правоотношения.

Гражданин приобретает и осуществляет права и обязанности под своим именем. Имя включает фамилию, собственно имя и отчество, если иное не вытекает из закона или национального обычая. Право на имя возникает вместе с регистрацией рождения, а право изменить его принадлежит лицу, достигшему установленного законом возраста, по общему правилу четырнадцати лет. При этом перемена имени фиксируется как самостоятельный акт гражданского состояния. Сущность ее состоит в том, чтобы создать новое средство идентификации субъекта, но при этом сохранить связь новой записи с прежней для сохранения преемственности правового статуса человека.

Смерть является основанием прекращения правоспособности. Она порождает целый ряд юридических последствий, таких как открытие наследства, прекращение ряда личных прав и изменение семейного состояния пережившего супруга. Регистрация смерти необходима для создания правового основания для указанных действий, но обязательно должна базироваться на медицинском или судебном установлении факта.

Необходимо подчеркнуть, что юридические последствия регистрации такого акта гражданского состояния как смерть имеют специфическую особенность — они порождают последствия для третьих лиц (детей, наследников, супругов, государственных органов), а не для самого субъекта.

Как уже отмечалось, перечень актов гражданского состояния, содержащийся в законе, является исчерпывающим [5]. Закрытый перечень оправдан тем, что государству не нужно регистрировать любое изменение прав.

Необходимо достоверно зафиксировать те факты, без которых нельзя определить, кто является субъектом правоотношений, с какого момента он приобретает правоспособность, состоит ли он в браке, кто признаётся его родителем или усыновителем и когда открывается наследство. Расширительное толкование перечня привело бы к смешению компетенции регистрационных и судебных органов.

Акт гражданского состояния как фиксируемый юридический факт может быть событием или действием, то есть иметь различное происхождение. Рождение и смерть не зависят от воли лица, чьё состояние изменяется. Заключение брака и перемена имени предполагают его волеизъявление. Усыновление, установление отцовства и расторжение брака имеют сложный состав, так как предполагают наличие действий нескольких лиц, и, иногда, наличие решения суда.

Сущность самой процедуры регистрации актов гражданского состояния состоит в необходимости реализации последовательности действий. Первое — возникновение самого юридического факта: человек родился, брак заключён, лицо умерло. Второе — осуществление действия уполномоченного органа по государственной регистрации акта гражданского состояния: проверка оснований, приём заявления, внесение записи. Третье — создание записи акта гражданского состояния в определенной законом форме, включая запись Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния. Четвёртое — выдача свидетельства о произошедшем факте.

Запись акта гражданского состояния официально закрепляет факт регистрации сложившегося обстоятельства. Свидетельство подтверждает не сам факт непосредственно, а только наличие записи в государственном реестре. Утрата свидетельства не уничтожает запись, так как документ может быть выдан повторно. Для осуществления правоотношения имеет значение содержание записи, а не обладание конкретным бумажным документом.

Законодательство не различает различные виды регистрации, хотя в целом было бы полезно разделить правообразующую, правопрекращающую и удостоверительную регистрацию. Это облегчило бы правоприменительную практику при записи актов гражданского состояния.

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать вывод, что акты гражданского состояния представляют собой предусмотренные законом юридические факты, официальная регистрация которых обеспечивает признание и защиту личных и имущественных прав граждан, а также достоверность сведений об их правовом статусе. Их регистрация имеет двойственную природу: в одних случаях она удостоверяет уже возникшее независимо от неё событие, в других — выступает необходимым условием возникновения или прекращения правовых последствий. Запись в ЕГР ЗАГС является основным официальным подтверждением зарегистрированного факта, тогда как свидетельство лишь удостоверяет наличие этой записи и может быть выдано повторно. Исчерпывающий перечень актов гражданского состояния позволяет разграничить полномочия регистрационных и судебных органов. Считаю, что более чёткое нормативное разграничение удостоверительной, правообразующей и правопрекращающей регистрации способствовало бы единообразию правоприменительной практики.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. (Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года). [Электронный ресурс] // http://www.kremlin.ru/acts/constitution
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: [принят Государственной Думой 21 октября 1994 г.] (действующая редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ: [принят Государственной Думой 8 декабря 1995 г.] (действующая редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
4. Об актах гражданского состояния: Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ: [принят Государственной Думой 22 октября 1997 г.] (действующая редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1997. — № 47. — Ст. 5340.
5. Трофимец, И. А. Публично-правовое значение актов гражданского состояния (на примере законодательства России и Испании): монография / И. А. Трофимец. — Москва: ИНФРА-М, 2022. — 160 с.

Заключение гражданско-правового договора с использованием цифровых технологий

Барцев Вячеслав Вячеславович, студент магистратуры
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Статья посвящена правовым проблемам заключения гражданско-правового договора с использованием цифровых технологий. Анализируются нормы ГК РФ об электронной форме сделки в редакции Федерального закона от 18.03.2019 № 34-ФЗ, положения законодательства об электронной подписи, вступивший в силу 1 октября 2026 г. Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», а также практика Верховного Суда РФ, в том числе определение 2026 г. о заключении соглашения посредством переписки в мессенджере. Автор приходит к выводу, что цифровизация сместила центр тяжести проблемы с формы договора на три вопроса доказывания: кому принадлежит волеизъявление, какова неизменная редакция согласованных условий и в какой момент договор заключен. Обосновывается, что смарт-контракт относится к способу исполнения обязательства, а не к самостоятельной форме договора. Предлагаются меры по совершенствованию законодательства: презумпция принадлежности сообщения стороне, направленного с согласованного или ранее использованного в деловых отношениях канала связи, и обязанность лица, размещающего публичную оферту в сети Интернет, хранить редакцию условий, действовавшую на момент акцепта.

Ключевые слова: *гражданско-правовой договор, заключение договора, электронная форма сделки, письменная форма, электронная подпись, оферта, акцепт, мессенджер, цифровая платформа, смарт-контракт.*

Conclusion of a civil law contract using digital technologies

The article examines legal issues of concluding civil law contracts by digital means. It analyses the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the electronic form of transactions as amended by Federal Law No. 34-FZ of 18 March 2019, the legislation on electronic signatures, Federal Law No. 289-FZ of 31 July 2025 on the platform economy, which entered into force on 1 October 2026, and recent case law of the Supreme Court of the Russian Federation, including its 2026 ruling on an agreement reached via a messenger. The author argues that digitalisation has shifted the problem from the form of a contract to three evidentiary questions: attribution of the expression of will, the unaltered version of the agreed terms, and the moment of conclusion. A smart contract is treated as a method of performance rather than a separate contractual form. Legislative proposals are formulated.

Keywords: *civil contract, contract formation, electronic form of transaction, written form, electronic signature, offer, acceptance, messenger, digital platform, smart contract.*

Введение

Договор, заключенный без бумажного документа и собственноручных подписей, стал обычным явлением гражданского оборота. Покупка товара на маркетплейсе, оформление подписки нажатием кнопки, обмен электронными документами через систему ЭДО, согласование условий поставки в мессенджере — все это способы заключения договора, которые еще полтора десятилетия назад вызывали бы вопрос о соблюдении письменной формы. Сегодня этот вопрос во многом снят законодателем, однако на его месте возникли новые проблемы, которые классическая конструкция оферты и акцепта решает не всегда однозначно.

Поворотным моментом стал Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ, дополнивший ст. 160 ГК РФ правилом о том, что письменная форма сделки соблюдается и при ее совершении с помощью электронных либо иных технических средств [12]. Тем не менее в доктрине до сих пор нет единства относительно правовой природы электронной формы [3; 5], а судебная практика продолжает вырабатывать критерии, по которым переписка в мессенджере или нажатие кнопки на сайте признаются юридически значимым волеизъявлением. Дополнительную актуальность теме придают два события 2026 г.: вступление в силу 1 октября 2026 г. Федерального закона № 289-ФЗ о платформенной экономике [14] и определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ, допустившее согласование условий соглашения посредством переписки в мессенджере [16].

Цель исследования — выявить, как применение цифровых технологий преобразует юридический состав заключения гражданско-правового договора, и сформулировать предложения по совершенствованию его правового регулирования. Для достижения цели поставлены задачи: проанализировать легальную модель электронной формы договора и доктринальные подходы к ней; исследовать проблему идентификации стороны договора; рассмотреть особенности оферты и акцепта в цифровой среде с учетом новейшей судебной практики; оценить новеллы законодательства о платформенной экономике; определить место смарт-контракта в механизме заключения договора.

Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы, а также анализ судебной практики. Нормативная база исследования приведена по состоянию на октябрь 2026 г.

1. Электронная форма договора: легальная модель и доктринальные подходы

Действующий ГК РФ не выделяет электронную форму в качестве самостоятельной формы сделки. Согласно абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ письменная форма считается соблюденной при совершении сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки; требование о наличии подписи при этом выполнено, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю [10]. Пункт 2 ст. 434 ГК РФ соответственно допускает заключение письменного договора путем составления одного документа, в том числе электронного, либо путем обмена электронными документами или иными данными по правилам абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ. Понятие электронного документа раскрывается в п. 11.1 ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» как документированной информации, представленной в электронной форме [13].

Таким образом, законодатель выбрал модель функционального приравнивания: электронный способ фиксации волеизъявления признается письменной формой, если выполняет две функции письменного документа — фиксирует содержание сделки в неизменном виде и позволяет установить ее автора. Как отмечает Л. Ю. Василевская, речь идет о юридико-техническом приеме, посредством которого различные по своей сути явления приравнены друг к другу для установления общего правового режима [4, с. 27]. Тот же автор обращает внимание, что новелла не ответила на вопрос, к какой из двух разновидностей простой письменной формы — единому документу или обмену документами — относится электронный договор, а это имеет практическое значение, прежде всего для сделок с недвижимостью [4, с. 27–28].

В доктрине представлена и противоположная позиция. Л. Г. Ефимова полагает, что электронная форма — новая форма волеизъявления, существующая наряду с устной и письменной. В обоснование указывается, что электронный документ может существовать не только как «статический» файл, внешне сходный с бумажным документом, но и как компьютерная программа — «динамический гипертекстовый документ», а кроме того, при электронном заключении договора может отсутствовать подпись как обязательный реквизит традиционной письменной формы [5, с. 133–136]. Отсюда предлагается дополнить ГК РФ специальной нормой об электронной форме сделки.

Представляется, что спор о самостоятельности электронной формы имеет в большей мере теоретическое значение. Практически значимо другое: сам законодатель сформулировал требования к электронной форме не через внешний вид документа, а через результат — воспроизводимость содержания и достоверность определения лица. Тем самым вопрос «соблюдена ли форма?» трансформируется в вопрос «доказаны ли содержание и авторство волеизъявления?». Именно в этой плоскости, как будет показано далее, и лежат основные проблемы заключения договоров с использованием цифровых технологий. Следует также учитывать, что несоблюдение формы само по себе не влечет признания договора незаключенным, если стороны достигли соглашения по всем существенным условиям (п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49) [15], а сторона, принявшая исполнение, по общему правилу не вправе ссылаться на незаключенность договора (п. 3 ст. 432 ГК РФ).

2. Идентификация стороны договора и электронная подпись

Традиционная собственноручная подпись выполняет одновременно две функции: идентифицирует лицо и завершает его волеизъявление. В цифровой среде эти функции разделяются. Законодатель отказался от обязательности электронной подписи, допустив «любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю» (абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ). Л. Г. Ефимова справедливо оценивает это как наиболее серьезное отличие электронного договора от договора в традиционной письменной форме [5, с. 134].

Вместе с тем электронная подпись остается наиболее надежным способом идентификации. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» различает простую и усиленную (неквалифицированную и квалифицированную) электронную подпись [11]. Электронный документ, подписанный усиленной квалифицированной подписью, признается равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручно (ч. 1 ст. 6), тогда как простая и усиленная неквалифицированная подписи приобретают такое значение лишь в случаях, установленных законом, иными нормативными актами или соглашением участников электронного взаимодействия (ч. 2 ст. 6). Отсюда следует практически важный вывод: при использовании простой электронной подписи (кода из SMS, логина и пароля личного кабинета) решающее значение имеет предварительное соглашение сторон о порядке ее применения, как правило, заключаемое в форме правил сервиса или рамочного договора.

Даже усиленная квалифицированная подпись не исключает спора об авторстве. Л. Ю. Василевская обращает внимание на распространенную практику передачи руководителем организации носителя ключа подписи другому лицу и указывает, что с юридико-технической точки зрения это равнозначно передаче чистых бланков с под-

письью руководителя; оспорить договор, подписанный таким образом, на основании отсутствия полномочий практически невозможно, поскольку владелец ключа обязан обеспечивать его конфиденциальность [4, с. 32]. Следовательно, риск неправомерного использования ключа законодатель возлагает на его владельца — решение, оправданное с точки зрения стабильности оборота.

Сложнее обстоит дело со способами идентификации, не основанными на электронной подписи: номером телефона, аккаунтом в мессенджере, адресом электронной почты. Закон не устанавливает для них никаких специальных правил, и достоверность определения лица оценивается судом по совокупности обстоятельств. Полагаем, что здесь уместно разграничить два вопроса: принадлежность канала связи стороне и принадлежность конкретного сообщения этому каналу. Первый вопрос решается указанием реквизитов в договоре или предшествующим поведением сторон, второй — средствами доказывания (нотариальный осмотр, выгрузка из системы, отсутствие возражений другой стороны). Такой подход сближает оценку переписки с правилами ст. 165.1 ГК РФ о юридически значимых сообщениях, где также имеет значение риск неполучения корреспонденции по адресу, указанному самим лицом.

3. Оферта и акцепт в цифровой среде. Переписка в мессенджерах

Цифровые технологии не изменили базовой модели заключения договора: соглашение по-прежнему достигается путем акцепта оферты, совместной разработки условий или иным способом, в том числе когда воля сторон явствует из их поведения (п. 1 постановления Пленума № 49) [15]. Однако они существенно изменили способы выражения оферты и акцепта.

Наиболее распространенной является модель публичной оферты (ст. 437 ГК РФ), размещенной на сайте или в приложении, и акцепта путем нажатия кнопки («Принять», «Оплатить», «Оформить заказ»). В литературе такие соглашения именуются click-wrap-соглашениями [8, с. 282]; в российском праве их квалификация основывается на п. 3 ст. 438 ГК РФ: совершение лицом, получившим оферту, действий по выполнению указанных в ней условий признается акцептом. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что для квалификации конклюдентных действий в качестве акцепта достаточно, чтобы лицо приступило к исполнению предложенного договора на условиях, указанных в оферте (п. 13 постановления № 49) [15]. Нажатие кнопки с одновременной оплатой укладывается в эту конструкцию без затруднений.

Проблемы возникают в другом. Во-первых, условия оферты в цифровой среде изменчивы: текст на сайте может быть отредактирован в любой момент, и через год после акцепта сторона нередко не в состоянии доказать, в какой редакции он состоялся. Требование абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ о воспроизведении содержания сделки «в неизменном виде» в такой ситуации фактически выполняется лишь силами оферента, который контролирует сервер. Во-вторых, условия часто изложены гипертекстом — через ссылки на правила, тарифы и политики, — что Л. Г. Ефимова удачно охарактеризовала как «гипертекстовый электронный документ», который должен рассматриваться как единое целое [5, с. 134]. Возникает вопрос, какие из документов, доступных по ссылкам, охватываются акцептом.

Особого внимания заслуживает заключение договоров посредством переписки в мессенджерах. В 2026 г. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ рассмотрела спор в деле о банкротстве ФГУП «Главное военно-строительное управление № 12» (дело № А40–107430/2017) [16]. После признания недействительным платежа контрагент должника возвращал денежные средства тремя траншами по графику, который конкурсный управляющий сам составил и направил ему в мессенджере. Впоследствии управляющий потребовал взыскать проценты за пользование чужими денежными средствами, а суд округа удовлетворил требование, указав, что соглашение о рассрочке не было заключено в простой письменной форме по правилам ст. 434 ГК РФ. Верховный Суд отменил постановление кассации и оставил в силе акты нижестоящих судов, признав, что существенные условия порядка погашения задолженности могли быть согласованы в переписке, принадлежность которой управляющий не оспаривал, а дополнительные санкции к должнику, исполнявшему согласованный график, противоречат принципу добросовестности.

Значение этого определения не следует ни преуменьшать, ни преувеличивать. Оно не означает, что любая переписка в мессенджере становится договором: в деле были установлены согласование конкретного графика, отсутствие спора о принадлежности сообщений и реальное исполнение. Однако суд последовательно применил функциональный критерий абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ и отказался от формального подхода, при котором отсутствие «надлежаще оформленного» документа само по себе лишает защиты сторону, добросовестно положившуюся на достигнутую договоренность. Это согласуется с п. 3 ст. 432 ГК РФ и п. 2 постановления Пленума № 49.

Из анализа следует, что в спорах о заключении договора с помощью цифровых средств суд фактически проверяет три обстоятельства: **атрибуцию** (от кого исходит волеизъявление), **фиксацию** (каково неизменное содержание согласованных условий) и **момент** (когда наступило соглашение и в какой редакции условий). Ни одно из этих обстоятельств не связано с внешним видом документа, а каждое — с возможностью доказывания.

4. Заключение договоров на цифровых платформах

Новым этапом развития регулирования стал Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», основные положения которого вступили в силу 1 октября 2026 г. [14]. Закон впервые за-

крепил понятия цифровой платформы, посреднической цифровой платформы, ее владельца, оператора и партнеров. Существенно, что посредническая платформа определяется через ее договорную функцию: она должна обеспечивать возможность разместить предложение, заключить договор и произвести оплату. Иными словами, законодатель признал цифровую платформу самостоятельной средой заключения гражданско-правовых договоров.

Для темы исследования значимы три группы положений Закона. Первая касается формы и доступности договора между оператором и партнером: договор заключается и изменяется в электронном виде и размещается оператором в сети Интернет и (или) в личном кабинете партнера с обеспечением беспрепятственного доступа к нему. Вторая устанавливает перечень условий, которые такой договор должен содержать обязательно. Третья регулирует одностороннее изменение договора оператором: согласно ст. 12 Закона уведомление в электронной форме направляется не менее чем за 45 дней, если изменение касается, в частности, увеличения вознаграждения оператора, и не менее чем за 15 дней в остальных случаях. Кроме того, личный кабинет на платформе признан каналом обмена юридически значимыми сообщениями.

Оценивая эти новеллы, следует отметить, что они подтверждают вывод, сделанный в предыдущем разделе: законодатель регулирует не внешнюю форму договора, а условия, при которых его содержание остается доступным и доказуемым. Обязанность размещать действующую редакцию договора и заблаговременно уведомлять об изменениях решает проблему «плавающих» условий оферты, но только в отношениях между оператором и партнером. На потребителя, акцептующего публичную оферту продавца или сервиса, эти гарантии не распространяются.

Вместе с тем Закон вызывает и критические замечания. По своей природе договор оператора с партнером является договором присоединения (ст. 428 ГК РФ), и право оператора изменять его в одностороннем порядке при соблюдении срока уведомления не сопровождается ограничением частоты или содержания таких изменений. Срок уведомления сам по себе не легитимирует изменение, ухудшающее положение партнера, поэтому сохраняют значение общие механизмы защиты присоединившейся стороны (п. 2 ст. 428 ГК РФ). В трудоправовой литературе также отмечается, что закрепленная Законом гражданско-правовая модель отношений с партнерами-исполнителями — самозанятыми лицами — содержит ряд элементов, заимствованных из трудового законодательства [9, с. 21–23], что ставит вопрос о пределах договорной квалификации платформенной занятости.

5. Смарт-контракт: способ заключения или способ исполнения договора

Наибольшие ожидания в литературе были связаны со смарт-контрактами — программным кодом, обеспечивающим автоматическое исполнение условий при наступлении заданных обстоятельств. А. И. Савельев в 2016 г. охарактеризовал их как «начало конца классического договорного права», указав на неприменимость к ним ряда базовых категорий — обязанности, неисполнения, ответственности [7]. Впоследствии в доктрине сформировался широкий спектр позиций: смарт-контракт рассматривался как техническое решение, не имеющее собственной правовой природы, как несамостоятельная договорная конструкция, как способ исполнения традиционного договора [6].

Российский законодатель ответил на этот вопрос в той же реформе 2019 г. Абзац второй ст. 309 ГК РФ допускает, что условиями сделки может быть предусмотрено исполнение обязательств при наступлении определенных обстоятельств без отдельно выраженного дополнительного волеизъявления сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки [10; 12]. Тем самым смарт-контракт помещен в главу об исполнении обязательств, а не в нормы о форме сделки или заключении договора.

Полагаем, что такое решение верно. Автоматизируется не согласование воли, а исполнение уже согласованного: воля сторон выражается при заключении договора, в том числе о применении конкретной технологии, а код лишь реализует ее. Д. Е. Богданов убедительно показывает, что «революция» в договорном праве не состоялась: концепция «легального» смарт-контракта не решает проблему неполноты договора, и цифровой код сохраняет для договора вспомогательное значение [1]. Г. Варбанова выявляет ключевой риск — некорректный перевод воли сторон с юридического языка на язык программы: смарт-контракт может исполниться, но результат не будет соответствовать тому, на что рассчитывали стороны [2, с. 1033].

Отсюда вытекает практический вывод для темы заключения договора. Если стороны согласовали условия только в виде кода, при споре суд должен установить действительную общую волю сторон по правилам ст. 431 ГК РФ, а для этого нужен человекочитаемый текст. Поэтому разумной моделью представляется «гибридный» договор: условия излагаются на естественном языке с указанием, что их исполнение (полностью или в части) осуществляется посредством определенной информационной системы, а при расхождении текста и кода приоритет имеет текст. Такая модель полностью укладывается в действующие ст. 160, 309 и 434 ГК РФ и не требует признания смарт-контракта самостоятельной формой сделки.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Российский законодатель избрал модель функционального приравнивания электронной формы к письменной: форма считается соблюденной, если технические

средства обеспечивают воспроизведение содержания сделки в неизменном виде и достоверное определение лица, выразившего волю. Спор о самостоятельности электронной формы в доктрине сохраняется, однако его практическое значение невелико.

2. Цифровизация сместила центр тяжести проблемы заключения договора с соблюдения формы на доказывание трех обстоятельств: атрибуции волеизъявления, фиксации неизменного содержания условий и момента заключения договора. Именно эти обстоятельства проверяют суды в спорах о договорах, заключенных с помощью цифровых средств.

3. Определение Верховного Суда РФ 2026 г. по делу № А40–107430/2017 закрепило функциональный подход к переписке в мессенджерах: согласование существенных условий в переписке, принадлежность которой не оспаривается, может образовывать договор, а формальная ссылка на отсутствие единого документа не должна использоваться вопреки принципу добросовестности.

4. Федеральный закон № 289-ФЗ признал цифровую платформу средой заключения договоров и установил гарантии доступности и стабильности условий договора оператора с партнером, однако эти гарантии не распространяются на иные договоры, заключаемые в цифровой среде, а право оператора на одностороннее изменение договора нуждается в содержательных ограничениях.

5. Смарт-контракт является способом исполнения обязательства (абз. 2 ст. 309 ГК РФ), а не самостоятельной формой или способом заключения договора. Оптимальна модель «гибридного» договора с приоритетом текста над кодом.

На основании изложенного предлагается дополнить законодательство следующими положениями:

— закрепить в ст. 434 ГК РФ опровержимую презумпцию, согласно которой сообщение, направленное с использованием канала связи (адреса электронной почты, номера телефона, учетной записи в мессенджере или информационной системе), указанного стороной в договоре или ранее использовавшегося ею в отношениях с контрагентом, считается исходящим от этой стороны, пока не доказано иное;

— установить для лица, профессионально размещающего публичную оферту в сети Интернет, обязанность хранить редакцию условий, действовавшую на момент акцепта, в течение срока исковой давности и предоставлять ее акцептанту по запросу, распространив тем самым на все договоры, заключаемые онлайн, логику, уже воспринятую Законом о платформенной экономике.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с вопросами заключения договоров с участием программных агентов и систем искусственного интеллекта, действующих от имени стороны без ее непосредственного участия в каждом волеизъявлении.

Литература:

1. Богданов Д. Е. Несостоявшаяся технологическая революция в договорном праве: апологетика традиционалистской трактовки договора // Lex russica. 2023. Т. 76, № 3. С. 21–40. DOI: 10.17803/1729–5920.2023.196.3.021–040.
2. Варбанова Г. Правовая природа смарт-контрактов: договор или программный код? // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1, № 4. С. 1028–1041. DOI: 10.21202/jdtl.2023.44.
3. Василевская Л. Ю. Электронная форма сделок в условиях развития цифровых технологий: проблемы определения и толкования // Хозяйство и право. 2019. № 9. С. 15–30.
4. Василевская Л. Ю. Электронная форма сделок с недвижимостью: проблемы правоприменения в условиях цифровизации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 11. С. 25–34. DOI: 10.17803/2311–5998.2024.123.11.025–034.
5. Ефимова Л. Г. Еще раз о понятии и правовой природе электронной формы сделки // Lex russica. 2019. № 8. С. 129–137. DOI: 10.17803/1729–5920.2019.153.8.129–137.
6. Ефимова Л. Г., Михеева И. Е., Чуб Д. В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 78–105. DOI: 10.17323/2072–8166.2020.4.78.105.
7. Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32–60.
8. Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2020.
9. Черных Н. В. Федеральный закон о платформенной экономике: взгляд с позиции трудового права // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2026. № 2. С. 20–29. DOI: 10.17803/2311–5998.2026.138.2.020–029.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
11. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.
12. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201903180027 (дата опубликования: 18.03.2019).

13. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.
14. Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата опубликования: 31.07.2025).
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Российская газета. 2019. 11 янв.
16. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.03.2026 № 305-ЭС24–4991(13) по делу № А40–107430/2017 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 22.10.2026).

Проблема понятия и сущности категории «интерес» в семейных правоотношениях

Белялов Рамазан Мамутович, студент магистратуры
Научный руководитель: Афанасьевская Анна Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье исследуется категория «интерес». Это основополагающее звено для регулирования семейных правоотношений. Особое внимание уделено разграничению частных интересов отдельных членов семьи и публичного интереса государства в сохранении семьи и защите уязвимых участников отношений. Автор раскрывает специфику интереса в ключевых институтах семейного права. На основе анализа правоприменительных подходов выявляются пробелы и противоречия в трактовке категории «интерес» судами. Демонстрируется влияние судейского усмотрения на установление баланса разнонаправленных интересов. Результаты исследования могут быть использованы в научных работах по семейному праву.

Ключевые слова: *семейное право, интересы супругов, семейные правоотношения, публичный интерес, интересы ребенка, интерес, распределение интересов, баланс интересов, судебная практика.*

The problem of the concept and essence of the category of “interest” in family legal relations

Belyalov Ramazan Mamutovich, master’s student
Scientific advisor: Afanasyevskaya Anna Valeryevna, candidate of sciences in law, associate professor
Saratov State Law Academy

The article examines the category of “interest.” This is a fundamental element in regulating family legal relations. Special attention is paid to distinguishing between the private interests of individual family members and the public interest of the state in preserving the family and protecting vulnerable participants in the relationship. The author reveals the specifics of interest in key institutions of family law. Based on an analysis of law enforcement approaches, gaps and contradictions in the courts’ interpretation of the category of “interest” are identified. The influence of judicial discretion on the establishment of a balance between divergent interests is demonstrated. The results of the study can be used in academic works on family law.

Keywords: *family law, spouses’ interests, family legal relations, public interest, child’s interests, interest, distribution of interests, balance of interests, judicial practice*

Неопределенность термина «интерес» имеет высокое значение, что обусловлено совокупностью факторов. В некоторых нормативно-правовых положениях (ст. ст. 56, 64, 65 СК РФ [1]) категория «интерес» выражается в необходимости защиты наиболее уязвимых участников семейных правоотношений, а в других, например, ст. ст. 7, 31, 35 СК РФ к обеспечению баланса правомочий взрослых членов семьи. Отечественный законодатель не определил основную сущность «интереса» в семейном праве, так как сейчас он рассматривается в доктрине и практике в трех основных значениях: юридически охраняемая ценность, объективная потребность, субъективное желание.

В практической плоскости анализируемая категория достаточно тесно переплетается с другими аспектами. Суды достаточно часто смешивают понимание интереса с субъективным правом, иногда определяют его как признанную

на уровне закона потребность. Здесь важно указать, что если интерес не признается объектом защиты, то его нарушение не может повлечь юридических последствий. Семейные отношения, если рассматривать их юридическую природу, имеют высокую степень персонализации. Если говорить точнее, то это интересы членов семьи (родителей, супругов, детей). Они, как правило, изменяются со временем, и находятся в зависимости от обстоятельств. Последние имеют реальное выражение через состояние здоровья, финансовое положение, место жительства. Такая неопределенность на законодательном уровне для исследователя усложняет формирование единых критериев, в соответствии с которыми орган судебной власти должен давать оценку конкретному интересу.

В научной доктрине имеется несколько фундаментальных подходов к определению категории «интереса» в семейном законодательстве. В рамках данного параграфа мы рассмотрим мнения представителей каждого подхода, но здесь предлагаем рассмотреть характеристику основных. В первую очередь необходимо определить материально-правовой подход, который заключается в трактовке интереса, как значимой потребности, которая подлежит охране даже при отсутствии субъективного права у лица. Сторонники указанного подхода полагают, что материально-правовой подход имеет большую актуальность для детей, так как их интересы признаются приоритетными в ст. ст. 54, 65 СК РФ. Однако, несовершеннолетний далеко не во всех случаях имеет возможность формулировать правовую позицию и отстаивать ее.

Во-вторых, при исследовании процессуального подхода интерес является основанием для участия в конкретном судебном споре, а также предъявления требований. Здесь имеется необходимость указать примеры, когда органы опеки принимают участие в правовых спорах, которые затрагивают интересы ребенка. Более того, третьи лица имеют диспозитивную возможность заявлять самостоятельные требования при нарушении интересов решением суда.

В-третьих, балансирующий подход выражается в том, что интерес — критерий справедливости и соразмерности, который дает возможность суду осуществить поиск компромисса между различными правомочиями членов семьи. В судебной практике именно достижение баланса между интересами сторон выходит на первый план. Суды дают оценку при рассмотрении споров на предмет нарушения при реализации прав одних лиц законных интересов других. При наличии основания суды ограничивают реализацию права в семейных отношениях.

Перед непосредственным переходом к рассмотрению мнений в научной доктрине на предмет определения понятия «интерес» отметим законодательные аспекты, которые необходимо учитывать. В ст. 7 СК РФ сформирован общий принцип, который выражается в том, что осуществление семейных прав не должны нарушаться права и интересы членов семьи. Данное нормативное положение — это некий «фильтр», позволяющий дать оценку допустимости поведения участников правоотношений.

В ст. ст. 65, 66 СК РФ законодатель императивно требует, чтобы родительские права реализовывались исключительно в интересах ребенка. Судебные органы власти при разрешении споров, предметом которых является определение порядка общения с родителями, места жительства ребенка императивно обязаны учитывать достаточно большое количество факторов: условия жизни, привязанность к родителям, состояние здоровья. Получается, что оценке подлежат интересы, а ни формальные субъективные права сторон.

Законодатель сконструировал ст. 35 СК РФ так, что при распоряжении общим имуществом в императивной форме необходимо учитывать интересы супругов. В практической плоскости указанный аспект находит свое проявление в делах, предметом которых является оспаривание сделок, которые совершены супругом в отсутствии согласия другого супруга.

Правоприменительные последствия неопределенности выражаются в следующем. Отсутствие единого определения «интерес» в практике создает потребность судебных органов самостоятельно устанавливать критерии оценки рассматриваемой категории. Практика складывается разрозненно, как правило, в трех направлениях:

1) первостепенное внимание уделяется волеизъявлению ребенка;

2) объективным условиям его жизни;

3) позиции органов опеки.

М. С. Малькевич указывает, что законодатель применяет категорию интерес в семейном праве, как дополнение к праву [2, с. 67]. Автор подчеркивает, что исследуемая категория имеет самостоятельное значение, а также выделяет проблему, заключающуюся в отсутствии точного определения на доктринальном уровне. Исследователь выделяет основополагающее законодательное противоречие, которое выражается в том, что высший правотворческий орган, с одной стороны, рассматривает интерес, как самостоятельную категорию, в другой стороны, дополнение к праву. Предлагаем рассмотреть внутреннее содержание указанного противоречия, по мнению М. С. Малькевича.

1. Рассмотрение интереса как «дополнения к праву» выражается в законодательных формулировках, которые, как правило, определены следующим образом «права и законные интересы». В таком подходе законодатель расширяет границы субъективного охраняемого поведения: во-первых, служит критерием допустимости реализации права, во-вторых, включает ситуации, когда права не определены, в-третьих, представляет основания для вступления в правоотношения третьих лиц. Да, действительно, в текстуальном содержании закона достаточно часто категория «интерес» выглядит как дополнение к перечню прав. Следовательно, расширяет область правовой охраны и делает нормативные положения более применимыми.

2. Рассмотрим «интерес», как категорию, которая имеет самостоятельное значение. Автор говорил, что интерес — это особая правовая категория, имеющая собственную функцию. Если говорить точнее, то на его ос-

нове, во-первых, осуществляется защита существенных потребностей даже при отсутствии субъективного права, во-вторых, позволяет учитывать индивидуальность и динамику семейно-правовых отношений, в-третьих, выполняет балансирующую функцию.

Исследователь предпринимал научно-теоретические попытки обоснования невозможности точного и последовательного определения категории «интерес». В первую очередь необходимо отметить большое количество критериев для оценки, так как в судебном производстве учитывается большое количество факторов (мнение и возраст ребенка, условия жизни, состояние здоровья). Каждый обозначенный аспект в отдельности обособленно не может быть признан интересом, но при их совокупности он прослеживается.

Далее рассмотрим изменчивость во времени, так как потребности и интересы ребенка зависят от возраста его развития. По данной причине категория «интерес» — это динамичная величина. Она складывается в совокупности субъективно-объективных аспектов, то есть, с объективной стороны, — это реальная потребность в соблюдении условий для благополучного развития несовершеннолетнего, а с субъективной стороны — желание ребенка. Суд в каждом конкретном деле правомочен оценивать «интерес» на предмет существенности по своему внутреннему убеждению [6, с. 24]. Например, общение с дедушкой в одних случаях может признаваться существенным интересом, а в других нет. На правовую оценку в указанном контексте влияют следующие факторы: состояние здоровья, отношения в семье, условия быта.

Предлагаем рассмотреть позицию Т. В. Шершень, которая заключается в определении сущностной характеристики интересов [7, с. 54]. Автор предлагала рассматривать интерес с позиции совокупности факторов, которые заключаются в потребности каждого члена семьи в нормальной жизни, уважении индивидуальности, всестороннем развитии, надлежащим содержании и воспитании. Важная задача — это формирование такой архитектуры, когда соблюдение публичных интересов будет выгодно для носителя частного интереса.

Исследователь последовательно подходил к разграничению частного и публичного интереса в семейном праве. Основной научный тезис заключается в том, что законодатель должен стремится к тому, чтобы соблюдение публичных интересов соответствовало частным. Т. В. Шершень определяла частный интерес с точки зрения его ситуативности и индивидуальности для ребенка, родителя, иных членов семьи. Публичный интерес в семейном праве выражается в защите детства, сохранении семьи, поддержании демографической стабильности, предотвращении сиротства, обеспечении социальной безопасности и правопорядка в государстве.

Он предопределен положениями СК РФ, а также деятельностью органов опеки и иных субъектов. Баланс между частным и публичным должен проявляться не в компромиссе, достигаемом всеми возможными средствами, а качественным юридическим регулированием, внутри которого публичная цель достигается через способы, улучающие положения определенных частных субъектов. Автор предлагаем модель, в которой не противопоставляется частное и публичное, а осуществляется поиск компромисса, заключающегося в поиске решений, в которых публичная задача находит реализацию в способах удобных и выгодных для людей.

Н. В. Кравчук предлагала правовой концепт, заключающийся в соблюдении принципа «наилучших интересов ребенка» [2, с. 5]. Автор аргументировала, что отсутствие в СК РФ данного приоритета формирует большое количество рисков, которые заключаются в невозможности уполномоченных органов эффективно обеспечить права челнов семьи. В семейных правоотношениях сущность «интереса» выражается в совокупности основополагающих аспектов:

1) это основание для динамики семейных правоотношений (возникновение, изменение, прекращение);

2) это критерий при разрешении судебных споров;

3) интерес находится в фундаменте семейного права, то есть обеспечение баланса частных и публичных начал [4, с. 5].

В научной доктрине реализация категории интереса обусловлена комплексом проблемных аспектов, основополагающим из которых является оценочный характер. В каждом спорном прецеденте, возникающим в семейных правоотношениях, необходимо проведение индивидуального анализа. Это важно для определения конкретного интереса, подлежащего правовой защите. Достаточно часто формируются ситуации конфликта интересов между членами семьи. В такой ситуации задача правоприменителя найти справедливое решение.

Таким образом, в семейном правое категория «интерес» имеет многогранный и широкий характер. При ее исследовании необходим комплексный междисциплинарный подход, который требует не только правового анализа, но и рассмотрение социологических и психологических инструментов. Отсутствие легального определения приводит к сложностям, варианты разрешения которых предлагаются в научной доктрине. Оценочная категория интереса в семейном праве позволяет говорить о ее гибком и сложном внутреннем содержании. При правильном выстраивании доктринальных исследований появится возможность качественного совершенствования законодательных положений, а также обеспечение защиты прав участников семейных отношений.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 15.05.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16; 2026. — № 5. — Ст. 315.

2. Кравчук Н. В. Наилучшие интересы ребёнка: содержание понятия и его место в семейном законодательстве России // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 5. С. 4–9.
3. Малькевич М. С. Об определении понятия «интерес» субъекта в семейных правоотношениях // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 5. С. 66–72.
4. Рабец А. М. Устройство детей, оставшихся без попечения родителей: баланс частного и публичного интереса // Наука и право. 2023. № 2. С. 23–37.
5. Рабец, А. М. Договорные механизмы защиты семейных интересов: баланс свободы и контроля // Наука и право. 2025. № 1. С. 9–16.
6. Солоненко Н. С. Судебная защита интересов ребёнка: принципы и практика // Вестник науки. 2023. № 9. С. 5–15.
7. Шершень Т. В. Частный и публичный интерес в семейном праве // Вестник Пермского университета. 2025. № 8. С. 54–62.

Особенности законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования

Березин Никита Андреевич, студент магистратуры
Ярославский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

Современные экологические проблемы в масштабах всего государства имеют глубокие исторические корни, как правило они достались нам «в наследство» с советских времён.

В 1990 году в СССР работало 46 662 промышленных предприятия.

В условиях свободы хозяйственной деятельности предприятий, радикальных рыночных реформ и череды экономических кризисов государство пришло к обострению проблем в сфере экологии, разбалансированности управления и контроля в сфере природопользования и охраны окружающей среды. Как результат — рост негативного воздействия промышленного производства на окружающую среду, ухудшение качества окружающей среды, деградация возобновляемых и сокращение невозобновляемых природных ресурсов, рост числа экологически обусловленных заболеваний населения.

Все эти процессы были особенно заметны на фоне роста международного внимания к проблеме защиты окружающей среды. 1987 год был объявлен Советом Европейского сообщества «европейским годом защиты охраны окружающей среды». В 1992 году в Рио-де-Женейол состоялась Конференция ООН по развитию и окружающей среде, в работе которой приняли участие представители 179 государств мира. На Конференции были приняты документы, в основе которых лежит так называемая концепция устойчивого (самоподдерживающего, допустимого) развития.

В соответствии с концепцией устойчивого развития устранение сложившихся противоречий между растущими потребностями мирового сообщества и невозможностью биосферы обеспечить эти потребности в рамках стабильного социально-экономического развития требуется постепенное восстановление естественных экосистем до уровня, гарантирующего стабильность окружающей среды. Этого можно достичь только усилиями всего человечества, но начинать движение к данной цели каждая страна должна самостоятельно.

В работе Конференции ООН по развитию и окружающей среде приняла участие и российская делегация, подготовившая доклад о состоянии окружающей среды в России. После Конференции была разработана стратегия национального развития РФ «Повестка дня для России на XXI век», основанная на принципах устойчивого развития. В апреле 1996 года Президент РФ подписал Указ № 440 «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию».

Последующие 90-е годы XX века и первое десятилетие XXI века ушли на становление нового государства — Российская Федерация.

В период становления нового государства с новым политическим строем и экономическим укладом изначально были заложены правовые основы для формирования государственной экологической ориентации. Экологическая безопасность стала важной составляющей национальной безопасности России.

Важнейшим инструментом сохранения окружающей среды и устойчивого развития явилось законодательное закрепление основных принципов, гарантий, механизмов, критериев охраны окружающей среды и оценки её качества.

Базовым документом стала Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, которая и сегодня декларирует право каждого гражданина на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о её состоянии и на возмещение ущерба, причинённого его здоровью или имуществу экологическим правонарушением (статья 42).

Основным документом, реализующим право на благоприятную окружающую среду, в Российской Федерации вплоть до 2002 года оставался Закон РСФСР от 19.12.1991 года № 2060-I «Об охране окружающей природной среды». В 2002 году был принят Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». За годы его действия в него неоднократно вносились изменения и дополнения, с которыми он действует и сегодня.

Стоит отметить, что за первое десятилетие Российской Федерации сложилась та законодательная платформа, которая позволила запустить новый системный подход к вопросам охраны окружающей среды и природопользования.

В этот период времени принят целый ряд законодательных актов:

– Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе»,

– Федеральный закон от 03.03.1995 № 27-ФЗ «О недрах»,

– Федеральный закон ль 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире»,

– Федеральный закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»,

– Федеральный закон «Водный кодекс Российской Федерации» от 16.11.1995 № 167-ФЗ,

– Федеральный закон «Лесной кодекс Российской Федерации» от 29.01.1997 № 22-ФЗ,

– Федеральный закон от 24.06. 1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления»,

– Федеральный закон от 04.05.1999 № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха»,

– Федеральный закон «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 № 13-ФЗ и многие другие.

Впервые на законодательном уровне были закреплены основные понятия в сфере природопользования и охраны окружающей среды, что позволило исключить неоднозначность толкования. Кроме того, появились подзаконные нормативные правовые акты, конкретизирующие механизмы и порядок исполнения требований законодательных норм и правил.

Изначально экологическое законодательство было ориентировано на регулирование общественных отношений в сфере взаимодействия общества и природы, чтобы активизировать юридические механизмы в интересах сохранения, рационального использования природных ресурсов, их воспроизводства, сохранения благоприятной окружающей природной среды.

За прошедшие годы законодательство в области охраны окружающей среды сформировалось и взяло курс на минимизацию негативного воздействия хозяйственной деятельности человека на природу.

Ряд федеральных законов утратили силу и им на смену пришли новые. Например, новый Водный и Лесной кодексы приняты в 2006 году: № 74-ФЗ от 03.06.2006 года и № 200-ФЗ от 04.12.2006 года соответственно. Ряд ключевых законодательных актов совершенствуется. Сейчас Федеральный закон от 10.01.2002г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» действует в редакции от 28.12.2025г., а Федеральный закон от 24.06.1998г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» в редакции от 23.03.2026 года.

Наиболее заметные и существенные изменения в основные законы, регулирующие сферу в области охраны окружающей среды, были приняты и вступили в силу с 1 января 2016 года (редакция Федерального закона от 10.01.2002г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» от 29.12.2015г.).

Как следует из пояснительной записки к закону изменения были призваны сформировать правовые основы для модернизации производства, снижения административного давления на бизнес, повышения конкурентоспособности и стимулирования снижения загрязнения окружающей среды.

Тогда все предприятия впервые были разделены, как объекты, оказывающие негативное воздействие на окружающую среду, на четыре категории:

I категория — объекты, оказывающие значительное негативное воздействие на окружающую среду и относящиеся к областям применения наилучших доступных технологий;

II категория — объекты, оказывающие умеренное негативное воздействие на окружающую среду;

III категория — объекты, оказывающие незначительное негативное воздействие на окружающую среду;

IV категория — объекты, оказывающие минимальное негативное воздействие на окружающую среду.

Разделение объектов на категории и применение к ним дифференцированных мер государственного регулирования, позволило усилить контроль (надзор) за крупнейшими и крупными загрязнителями и сократить избыточное регулирование в отношении более мелких.

Дифференцированные требования к предприятиям в зависимости от уровня воздействия выразились в чётком разграничении требований в части производственного экологического контроля, представлению отчётности в органы государственной власти, требований к оснащению источников выбросов и сбросов загрязняющих веществ приборами непрерывного аналитического контроля.

Требования государства к предприятиям сформулированы и закреплены нормативными правовыми актами, в том числе:

– Приказ Минприроды России от 18.02.2022 № 109 (ред. от 12.05.2025) «Об утверждении требований к содержанию программы производственного экологического контроля, порядка и сроков представления отчета об организации и о результатах осуществления производственного экологического контроля»;

– Приказ Минприроды России от 15.03.2024 № 173 (ред. от 12.05.2025) «Об утверждении формы отчета об организации и о результатах осуществления производственного экологического контроля»;

– Постановление Правительства РФ от 29.05.2025 № 779 «Об утверждении Правил создания и эксплуатации системы автоматического контроля выбросов загрязняющих веществ и (или) сбросов загрязняющих веществ».

Наличие подзаконных правовых актов, регламентирующих требования государства к предприятиям, позволяет выстроить понятную для обеих сторон модель отношений. Делает рабочими как стимулирующие механизмы, такие как корректировка платы за негативное воздействие на окружающую среду (зачет в счет инвестиций до 100 %), льготы и субсидии, ускоренная амортизация оборудования, компенсационные выплаты, так и санкционные — рост платежей до размеров, сопоставимых с затратами на очистку выбросов, сбросов в случае не достижения технологических нормативов, увеличение повышающих коэффициентов платы, введение новых составов административных правонарушений, увеличение размеров штрафов.

Литература:

1. Официальный сайт Консультант Плюс [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/(дата обращения: 01.06.2025–10.06.2025).
2. Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. — URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 04.06.2025).
3. И. Г. Калабеков, «СССР и страны мира в цифрах», 2008–2022 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://su90.ru/industry.html#g5 (дата обращения 04.06.2025).
4. Эко портал «Вся экология», 2002–20025 «Государственное управление в области охраны окружающей среды и природопользования» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ecoportal.su/public/law/view/2092.html ((дата обращения 05.06.2025).

Компенсация вреда, причинённого окружающей среде в результате нарушения законодательства: практика применения

Березин Никита Андреевич, студент магистратуры
Ярославский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В соответствии с главой XIV Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее — ФЗ «Об охране ОС) за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды предусмотрена имущественная, дисциплинарная, административная и уголовная ответственность в соответствии с законодательством.

Наиболее распространённой из всех видов ответственности является административная. Глава 8 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ) посвящена правонарушениям в области охраны окружающей среды и природопользования. Формулировка статей КоАП РФ позволяет привлекать к административной ответственности и без расчёта размера причинённого вреда.

В то же время все большее распространение получает практика органов государственной власти по привлечению лиц, совершивших экологические правонарушения, к гражданско-правовой ответственности, предусматривающей полное возмещение вреда, причинённого объектам природы.

В силу норм гражданского производства лицами, которые могут быть привлечены к имущественной ответственности в виде полного возмещения вреда, являются как физические лица, так и юридические.

На основании п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде», взыскателями возмещения вреда, причиненного окружающей среде, могут выступать уполномоченные органы государственной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, прокурор, граждане, общественные объединения и некоммерческие организации, осуществляющие деятельность в области охраны окружающей среды (статьи 45, 46 ГПК РФ, статья 53 АПК РФ, статьи 5, 6, 11, 12, 66 ФЗ «Об охране ОС»).

Согласно п. 4 ст. 77 закона «Об охране ОС» «вред окружающей среде, причинённый юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, возмещается в соответствии с утверждёнными в установленном порядке таксами и методиками исчисления размера вреда окружающей среде, а при их отсутствии исходя из фактических затрат на восстановление нарушенного состояния окружающей среды, с учётом понесённых убытков, в том числе упущенной выгоды».

Таксы и методики — способы подсчета экологического вреда, которые имеют между собой различие не только в названиях, но и в процедуре расчёта причинённого вреда.

Так, таксы применяются в тех случаях, когда возможно точно подсчитать в числовом выражении объем объектов природного мира, которым причинен ущерб. Наиболее удачное определение понятию «такса» дал А. Я. Рыженков, который указал, что «такса — это способ возмещения вреда природе, осуществляемый в рамках гражданско-правовой ответственности и представляющий собой взыскание с причинителя вреда денежных средств в изначально определённых подзаконными актами размерах, включающих в себя экономическую стоимость нарушенных компонентов природной среды и сумму, необходимую для их восстановления в прежнем благоприятном (естественном) состоянии».

Таксы применяются в гражданском законодательстве и по своей природе являются компенсационными платежами, то есть их основное предназначение — не наказать правонарушителя, а компенсировать вред, причиненный правонарушением тем или иным природным объектам.

Методики возмещения вреда используются в тех случаях, когда подсчитать точное количество объектов природы, которым нанесён ущерб, не представляется возможным. Традиционно методики расчета вреда применяются в случаях причинения вреда таким объектам как вода, воздух, почвы, недра, поскольку сама специфика данных объектов не позволяет оперировать только количественными их характеристиками при определении суммы нанесенного ущерба.

Как указывает А. Я. Рыженков, «методика исчисления размера вреда — это способ возмещения вреда природной среде, осуществляемый с использованием специальных формул расчета вреда, отображающих природно-климатические, биологические, экономические и иные показатели, и позволяющий как возместить экономическую стоимость нарушенных компонентов природной среды, так и взыскать сумму, необходимую для их восстановления в прежнем благоприятном (естественном) состоянии».

В состав методик могут включаться коэффициенты, учитывающие природно-климатические условия, экологические факторы состояния природных объектов, коэффициент индексации, учитывающий инфляционную составляющую экономического развития, коэффициент, учитывающий интенсивность негативного воздействия вредных (загрязняющих) веществ на природный объект и т. д.

В настоящее время практически для каждого объекта природной среды разработаны таксы и (или) методики возмещения экологического вреда. В том числе:

– Приказ Минприроды России от 08.07.2010 N 238 (ред. от 18.11.2021) «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причинённого почвам как объекту охраны окружающей среды»,

– Приказ Минприроды России от 13.04.2009 N 87 (ред. от 26.08.2015) «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причинённого водным объектам вследствие нарушения водного законодательства»,

– Приказ Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 28 января 2021 г. N 59 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного атмосферному воздуху как компоненту природной среды»,

– Постановление Правительства РФ от 29.12.2018 N 1730 «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства»,

– Приказ Минприроды России от 1 августа 2011 г. N 658 «Об утверждении такс для исчисления размера вреда, причиненного объектам растительного мира, занесенным в Красную книгу Российской Федерации, и среде их обитания вследствие нарушения законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования»,

– Приказ Министерства сельского хозяйства РФ от 31 марта 2020 г. № 167 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного водным биологическим ресурсам».

Исходя из практического опыта применения методик для расчёта вреда, причинённого компонентам окружающей среды, можно отметить, что наиболее широко распространена Методика исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды. И напротив, малоприменима Методика исчисления размера вреда, причиненного атмосферному воздуху как компоненту природной среды. Связано это со сложностью сбора доказательств во втором случае.

В настоящее время по наиболее важным компонентам окружающей среды — земельные ресурсы (почвы), водные объекты и атмосферный воздух, лес, рыбные запасы, утверждены методики исчисления размера вреда. Однако требуют государственного регулирования и иные компоненты окружающей среды. Например: древесные насаждения, произрастающие вне лесного фонда; объекты растительного и животного мира, занесённые в Красные книги отдельных субъектов Российской Федерации.

Применение же Методики исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды, успешно себя зарекомендовало на практике.

Особенности практического применения законодательства при компенсации причинённого вреда предлагаю рассмотреть на конкретном примере.

В рамках регионального государственного контроля (надзора) в области охраны и использования особо охраняемых природных территорий (далее — ООПТ) дирекцией ООПТ в отношении предприятия XXXXX была проведена внеплановая выездная проверка. По факту загрязнения почв в памятнике природы составлен акт выездной проверки.

В соответствии с ч.1 ст.27 Федерального закона от 14.03.1995 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» на территориях, на которых находятся памятники природы, и в границах их охранных зон запрещается всякая деятельность, влекущая за собой нарушение сохранности памятников природы.

Согласно утвержденному режиму охраны ООПТ запрещаются любые виды деятельности, влекущие за собой нарушение сохранности памятника природы, в том числе сброс сточных вод, и канализации, загрязнение территории памятника природы.

По схеме расположения сетей водоотведения канализационные сети предприятия XXXXX частично расположены в границах ООПТ, станция канализационно-насосная полностью расположена в границах ООПТ.

В ходе проверки был проведен осмотр территории земельного участка в районе расположения сетей водоотведения в границах ООПТ, составлен протокол осмотра. Осмотром установлено, что в границах ООПТ имеет место факт выхода на поверхность земли вод, обладающих признаками хозяйственно-фекальных сточных вод. Данные сточные воды по рельефу местности отводились в направлении реки.

В месте сброса сточных вод был проведён отбор проб (образцов) почв, составлен протокол отбора проб (образцов).

В ходе проверки с использованием высокоточного поверенного оборудования — спутникового геодезического прибора было проведено инструментальное обследование объекта (водоотводная канава) с целью определения площади земельного участка, загрязненного в результате сброса сточных вод. Также было проведено определение точного места расположения точек отбора проб сточных вод и почвы. Составлен протокол инструментального обследования.

По итогам проведенных измерений с использованием специального программного обеспечения составлен ситуационный план земельного участка. Согласно проведенным измерениям определена общая площадь земельного участка, загрязненного в результате сброса сточных вод.

По итогам исследований проб было установлено, что содержание загрязняющих веществ в почве в районе канализационного колодца превышает содержание загрязняющих веществ в сравнении с пробами почв, отобранных на сопредельной территории, не испытывающей негативного воздействия в результате сброса сточных вод, по нитрат-ионам в 12,8 раза, по аммонию — в 10,1 раза, по нефтепродуктам — в 11,1 раза. Результаты зафиксированы протоколом испытаний аккредитованной в национальной системе аккредитации Российской Федерации лаборатории. Экспертной организацией выдано экспертное заключение о сравнительных результатах.

Все контрольно-надзорные действия дирекцией ООПТ проведены в присутствии представителя предприятия XXXXX.

В отношении предприятия XXXXX было вынесено постановление о назначении административного наказания (ст. 8.39 КоАП РФ). Данное постановление было обжаловано нарушителем в судебном порядке и оставлено без изменения в соответствии с решением суда.

Вред окружающей среде — негативное изменение окружающей среды в результате ее загрязнения, повлекшее за собой деградацию естественных экологических систем и истощение природных ресурсов.

В соответствии с ч. 3 ст. 36 Федерального закона от 14.03.1995 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» вред, причиненный природным объектам и комплексам в границах особо охраняемых природных территорий, подлежит возмещению в соответствии с утвержденными в установленном порядке таксами и методиками исчисления размера ущерба, а при их отсутствии — по фактическим затратам на их восстановление.

Вред, причиненный почвам, рассчитан согласно Методике исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды, утвержденной приказом Минприроды России от 08.07.2010 № 238. Размер вреда, исходя из общей площади (более 200 кв.м) и характера загрязнения составил более 2,5 миллионов рублей.

В соответствии с ч. 1 ст. 78 Федерального закона от 10.01.2002 N 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее — Федеральный закон № 7-ФЗ) компенсация вреда окружающей среде, причиненного нарушением законодательства в области охраны окружающей среды, осуществляется добровольно либо по решению суда или арбитражного суда.

В адрес виновного юридического лица направлено письмо о возмещении вреда в добровольном порядке.

Согласно положению о региональном государственном контроле (надзоре) в области охраны и использования особо охраняемых природных территорий, надзор в области охраны и использования особо охраняемых природных территорий вправе осуществлять должностные лица дирекции ООПТ, в должностные обязанности которых в соответствии с должностной инструкцией входит осуществление полномочий по надзору в области охраны и использования особо охраняемых природных территорий. Согласно п.22 ст.46 Бюджетного кодекса Российской Федерации, платежи по искам о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, а также платежи, уплачиваемые при добровольном возмещении вреда, причиненного окружающей среде на особо охраняемых природных территориях регионального значения, подлежат зачислению в бюджеты субъектов Российской Федерации по нормативу 100 процентов.

В связи с тем, что в добровольном порядке вред не был возмещен, дирекция ООПТ обратилась в Арбитражный суд с требованием взыскать с предприятия XXXXX в пользу субъекта Российской Федерации вред окружающей среде. Исковые требования исца удовлетворены в полном объёме.

Приведённый в статье пример позволяет прийти к следующим выводам:

Закреплённые нормативными правовыми актами механизмы и процедуры по компенсации вреда, причиненного компонентам окружающей среды в результате нарушения законодательства, являются практически применимыми и реализуют государственное управление в области охраны окружающей среды.

Суммы вреда, причинённого компонентам окружающей среды, преимущественно взыскиваются с виновных лиц в судебном порядке. Добровольное возмещение крайне редко встречается в практике.

Процедура доказывания вины нарушителя, подтверждение рассчитанной суммы вреда, невозможны без инструментальных замеров. Так в приведённом примере, определение площади загрязнения почв выполнено с использованием высокоточного поверенного оборудования — спутниковый геодезический прибор. Факт загрязнения почв, подтверждён результатами лабораторных исследований проб, отобранных и выполненных специалистами лаборатории, аккредитованной в национальной системе аккредитации Российской Федерации.

Доказательства могут строится только на основании документов, фиксирующих процессуальные действия проверки — акты, протоколы, постановления и др.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [Электронный ресурс]: (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1. 4.
2. Федеральный закон от 10.01.2002г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [Электронный ресурс]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/.
3. Боголюбов С. А., Болтанова Е. С., Бринчук; ответственный редактор Кичигин Н. В. Правовое регулирование возмещения экологического вреда. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2024. 368 с.
4. Кравцова М. М., Старосельцева И. В., Тищенко Е. А. Порядок возмещения экологического вреда: учебное пособие. Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, 2022. 43 с.
5. Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б., Выпханова Г. В. Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного окружающей среде и отдельным природным ресурсам. Монография. М.: Проспект, 2019. 144 с.
6. Рыженков А. Я. Правовое регулирование возмещения экологического вреда: проблемы теории и практики // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 3(67). С. 77–85.
7. Официальный сайт Консультант Плюс [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/.
8. Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. — URL: http://pravo.gov.ru.

Развитие правовых инструментов устойчивого оборота недвижимости в прибрежной зоне

Бондаренко Алина Дмитриевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Кавшбая Лия Леонидовна, кандидат юридических наук, доцент
Сочинский государственный университет (Краснодарский край)

Прибрежные зоны являются привлекательными для граждан, туристической сферы и инвесторов, что приводит к росту спроса на нее и развитию ее оборота. Но данные территории имеют одновременное наложение разных интересов — публичных, направленных на поддержание экологической безопасности и охраны водных объектов, обеспечение гражданам свободного доступа к ним, и частных, что подразумевает установление права собственности и проведение с ним разного рода сделок. При этом российское законодательство не имеет единого акта, регулирующего всесторонне прибрежные зоны, что на практике ведет к спорам. Это формирует запрос на развитие специальных правовых инструментов, позволяющих обеспечить прозрачный, устойчивый и сбалансированный оборот недвижимости в прибрежной зоне, без ущемления экологических и частных интересов.

Ключевые слова: *прибрежная зона, оборот недвижимости, зоны с особыми условиями использования территорий, ЗОУИТ, публичные и частные интересы водоохранная зона, прибрежная защитная полоса, экологическая безопасность, комплексное управление прибрежными зонами.*

Прибрежные зоны считаются территориями высокой экономической активности и являются наиболее востребованными в плане приобретения земельных участков и расположенных на них объектов недвижимости. Но их интенсивный оборот вступает в противоречие с необходимостью соблюсти экологический баланс, обеспечить гражданам публичный доступ к береговой полосе. Это приводит к необходимости формирования сбалансированной правовой модели, которая может повысить предсказуемость сделок, совершаемых с объектами недвижимости в прибрежной зоне, делая их оборот более устойчивым, обоснованным с правовой позиции, эко-

логически безопасным и экономически эффективным [3, с. 63].

Правовой режим прибрежной зоны образуется на стыке нескольких нормативных режимов, каждый из которых регламентирует свои ограничения с целью достижения собственных целей. Изначально все режимы преследуют цель обеспечить публичный интерес и защитить водные ресурсы, но они ограничивают правомочия собственника, снижая возможности по использованию и распоряжению. Более того, пересечение в границах одного участка нескольких режимов создает правовую неопределенность, что указывает на отсутствие системного подхода к формированию правовых инструментов, позволяющих достигать устойчивость и предсказуемость оборота недвижимости в прибрежной зоне.

В качестве основной и наиболее острой проблемы в рассматриваемой сфере занимает пересечение границ земельных участков с береговой линией, водоохранными зонами и прибрежными защитными полосами. В этих случаях на практике возникают споры о законности формирования таких участков и в отношении оспаривания уже зарегистрированных справ. Как правило, на практике это часто признается как повод для снятия земельных участков с кадастрового учета либо решениям суда о сносе построек, признанных самовольными по причине возведения в границах береговой полосы либо с нарушением режима водоохранной зоны. Такие конфликтные ситуации осложняются отсутствием полноценных данных в ЕГРН, что способствует отсутствию достоверной оценки правового статуса участка [1, с. 48].

Еще одним барьером для оптимального оборота недвижимости в прибрежной зоне выступают технические и административные сложности, связанные с реализацией прав на строительство и реконструкцию. Часто получение разрешительных документов связано с прохождением большого числа дополнительных процедур — проведения экологических экспертиз, согласований с природоохранными органами, требований к очистке сточных вод и системам водоотведения. При свершении сделок с недвижимостью в прибрежной зоне покупатель зачастую не имеет полной и достоверной информации об ограничениях, а продавец может и не раскрывать сведения об имеющихся запретах. Перечисленные факторы указывают на то, что на современном этапе предсказуемость и прозрачность оборота недвижимости в прибрежных зонах являются недостаточными, что приводит к необходимости совершенствовать правовые механизмы, минимизирующие данные риски.

Имеющиеся градостроительные и кадастрово-регистрационные инструменты в некоторой мере обеспечивают прозрачность правового режима прибрежных зон посредством сведений об ограничениях для каждой ЗОУИТ, что отражается в ЕГРН, публичной кадастровой карте, правилах землепользования и застройки, градостроительных планах. Публичные сервисы Росреестра также помогают обнаружить имеющиеся ограничения и запреты еще до момента совершения сделки. Регулирование нормами градостроительного законодательства позволяет определить границы допустимого использования участков — посредством установления территориальных зон, предельных параметров строительства и перечня разрешенных видов деятельности. Но данные меры имеют фрагментарный характер, поскольку не все границы прибрежных зон имеют на сегодняшний день внесение в ЕГРН, что может сформировать ложное представление о правовом статусе объекта недвижимости [2].

На сегодняшний день ЕГРН хоть и включает сведения о ЗОУИТ, однако, не может обеспечить их полноту. В соответствии с действующим законодательством переходным периодом к наполнению ЕГРН является 2031–2033 годы. При этом параллельно существуют иные реестры, такие как Государственный водный реестр, реестр Министерства природы РФ об ООПТ, реестр Министерства здравоохранения РФ округов горно-санитарной охраны. Ни один из этих реестров не интегрируется в режиме реального времени с ЕГРН. В этой связи требуется создать в рамках федерального проекта «Цифровая трансформация Росреестра» единый сводный реестр ограничений прибрежной зоны на базе ЕГРН. Это поможет наложить на кадастровый план участка все имеющиеся ограничения и отразить их в единой «Выписке о режиме использования участка в прибрежной зоне». Это позволит приобретателю избежать информационной фрагментации и не запрашивать сведения из нескольких источников.

Следовательно, в концепции устойчивого оборота недвижимости в прибрежной зоне определяется три основных элемента: достоверность информации, тем самым приобретатель обладает всеми данными об имеющихся ограничениях до совершения сделки; соразмерность ограничений, то есть для организации защиты публичного интереса достаточно минимального количества средств; компенсационная справедливость, когда изъятие либо ограничение сопровождается всегда компенсацией [4].

Для устойчивого оборота недвижимости в прибрежной зоне требуется развитие правовых инструментов, что означает движение от множества разрозненных мер к системе взаимосвязанных механизмов. Так, для обеспечения достоверности сведений ЕГРН, выступающий основой оборота, требуются информационные инструменты. Минимизация правовых рисков в случае совершения с объектами недвижимости в прибрежной зоне сделок достигается, в первую очередь, должной правовой осмотрительностью. Но это представляется как недостаточное условие, в связи с чем необходимо нивелировать дефекты публично-правовой инфраструктуры. Последнее подразумевает обеспечение достоверности и полноты кадастрового учета, актуализации береговой линии раз в пять лет, законодательно закрепить компенсационный механизм, унифицировать судебную практику и ввести единый сводный план ЗОУИТ.

Для устранения правовой неопределенности в отношении объектов недвижимости, которые обладают смежными режимами, необходимо закрепить на законодательном уровне четкие критерии и методики установления

границ. Требуется одновременное развитие механизмов гарантий для добросовестных правообладателей, к примеру, введение упрощенных административных процедур приведения объектов в соответствие с режимами, определение временного периода для перехода и адаптации имеющихся построек к новым условиям, а также разработку инструментов страхования рисков, образующихся при изменении границ водных объектов.

Таким образом, развитие правовых инструментов для достижения устойчивого оборота недвижимости в прибрежной зоне означает переход от защитной к системной парадигме, что предполагает наличие достоверной информации, динамической адаптации, компенсационной справедливости и соразмерных ограничений. Предложенные правовые инструменты призваны дополнить компенсационных механизмов позволяют сформировать правовую среду, в которой оборот недвижимости в прибрежной зоне устойчив не потому, что имеются скрытые правовые риски, а потому, что они являются прозрачными, компенсируемыми и соразмерными.

Литература:

1. Васильев, А. А. Специфика правового режима прибрежных территорий: теоретический и практический аспекты / А. А. Васильев, О. А. Грачева // Вестник Поволжского института управления. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 47–56.
2. Дмитриев, И. С. Виды разрешенного использования земельных участков в пределах особо охраняемых природных территорий / И. С. Дмитриев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2026. — № 1–2. — С. 101–108.
3. Мельников, Н. Н. Проблемы образования, использования и застройки земельных участков в границах береговой полосы / Н. Н. Мельников // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2025. — № 7 (286). — С. 62–70.
4. Рыжова, Т. Ю. Правовой режим недвижимости имущества в Российской Федерации: современные вызовы и перспективы / Т. Ю. Рыжова, К. Э. Нуриева, О. Ю. Крюкова // Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. — 2026. — № 1 (33). — С. 112–120.

Прибрежная зона как территория с особыми условиями использования: ограничения прав и гарантии собственников

Бондаренко Алина Дмитриевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Кавшбая Лия Леонидовна, кандидат юридических наук, доцент
Сочинский государственный университет (Краснодарский край)

Специфика прибрежной зоны заключается в ее понимании как территории с особыми условиями использования, что обусловлено публичными и природоохранными интересами. В этой связи в прибрежных зонах устанавливаются различные виды ограничений прав собственности на недвижимость. В 2026 году проблема ограничений прав собственников в прибрежной зоне продолжает оставаться отстрой по причине фиксации в ЕГРН границ, введения новых норм о зонах затопления и подтопления, что изменяет значительно правила застройки на такой территории, и способствует усилению правовых рисков. Также сложные правовые коллизии формирует наложение на один участок нескольких режимов ЗОУИТ. Тем самым поиск баланса между публичными интересами и гарантиями собственников является актуальным вопросом.

Ключевые слова: *прибрежная зона, ограничение прав собственности, зоны с особыми условиями использования территорий (ЗОУИТ), водоохранная зона, прибрежная защитная полоса, правовой режим земель, гарантии прав собственников.*

На современном этапе обнаруживается коллизия между публичным интересом, направленным на охрану водных ресурсов, обеспечение их общедоступности, и частноправовым интересом, отражающим право собственности на расположенные в прибрежной зоне земельные участки. Это порождает правовые конфликты, связанные с ограничением правомочий собственников, снижением рыночной стоимости земли и препятствиями в ее использовании по причине введения специальных режимов землепользования.

Поэтому основной задачей правового регулирования выступает достижение сбалансированности данных интересов, что означает обеспечение экологической безопасности прибрежных зон с одновременной защитой

имущественных прав правообладателей. Данный подход предполагает совершенствование существующей законодательной основы, выработку единообразной правоприменительной практики и внедрение механизмов, которые помогают учесть публичные цели природопользования и законные интересы собственников [5, с. 51].

Прибрежные зоны наделены особым статусом, который формируется посредством установления специальных правовых режимов, чье содержание ограничивает пользователей и собственников земельных участков в отдельных правомочиях. Важным инструментом регулирования являются зоны с особыми условиями использования территорий (ЗОУИТ), правовой режим которых отражается в положении ст. 105 Земельного кодекса РФ [2] и реализующийся через систему нормативных актов, основным из которых признается Водный кодекс РФ [3].

Основное место применительно к прибрежным территориям в системе ЗОУИТ занимают прибрежные защитные полосы и водоохранные зоны, понятие которых приводится в ст. 65 ВК РФ. Водоохранные зоны выделяются с целью предотвращения засорения, загрязнения и истощения водных объектов, а в границах прибрежных защитных полос формируются дополнительные ограничения, цель которых состоит в сохранении естественного состояния береговой линии и организации экосистеме эффективной защиты. Если земельный участок подпадает в данные зоны, то правовые последствия для правообладателя означают наличие запрета на осуществление отдельных видов хозяйственной деятельности, введение требований к оборудованию объектов на таких участках очистными сооружениями, и специальных правил к размещению и эксплуатации капитальных строений.

Особый правовой режим прибрежных территорий может быть образован и посредством наложения других видов ЗОУИТ, к примеру, зон санитарной охраны источников питьевого водоснабжения, зон затопления и подтопления. Если в границах одного земельного участка пересекается несколько режимов, то это приводит к формированию правовых коллизий, поскольку нормативные требования разных ЗОУИТ могут демонстрировать взаимоисключающие и даже несовпадающие условия распоряжения такой собственностью. Такая ситуация приводит к необходимости согласовывать границы зон, актуализировать в ЕРГН сведения, чтобы обеспечить правовую определенность статусу земельного участка, расположенного в прибрежной зоне [6, с. 337].

Значительное влияние на объем правомочий собственников оказывают положения, введенные в связи с регулированием зон затопления и подтопления, и Федеральный закон от 4 августа 2026 г. № 301-ФЗ [4], который ужесточил режим использования данных территорий. В данном случае был введен запрет на ведение капитального строительства на таких территориях, кроме сооружений инженерной защиты — дренажных систем, подсыпок, дамбы.

В границах водоохранных зон и прибрежных защитных полос собственники не могут вестись ряд деятельностей, которые могут нанести водному объекту вред либо нарушить естественный гидрологический режим. В данном случае ограничениями будут запрет на распашку, размещение отвалов, кладбищ отходов и опасных веществ, выпас скота. Также имеют место ограничения на движение и стоянку транспортных средств. Любые земляные и строительные работы требуют соблюдения специальных требований, то есть возводимые объекты должны оборудоваться сооружениями, препятствующими загрязнению, истощению и засорению.

Чтобы обеспечить баланс между публичными интересами и защитой имущественных прав собственника действующее законодательство предоставляет гарантии, предполагающие возможность получить разрешения и согласования при соблюдении требований, право на судебную защиту при оспаривании установления на участке в прибрежной зоне ЗОУИТ и неправомерного применения ограничений, механизмы учета интересов собственников в случае актуализации границ зон. Эффективность законодательных гарантий зависит в основном от процедур установления и изменения границ ЗОУИТ, достоверности внесения в ЕГРН сведений, что означает необходимость совершенствование действующих законодательных положений в рассматриваемой сфере.

В целом гарантии для собственников расположенных в прибрежной зоне участков представляют правовой механизм, направленный на достижение оптимального баланса между публичными и частноправовыми интересами. При современной тенденции установления и расширения действия ЗОУИТ, ужесточения природоохранных требований, значение данных гарантий возрастает, так как они оказывают прямое влияние на возможность использования земли и ее рыночную стоимость. В приведенной на законодательном уровне конструкции гарантий выявляется содержание процессуальных и материальных средств защиты, что помогает собственнику осуществлять собственные правомерные интересы или получить за обусловленные публичными ограничениями потери соответствующую и адекватную компенсацию.

В качестве основного механизма защиты прав собственников выступает возможность получения при соблюдении природоохранных требований разрешений и согласований. На сегодняшний день данный механизм представляет собой многоступенчатую процедуру в виде получения государственной экологической экспертизы. Но он является легитимной основой использования земельного участка, расположенного в природоохранной зоне, без нарушений специального режима ЗОУИТ.

Процедурные гарантии подразумевают публичное и заблаговременное информирование об установлении зон, точная фиксация и внесение достоверных сведений в ЕГРН, усиление межведомственного взаимодействия, возможность обжаловать решения органов на досудебном этапе и иное. Все это позволяет обеспечить прозрачность и сформировать условия для защиты прав собственников.

Компенсация ущерба выступает важным механизмом в защите прав собственника, направленной на нивелирование его имущественных потерь в случае выявления ограничений, ведущих к невозможности использовать данную собственность по целевому назначению. Положения гражданского законодательства (ст. 15, 16 ГК РФ [1]) и специальные нормы земельного права регламентируют, что такие убытки возмещаются из соответствующего бюджета.

Таким образом, правовой режим прибрежных зон обладает комплексным характером, тем самым ставит в охране водных объектов приоритет публичных интересов, что осуществляется через систему ЗОУИТ. В этой связи законодательная основа данного регулирования в 2026 году данные ограничения ужесточает, через расширение запрещенных к ведению конкретных видов деятельности, запрет на капитальное строительство в зонах затопления и подтопления. Поэтому правовой статус земли в прибрежной зоне определяется как ее категорией и видом разрешенного использования, так и наложением публичных ограничений, отраженных достоверно в ЕГРН. В законодательстве при это приводятся гарантии, направленные на достижение баланса публичных и частноправовых интересов, где цель состоит в защите имущественных прав собственников. Но их эффективность представляется ограниченной по причине сохранения сложных административных процедур и правовых коллизий, вытекающих из наложения в границах одного участка нескольких видов ЗОУИТ.

Литература:

1. Гражданский кодекс РФ часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 4 августа 2026 г. № 296-ФЗ) // СЗ РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 4 августа 2026 г. № 320-ФЗ) // СЗ РФ. — 2001. — № 44. — Ст. 4147.
3. Водный кодекс Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ (ред. от 4 августа 2026 г. № 301-ФЗ) // СЗ РФ. — 2026. — № 23. — Ст. 2381.
4. Федеральный закон от 4 августа 2026 г. № 301-ФЗ «О внесении изменения в статьи 24 и 67.1 Водного кодекса Российской Федерации и статью 3 Федерального закона “О безопасности гидротехнических сооружений”» // СЗ РФ. — 2026. — № 32. — Ст. 4498.
5. Александрова, Н. В. Ограничения и обременения права собственности в сфере недвижимости / Н. В. Александрова, А. В. Карпов // Юридические науки. — 2025. — № 4. — С. 50–60.
6. Кадимова, М. Ш. Особенности правового статуса отдельных субъектов права частной собственности на земельные участки в Российской Федерации / М. Ш. Кадимова, З. Д. Османова // Российский научный вестник. — 2026. — № 5. — С. 336–341.

Организационные механизмы и процедуры, направленные на предупреждение коррупционных правонарушений в РФ

Борисов Марк Александрович, студент магистратуры
Научный руководитель: Дорохов Николай Иннокентьевич, кандидат исторических наук, профессор
Российский новый университет (г. Москва)

Публикация посвящена тому, какими организационными средствами в Российской Федерации ведётся работа по недопущению правонарушений коррупционного рода. Обосновывается актуальность системного противодействия коррупции, раскрываются понятие и содержание антикоррупционных механизмов и процедур, приводится их классификация по функциональному назначению. Анализируются нормативно-правовые, организационные, контрольные и цифровые инструменты предупреждения коррупции, а также институциональные формы их реализации на государственной и муниципальной службе. По результатам исследования сформулированы предложения по совершенствованию организационно-правового обеспечения антикоррупционной деятельности [6; 9; 11].

Ключевые слова: *противодействие коррупции, профилактика коррупции, государственная служба, муниципальная служба, антикоррупционная политика, конфликт интересов.*

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что коррупция представляет собой одну из наиболее серьёзных угроз стабильности и поступательному развитию государства [10]. Являясь по своей природе социально-правовым явлением, она подрывает доверие граждан к публичной власти, деформирует конкурентные отношения,

препятствует экономическому росту и порождает социальную несправедливость. Негативное воздействие коррупции носит многоаспектный характер. В экономической сфере оно выражается в увеличении издержек хозяйствующих субъектов, снижении инвестиционной привлекательности и неэффективном расходовании бюджетных средств; в социальной — в несправедливом распределении ресурсов и возможностей, ущемляющем права граждан; в политической — в ослаблении легитимности институтов власти и росте социальной напряжённости; в международной — в ухудшении репутации государства и затруднении межгосударственного сотрудничества. Изложенное обусловливает необходимость разработки и последовательного внедрения эффективных организационных механизмов и процедур предупреждения коррупционных правонарушений, что составляет одну из приоритетных задач российского государства и общества [2; 13].

Смысл этих средств и порядков в том, чтобы возникла устойчивая система, которая позволяет заранее распознавать угрозы, связанные с коррупцией, не давать им реализоваться и снижать их в любой области публичной деятельности. Достигается это за счёт целого ряда тесно связанных между собой мер. Часть из них устраняет причины и условия, при которых становится возможным противоправное поведение такого рода, а другие делают работу органов власти и подведомственных им организаций более открытой и подотчётной обществу.

Объект исследования — общественные отношения, которые складываются, когда меры по недопущению правонарушений коррупционного характера реализуются на практике. Такие отношения возникают при управлении на уровне государства и органов местного самоуправления, при закупках для публичных нужд, при распоряжении государственным и муниципальным имуществом, в правоохранительной и судебной деятельности, в образовании, здравоохранении и иных областях.

Предмет исследования образуют организационные средства и порядки борьбы с коррупцией на стадии её предупреждения. Сюда входят антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов, предотвращение и урегулирование конфликта интересов, ограничения и запреты для лиц, проходящих публичную службу, декларирование доходов, расходов, имущества и обязательств имущественного характера, проводимые внутри организаций контроль и аудит, антикоррупционное просвещение и повышение квалификации, сотрудничество с институтами гражданского общества, а также открытость и доступность сведений о том, как работают органы власти и подведомственные им организации, для общества.

Отсюда задачи работы: раскрыть, что понимается под организационными средствами недопущения коррупции и из каких элементов они состоят; показать, на какой нормативной основе они действуют; описать каждое такое средство и порядок его применения; свести воедино пути, по которым может совершенствоваться антикоррупционная работа в системе публичной службы.

Степень научной разработанности темы. Отечественная наука обращалась к борьбе с коррупцией в системе публичной службы как в общетеоретическом, так и в практическом ключе. Так, историю антикоррупционного законодательства рассматривал Ю. П. Титов, криминологическую сторону проблемы освещал П. А. Кабанов, трудности в проведении антикоррупционной политики анализировал А. М. Цирин.

Вопросы противодействия коррупции на муниципальном уровне освещены в работах М. И. Черепановой, противодействие коррупции в системе государственной службы — в трудах В. В. Астанина. Отдельные аспекты рассматриваемой проблематики обсуждаются на страницах научных изданий «Вопросы государственного и муниципального управления», «Российская юстиция», «Законность» [6; 11].

Зарубежная доктрина противодействия коррупции представлена исследованиями Р. Клитгаарда (анализ причин и последствий коррупции, стратегии её ограничения), С. Роуз-Аккерман (экономические последствия коррупции, институциональные реформы), М. Джонстона (политическая коррупция и её типологии), Й. К. Андвига (экономика коррупции).

Нормативно-правовую базу исследования образуют международные акты, а также федеральное и региональное законодательство Российской Федерации.

К международным актам относятся Конвенция Организации Объединённых Наций против коррупции (2003 г.), Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (1999 г.), Конвенция Организации экономического сотрудничества и развития по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок (1997 г.).

Федеральное законодательство Российской Федерации включает Конституцию Российской Федерации, Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации», Уголовный кодекс Российской Федерации (в части составов коррупционных преступлений), Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (в части административных правонарушений коррупционной направленности), а также указы Президента Российской Федерации и постановления Правительства Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции.

Региональный уровень правового регулирования образуют законы субъектов Российской Федерации о противодействии коррупции и нормативные правовые акты органов местного самоуправления [7].

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при разработке и совершенствовании антикоррупционного законодательства; при внедрении эффективных антикоррупционных механизмов и процедур в деятельности государственных органов и организаций; при оценке результативности антикоррупционной политики и выработке рекомендаций по её совершенствованию; при подготовке учебных и методических материалов для обучения государственных и муниципальных служащих.

Новизна работы заключается в том, что в ней предложены иные подходы к оценке рисков коррупции и обоснованы новые способы её предупреждения. Кроме того, проанализирована результативность действующих мер и даны рекомендации по их улучшению, рассмотрены формы, в которых коррупция проявляется в последнее время, а также изучен зарубежный опыт борьбы с ней и определено, при каких условиях он может быть перенесён в отечественную практику.

Недопущение правонарушений коррупционного характера относится к числу задач, у которых много разных сторон, поэтому решить её на деле удаётся лишь системно, когда усилия государства, предпринимательского сообщества и институтов гражданского общества согласованы между собой.

Основные организационные механизмы и процедуры предупреждения коррупционных правонарушений

В нашей стране к настоящему времени выстроена целостная система организационных средств и порядков, которые служат тому, чтобы коррупция не возникала. Их систематизация может быть проведена по функциональному критерию, в соответствии с которым выделяются нормативно-правовое регулирование, собственно организационные механизмы, процедуры и цифровые инструменты.

Нормативно-правовое регулирование как основа предупреждения коррупции

Базовым источником правового регулирования выступает Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», определяющий основные принципы противодействия коррупции, а также правовые и организационные основы предупреждения коррупции, минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений [6]. Указы Президента Российской Федерации конкретизируют положения указанного закона и устанавливают дополнительные меры противодействия коррупции в отдельных сферах. Постановления Правительства Российской Федерации, принимаемые во исполнение федеральных законов и указов Президента Российской Федерации, закрепляют конкретные правила и процедуры антикоррупционной деятельности. Ведомственные нормативные правовые акты издаются министерствами и ведомствами в целях реализации антикоррупционной политики в пределах их компетенции. Законы субъектов Российской Федерации и муниципальные правовые акты устанавливают дополнительные меры противодействия коррупции на региональном и местном уровнях.

Организационные механизмы

Среди организационных механизмов ведущее место занимают комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов. Такие комиссии создаются в органах государственной власти и органах местного самоуправления, и в их компетенцию входит оценка того, насколько поведение лиц, проходящих публичную службу, отвечает установленным требованиям, а также разрешение ситуаций конфликта интересов. Особое звено системы составляют подразделения по профилактике коррупционных и иных правонарушений. Работая непосредственно внутри органов и организаций, они контролируют исполнение антикоррупционного законодательства, ведут профилактическую работу и выявляют риски коррупционного поведения. Координацию усилий органов власти разного уровня в этой области на федеральном и региональном уровнях берут на себя межведомственные комиссии по противодействию коррупции. Значима в выстроенной системе и роль общества, ведь общественные объединения, пресса, иные средства массовой информации и сами граждане осуществляют общественный контроль за тем, как работают органы власти всех уровней.

Процедуры предупреждения коррупционных правонарушений

Антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов и их проектов проводят ради того, чтобы обнаружить в тексте коррупциогенные факторы и исключить их. Лица, проходящие государственную и муниципальную службу, а также занимающие ряд иных должностей, обязаны декларировать доходы, расходы, имущество и обязательства имущественного характера, а поданные ими данные в обязательном порядке проверяются.

Правдивость и полноту данных, поданных лицами, которые замещают публичные должности, устанавливают специально уполномоченные органы, и именно в ходе такой проверки обнаруживается искажение или явная неполнота представленных сведений.

Урегулирование конфликта интересов охватывает совокупность мер, позволяющих заранее предотвратить либо снять ту ситуацию, когда собственный интерес чиновника способен помешать ему беспристрастно и честно исполнять то, что входит в его обязанности.

Оценка коррупционных рисков предполагает выявление и анализ факторов, способствующих возникновению коррупции в деятельности организации или органа власти.

«Горячие линии» и иные каналы обратной связи обеспечивают гражданам и организациям возможность сообщать о фактах коррупционных правонарушений.

Антикоррупционная культура в среде публичных служащих складывается лишь тогда, когда их систематически обучают противодействию коррупции и на регулярной основе повышают их квалификацию.

Контроль за соответствием расходов доходам направлен на проверку законности источников средств, за счёт которых совершаются крупные приобретения.

По фактам выявления признаков коррупционного правонарушения проводится служебная проверка.

Цифровизация государственного управления как антикоррупционный инструмент

Внедрение цифровых технологий в государственное управление (электронные торги, электронный документооборот, системы контроля за закупками) способствует повышению прозрачности и подотчётности деятельности органов власти, а также снижению коррупционных рисков. Ключевыми направлениями совершенствования при этом выступают: совершенствование нормативно-правового регулирования, повышение эффективности контрольных мероприятий, усиление ответственности за коррупционные правонарушения, формирование в обществе нетерпимости к коррупции, а также развитие международного сотрудничества в сфере противодействия коррупции [9; 13].

Таблица 1. **Организационные механизмы и процедуры, направленные на предупреждение коррупционных правонарушений в РФ**

Категория механизма/ процедуры	**Описание**	**Нормативно-правовая база (примеры)**	**Цель**
Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов	Оценка проектов и действующих нормативных актов на предмет наличия коррупциогенных факторов (положений, создающих условия для коррупции)	Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»	Выявление и устранение потенциальных возможностей для коррупции на стадии разработки и применения законов и иных нормативных актов
Декларирование доходов, расходов, об имуществе и обязательствах имущественного характера	Обязанность государственных и муниципальных служащих, а также иных категорий лиц (например, депутатов) представлять сведения о своих доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера супругов и несовершеннолетних детей	Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Указы Президента РФ	Обеспечение прозрачности доходов и имущества должностных лиц, выявление случаев незаконного обогащения и конфликта интересов
Контроль за расходами	Проверка соответствия расходов государственных и муниципальных служащих их доходам	Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»	Предупреждение коррупционных правонарушений, связанных с незаконным обогащением
Урегулирование конфликта интересов	Выявление и предотвращение ситуаций, когда личная заинтересованность должностного лица может повлиять на объективное исполнение им своих должностных обязанностей	Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации»	Обеспечение беспристрастности и объективности при принятии решений

Таблица 1 (продолжение)

Категория механизма/ процедуры	Описание	Нормативно-правовая база (примеры)	Цель
Ограничения, налагаемые на государственных и муниципальных служащих	Перечень ограничений, связанных с государственной и муниципальной службой, например, запрет на занятие определенной деятельностью, получение вознаграждений, участие в управлении коммерческими организациями и т. д	Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»	Предотвращение использования служебного положения в личных целях и создание условий для бескорыстного исполнения должностных обязанностей
Антикоррупционное образование и просвещение	Организация обучения и просвещения в сфере противодействия коррупции для государственных и муниципальных служащих, а также для граждан	Национальная стратегия противодействия коррупции, Национальные планы противодействия коррупции	Формирование антикоррупционного сознания и нетерпимости к коррупции в обществе
Внутренний контроль и аудит	Осуществление внутреннего контроля и аудита в организациях и учреждениях для выявления и предотвращения коррупционных рисков	Ведомственные акты, стандарты внутреннего контроля	Обеспечение законности и эффективности использования бюджетных средств и имущества
«Горячие линии» и каналы обратной связи	Создание каналов для сообщения о фактах коррупции	Ведомственные акты, регламенты	Обеспечение возможности для граждан и организаций сообщать о коррупционных правонарушениях
Меры по обеспечению прозрачности и открытости деятельности государственных органов и органов местного самоуправления	Обеспечение доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, в том числе посредством сети Интернет	Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»	Повышение общественного контроля за деятельностью органов власти и снижение коррупционных рисков
Оценка коррупционных рисков	Идентификация и оценка вероятности и последствий коррупционных правонарушений в различных сферах деятельности	Методические рекомендации Минтруда России	Выявление наиболее уязвимых к коррупции областей и разработка мер по их устранению

Эффективность рассмотренных организационных механизмов и процедур непосредственно зависит от комплекса факторов, среди которых определяющее значение имеют политическая воля руководства, наличие квалифицированных кадров, осуществляющих антикоррупционную деятельность, и достаточное ресурсное обеспечение. Не меньшее значение для всей системы имеет сотрудничество органов власти с общественными объединениями, прессой и международными организациями, поскольку благодаря ему работа власти становится более открытой и подконтрольной гражданам и обществу.

Одним из ключевых направлений предупреждения коррупционных правонарушений является совершенствование законодательства о противодействии коррупции: установление чётких и непротиворечивых правил служебного поведения, а также усиление ответственности за коррупционные деяния. Принципиальное значение имеет обеспечение неотвратимости наказания за коррупционные правонарушения независимо от занимаемой должности и социального статуса виновного лица. Существенную роль играет внедрение современных информационных технологий: использование электронного документооборота, онлайн-сервисов для граждан и организаций, систем электронных закупок позволяет снизить коррупционные риски, а также повысить прозрачность и эффективность деятельности государственных органов [8; 11].

Заключение

Предложенные в статье рекомендации удастся воплотить на практике лишь при системном подходе и дея-

Таблица 2. **Рекомендации к совершенствованию организационных механизмов и процедур, направленных на предупреждение коррупционных правонарушений в РФ**

Область совершенствования	**Рекомендации**	**Ожидаемый результат**
Укрепление системы внутреннего контроля	Внедрение обязательной ротации кадров на должностях, связанных с высоким коррупционным риском; усиление контроля за соблюдением антикоррупционных стандартов поведения; создание эффективных каналов обратной связи для сообщений о коррупции	Снижение возможностей для злоупотреблений; повышение прозрачности деятельности; формирование атмосферы нетерпимости к коррупции
Совершенствование процедур государственных закупок	Расширение использования электронных торгов; ужесточение требований к участникам закупок; повышение прозрачности процесса оценки заявок и заключения контрактов; внедрение механизмов общественного контроля за закупками	Обеспечение справедливой конкуренции; снижение риска сговора и коррупции при распределении государственных средств; повышение эффективности использования бюджетных ресурсов
Повышение прозрачности деятельности государственных органов	Обеспечение открытого доступа к информации о деятельности государственных органов; публикация деклараций о доходах и имуществе государственных служащих; проведение регулярных консультаций с общественностью по вопросам борьбы с коррупцией	Укрепление доверия граждан к власти; повышение ответственности государственных служащих; создание условий для общественного контроля за их деятельностью
Усиление ответственности за коррупционные правонарушения	Ужесточение санкций за коррупционные преступления; обеспечение неотвратимости наказания; конфискация имущества, полученного преступным путем; развитие практики привлечения к ответственности юридических лиц за коррупционные правонарушения	Предупреждение коррупционных правонарушений; формирование негативного отношения к коррупции; обеспечение справедливости и равенства перед законом
Совершенствование системы образования и просвещения	Внедрение антикоррупционных программ в образовательные учреждения; повышение уровня правовой грамотности населения; формирование антикоррупционного мировоззрения и гражданской позиции	Формирование антикоррупционной культуры; воспитание поколения, нетерпимого к коррупции; повышение уровня осведомленности граждан о своих правах и способах защиты от коррупции

тельном вовлечении всех сторон, включая органы власти, общественные объединения, предпринимателей и граждан. При этом необходимо обеспечить координацию усилий и постоянный мониторинг результативности принимаемых мер.

Эффективность антикоррупционных механизмов определяется политической волей руководства страны и последовательностью реализации антикоррупционной политики. Необходима приверженность принципам законности, справедливости и прозрачности во всех сферах государственной деятельности. Существенное значение имеет развитие международного сотрудничества в сфере противодействия коррупции, обмен опытом и использование лучших зарубежных практик; участие в международных конвенциях и соглашениях, а также в международных антикоррупционных организациях укрепляет национальные усилия в данной сфере.

Внедрение современных технологий и цифровизация государственных услуг также способствуют снижению коррупционных рисков: электронные системы управления, онлайн-сервисы и автоматизация процессов повышают прозрачность и ограничивают возможности для злоупотреблений. Противодействие коррупции представляет собой непрерывный процесс, требующий постоянного совершенствования применяемых механизмов и процедур и их адаптации к изменяющимся условиям. В связи с этим необходима регулярная оценка эффективности антикоррупционных мер и внесение соответствующих корректировок в антикоррупционную политику.

Таким образом, чтобы в Российской Федерации не допускались правонарушения коррупционного характера, нужен системный подход, который объединяет совершенствование законов, внедрение современных цифровых технологий, воспитание в обществе устойчивой нетерпимости к коррупции и действенное сотрудничество органов власти с общественными институтами. Только согласованные усилия государства и общества способны обеспечить устойчивое снижение уровня коррупции и создать необходимые условия для социально-экономического развития страны.

Литература:

1. Александров, И. В. Служебные (должностные) преступления. Основы расследования: учебник для вузов / И. В. Александров. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 205 с. — (Высшее образование). — ISBN 978–5-534–06913–6. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/564714 (дата обращения: 06.10.2026).
2. Антикоррупционная политика: учебник для вузов / под редакцией Г. А. Сатарова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 396 с. — (Высшее образование). — ISBN 978–5-534–11757–8. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/564000 (дата обращения: 06.10.2026).
3. Амиантова, И. С. Противодействие коррупции: учебник для вузов / И. С. Амиантова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 148 с. — (Высшее образование). — ISBN 978–5-534–19119–6. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/567311 (дата обращения: 06.10.2026).
4. Ванновская, О. В. Психология коррупционного поведения государственных служащих: монография / О. В. Ванновская. — 2-е изд., стер. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 251 с. — (Актуальные монографии). — ISBN 978–5-534–06492–6. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/562845 (дата обращения: 06.10.2026).
5. Глоссарий юридических терминов по антикоррупционной тематике: словарь-справочник / сост. Н. А. Власенко, А. М. Цирин, Е. И. Спектор [и др.]. — Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2024. — 168 с. — DOI 10.12737/18663. — ISBN 978–5-16–012084–3. — Текст: электронный. — URL: https://znanium.com/catalog/product/2124765 — (дата обращения: 06.10.2026).
6. Гладких, В. И. Противодействие коррупции на государственной службе: учебник для вузов / В. И. Гладких, В. М. Алиев, В. Г. Степанов-Егиянц. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 207 с. — (Высшее образование). — ISBN 978–5-534–09787–0. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/564508 (дата обращения: 06.10.2026).
7. Кабанов, П. А. Антикоррупционное процессуальное законодательство субъектов Российской Федерации: монография / П. А. Кабанов, Г. И. Райков, Д. К. Чирков. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 194 с. — (Актуальные монографии). — ISBN 978–5-534–13428–5. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/567392 (дата обращения: 06.10.2026).
8. Коррупциогенные факторы в законодательстве об ответственности за финансово-экономические правонарушения: учебное пособие для вузов / под редакцией Ю. В. Николаевой. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 243 с. — (Высшее образование). — ISBN 978–5-534–06908–2. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/540852 (дата обращения: 06.10.2026).
9. Куракин, А. В. Противодействие коррупции посредством применения мер дисциплинарного характера: учебник для вузов / А. В. Куракин, В. Г. Коврова. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 90 с. — (Высшее образование). — ISBN 978–5-534–12930–4. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/567419 (дата обращения: 06.10.2026).
10. Нисневич, Ю. А. Политика и коррупция: коррупция как фактор мирового политического процесса: монография / Ю. А. Нисневич. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 240 с. — (Актуальные монографии). — ISBN 978–5-534–04729–5. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/539529 (дата обращения: 06.10.2026).
11. Окутина, Н. Н. Предупреждение коррупционной преступности: учебник для вузов / Н. Н. Окутина. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 296 с. — (Высшее образование). — ISBN 978–5-534–17387–1. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/568442 (дата обращения: 06.10.2026).
12. Правовые основы противодействия коррупции: учебник и практикум для вузов / А. И. Землин, О. М. Землина, В. М. Корякин, В. В. Козлов; под общей редакцией А. И. Землина. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 198 с. — (Высшее образование). — ISBN 978–5-534–16419–0. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/565312 (дата обращения: 06.10.2026).
13. Противодействие коррупции: учебник и практикум для вузов / И. В. Левакин, Е. В. Охотский, И. Е. Охотский, М. В. Шедий; под общей редакцией Е. В. Охотского. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 469 с. — (Высшее образование). — ISBN 978–5-534–18886–8. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/560813 (дата обращения: 06.10.2026).
14. Решетников, М. М. Психология коррупции. Утопия и антиутопия: монография / М. М. Решетников. — 2-е изд. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 101 с. — (Актуальные монографии). — ISBN 978–5-534–09868–6. — Текст:

электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/564053 (дата обращения: 06.10.2026).

15. Румянцева, Е. Е. Противодействие коррупции: учебник и практикум для вузов / Е. Е. Румянцева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 322 с. — (Высшее образование). — ISBN 978–5-534–17838–8. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/561445 (дата обращения: 06.10.2026).

Организационные основы противодействия коррупции в деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления

Борисов Марк Александрович, студент магистратуры
Научный руководитель: Дорохов Николай Иннокентьевич, кандидат исторических наук, профессор
Российский новый университет (г. Москва)

В статье анализируется то, как организовано противодействие коррупции в повседневной работе органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Сначала разбираются понятие и правовые основы этой деятельности, заданные Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», затем — круг её субъектов и способы, которыми согласуются их действия. Отдельное внимание уделено организационному обеспечению противодействия коррупции на региональном уровне: полномочиям региональных органов, антикоррупционным законам и программам, координационным и кадровым комиссиям, антикоррупционной экспертизе, профилактическим подразделениям и антикоррупционному мониторингу. По той же схеме изучено и муниципальное звено антикоррупционной системы, причём во внимание принимаются полномочия, которые органы местного самоуправления получили по Федеральному закону от 06.10.2003 № 131-ФЗ. На основе анализа законодательства, доктрины и практики выявляются проблемы организационного обеспечения антикоррупционной деятельности и формулируются предложения по их преодолению.

Ключевые слова: *антикоррупционная политика, противодействие коррупции и его организационные основы, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, местное самоуправление, профилактика коррупции, конфликт интересов, экспертиза нормативных актов на коррупциогенность, мониторинг антикоррупционной направленности, координация антикоррупционной работы.*

Введение

Коррупция остаётся одним из наиболее опасных факторов, деструктивно влияющих на состояние государственности, эффективность публичного управления и доверие граждан к институтам власти. Она подрывает основы конституционного строя, препятствует нормальному функционированию экономики и порождает социальную несправедливость. Именно поэтому противодействие коррупции рассматривается в Российской Федерации как задача стратегического характера, решение которой невозможно без создания устойчивой, целостной и постоянно действующей организационной системы [7, с. 5].

Актуальность исследования обусловлена тем, что коррупционные проявления в наибольшей степени затрагивают тот уровень публичной власти, который непосредственно соприкасается с повседневными потребностями граждан, — региональный и муниципальный. Органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления принимают управленческие решения в сферах, обладающих повышенной коррупциогенностью: распоряжение публичным имуществом, предоставление разрешений и согласований, распределение бюджетных средств, оказание публичных услуг. Чем ближе уровень власти к человеку, тем ощутимее последствия коррупции и тем выше требования к качеству организационного обеспечения антикоррупционной деятельности [10, с. 8].

Постановка проблемы. Федеральный закон № 273-ФЗ определяет лишь общие контуры организационных основ противодействия коррупции, тогда как конкретные организационные формы их реализации на уровне субъектов РФ и муниципальных образований во многом зависят от регионального законодательства и правоприменительной практики. Отсюда заметная разница между регионами в том, как устроены антикоррупционные органы, сколько у них полномочий и чего они добиваются; к тому же трудно провести границу компетенции между уровнями публичной власти. Именно этот вопрос и стал главным для настоящей работы.

Цель работы — всесторонне изучить, как организовано противодействие коррупции в органах государ-

ственной власти субъектов Российской Федерации и в органах местного самоуправления, и на этой основе предложить пути улучшения организационного обеспечения антикоррупционной деятельности.

Цель определила следующие задачи: раскрыть понятие и правовые основы противодействия коррупции, закреплённые Федеральным законом № 273-ФЗ; описать, из каких субъектов состоит система противодействия коррупции и как согласуется их работа; изучить, на чём организационно держится противодействие коррупции в органах государственной власти субъектов РФ; разобрать организационные основы антикоррупционной деятельности в системе местного самоуправления; найти проблемы организационного обеспечения противодействия коррупции на уровне регионов и муниципалитетов и наметить конкретные способы их устранения.

Понятие и правовые основы противодействия коррупции

Понятие коррупции и противодействия ей

Определение исходных понятий имеет не только теоретическое, но и непосредственное практическое значение: от того, как законодатель очерчивает явление коррупции, зависит построение всей системы мер реагирования на неё. Федеральный закон № 273-ФЗ в ст. 1 определяет коррупцию как злоупотребление служебным положением, дачу взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами [1, ст. 1].

Под противодействием коррупции ст. 1 Федерального закона № 273-ФЗ понимает деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции); по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией); по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений [1, ст. 1]. Таким образом, законодатель последовательно разграничивает профилактику, борьбу с коррупцией и устранение её последствий, что предопределяет многосубъектность антикоррупционной деятельности и необходимость её организационного обеспечения на всех уровнях публичной власти [17, с. 24].

Принципы, организационные основы и меры профилактики коррупции

На каких принципах строится эта работа, указывает ст. 3 Федерального закона № 273-ФЗ. К ним относятся: признание, обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина; законность; публичность и открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления; неотвратимость ответственности за совершение коррупционных правонарушений; комплексное использование политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер; приоритетное применение мер по предупреждению коррупции; сотрудничество государства с институтами гражданского общества, международными организациями и физическими лицами [1, ст. 3]. Принцип приоритетного применения мер предупреждения имеет ключевое значение для организации региональной и муниципальной антикоррупционной работы, поскольку ориентирует её прежде всего на профилактику, а не на карательное реагирование [10, с. 10].

Организационные основы противодействия коррупции определены ст. 5 Федерального закона № 273-ФЗ. Президент Российской Федерации определяет основные направления государственной политики в области противодействия коррупции и устанавливает компетенцию федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых он осуществляет, в области противодействия коррупции. Федеральное Собрание обеспечивает разработку и принятие федеральных законов по вопросам противодействия коррупции. Правительство Российской Федерации распределяет функции между федеральными органами исполнительной власти по противодействию коррупции. Отдельно законодатель выделяет органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления: они ведут противодействие коррупции в тех рамках, которые задают их полномочия [1, ст. 5]. Именно эта норма закладывает основу разграничения компетенции между уровнями публичной власти и одновременно создаёт предпосылки для возникающих в дальнейшем проблем организационного характера [24, с. 45].

Перечень мер профилактики коррупции дан в ст. 6 Федерального закона № 273-ФЗ. Среди них названы: воспитание в обществе нетерпимости к коррупционному поведению; антикоррупционная экспертиза правовых актов и их проектов; предъявление квалификационных требований к гражданам, претендующим на замещение государственных или муниципальных должностей; установление оснований для освобождения от замещаемой должности; развитие институтов общественного и парламентского контроля за соблюдением законодательства

о противодействии коррупции [1, ст. 6]. По своей природе эти меры в основном организационные и управленческие, а претворяются в жизнь они органами, которые на уровне регионов и муниципалитетов либо создаются специально, либо получают такие функции дополнительно [8, с. 14].

Система субъектов противодействия коррупции и координация их деятельности

Многосубъектность противодействия коррупции предполагает не только наличие широкого круга участников, но и отлаженные механизмы координации их деятельности. Субъектами противодействия коррупции Федеральный закон № 273-ФЗ называет федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, институты гражданского общества, организации и физических лиц [1, ст. 5]. При этом координация деятельности органов исполнительной власти по реализации государственной политики в области противодействия коррупции возложена на один из федеральных органов исполнительной власти, определяемый Президентом Российской Федерации: фактически эту функцию выполняет Генеральная прокуратура Российской Федерации [9, с. 158].

Важнейшим координирующим звеном является Совет при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции, образуемый для обеспечения реализации государственной политики и координации деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления. По модели федерального Совета в субъектах Российской Федерации создаются собственные координационные органы, что обеспечивает единство подходов к организации антикоррупционной работы по вертикали [19, с. 3].

Положение прокуратуры Российской Федерации среди этих субъектов особое. Она не только надзирает за тем, как исполняется антикоррупционное законодательство, но и координирует работу правоохранительных органов, проводит антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов, входит в комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов, а также ведёт антикоррупционный мониторинг правоприменения. При столь широком наборе функций их необходимо ясно разграничить организационно и согласовать с полномочиями других органов [9, с. 160].

Национальный план противодействия коррупции

Ориентиры антикоррупционной политики на определённый срок задаёт Национальный план противодействия коррупции. Этот документ утверждается указом Президента Российской Федерации, и в нём закрепляются главные направления и конкретные мероприятия по противодействию коррупции на соответствующий период. Как правило, план содержит мероприятия не только федерального уровня: заметная их часть адресована органам государственной власти субъектов РФ и органам местного самоуправления. Например, Указ Президента Российской Федерации от 16.08.2021 № 478 утвердил Национальный план противодействия коррупции, открывший новый цикл мероприятий антикоррупционной политики, в том числе по развитию системы профилактики коррупции и по повышению отдачи от антикоррупционного мониторинга [6].

Организационные основы противодействия коррупции в органах государственной власти субъектов РФ

Полномочия региональных органов государственной власти

Рамки, в которых органы государственной власти субъектов Российской Федерации противодействуют коррупции, заданы их полномочиями по Федеральному закону № 273-ФЗ, Федеральному закону от 06.10.1999 № 184-ФЗ об общих принципах организации законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ, а также конституциям и уставам субъектов РФ. Организационные полномочия региональных органов включают разработку и принятие региональных антикоррупционных законов, утверждение антикоррупционных программ, создание координационных и совещательных органов, определение специализированных кадровых и профилактических подразделений [1, ст. 5].

Региональные законы и антикоррупционные программы

Основу регионального правового регулирования составляют законы субъектов Российской Федерации о противодействии коррупции, принятые практически во всех регионах. В этих законах, как правило, воспроизводятся понятийный аппарат и принципы федерального закона, устанавливаются дополнительные гарантии и механизмы профилактики, определяются полномочия региональных органов власти. Как отмечается в доктрине, региональное антикоррупционное законодательство образует самостоятельный, хотя и производный от федерального, уровень правового регулирования, обладающий внутренней логикой и собственным предметом [11, с. 310].

Значимым организационным инструментом являются региональные антикоррупционные программы (планы мероприятий), утверждаемые актами высших исполнительных органов субъектов РФ. Программа представляет собой комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на предупреждение коррупции, с указанием исполнителей, сроков и ожидаемых результатов. Антикоррупционные программы позволяют перевести нормы

закона в конкретные управленческие действия, обеспечить их ресурсное сопровождение и последующий контроль исполнения [12, с. 55].

Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в субъекте РФ

Основную роль в региональной организационной модели играют комиссии по координации работы по противодействию коррупции в субъекте Российской Федерации. Эти органы создаются высшими должностными лицами субъектов РФ и призваны обеспечивать согласованную деятельность территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъекта РФ, органов местного самоуправления и иных субъектов по реализации антикоррупционной политики [1, ст. 5].

Комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов

Немалое значение для организационного обеспечения имеют также комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов. Порядок их образования и деятельности в федеральных государственных органах определён Указом Президента Российской Федерации от 01.07.2010 № 821, по модели которого соответствующие комиссии формируются в органах государственной власти субъектов РФ и органах местного самоуправления [4].

Антикоррупционная экспертиза региональных нормативных правовых актов

Среди мер профилактики коррупции, предусмотренных Федеральным законом № 273-ФЗ, одна из главных — антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов; ей посвящён отдельный Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [2]. Цель экспертизы — выявление коррупциогенных факторов и их последующее устранение, то есть предупреждение включения в правовые акты положений, создающих условия для коррупции.

Кто проводит антикоррупционную экспертизу, указывает ст. 3 Федерального закона № 172-ФЗ. Это прокуратура Российской Федерации, федеральный орган исполнительной власти в области юстиции, органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления; кроме того, институты гражданского общества и граждане вправе проводить независимую экспертизу [2, ст. 3]. Методика проведения экспертизы утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96 и содержит перечень коррупциогенных факторов, подлежащих выявлению [5]. Единообразие в применении критериев оценки коррупциогенности обеспечивается не всегда [20, с. 4].

Кадровые (профилактические) подразделения

Для обеспечения текущей антикоррупционной работы в органах государственной власти субъектов РФ создаются специализированные кадровые (профилактические) подразделения либо вводятся должности ответственных за профилактику коррупционных и иных правонарушений. В соответствии со ст. 5 Федерального закона № 273-ФЗ органы государственной власти субъектов РФ самостоятельно определяют структуру таких подразделений исходя из объёма и характера возложенных задач [1, ст. 5].

К функциям профилактических подразделений относятся: подготовка и организация исполнения антикоррупционных программ; обеспечение деятельности комиссий по урегулированию конфликта интересов; организация проверок достоверности и полноты сведений о доходах; ведение антикоррупционной экспертизы; методическое сопровождение антикоррупционной работы в подведомственных организациях; сбор и обобщение информации о состоянии коррупции. По сути, эти подразделения выполняют роль организационного ядра всей профилактической работы [13, с. 60].

Антикоррупционный мониторинг

Под антикоррупционным мониторингом понимается наблюдение за тем, как исполняются правовые акты и управленческие решения; его задача — выявить коррупциогенные факторы, оценить действенность антикоррупционных мер и спрогнозировать коррупционные риски. Порядок мониторинга в субъектах Российской Федерации устанавливает региональное законодательство, и, как правило, он предполагает сбор, обобщение и анализ сведений о коррупции и о мерах по её предупреждению [1, ст. 6].

Организационные основы противодействия коррупции в системе местного самоуправления

Полномочия органов местного самоуправления

Полномочия органов местного самоуправления в сфере противодействия коррупции очерчены Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Эти полномочия включены законодателем в перечни вопросов местного значения: для сельских и городских поселений — п. 38 ч. 1 ст. 14, для муниципальных районов — п. 33 ч. 1 ст. 15, для городских округов — п. 42 ч. 1 ст. 16 названного закона [3]. Осуществление этих мер опирается на конституционную природу местного самоуправления и его самостоятельность в решении вопросов местного значения [14].

Муниципальные антикоррупционные программы и планы

Практика антикоррупционной деятельности в муниципальных образованиях реализуется преимущественно через муниципальные программы (планы) противодействия коррупции, утверждаемые представительными органами или местными администрациями. Такие программы конкретизируют применительно к условиям муниципального образования общие требования антикоррупционного законодательства и региональных правовых актов [12, с. 57]. В их разработке и реализации участвуют органы местного самоуправления [16].

Комиссии и уполномоченные подразделения в системе местного самоуправления

На муниципальном уровне антикоррупционная работа держится прежде всего на комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов и на уполномоченных подразделениях (должностных лицах) по профилактике коррупционных и иных правонарушений. Порядок образования таких комиссий в органах местного самоуправления строится по модели, заданной Указом Президента Российской Федерации от 01.07.2010 № 821 [4].

Конфликт интересов и антикоррупционные стандарты для муниципальных служащих

И в муниципалитетах одним из главных направлений антикоррупционной работы по-прежнему остаются предотвращение и урегулирование конфликта интересов. Федеральный закон № 273-ФЗ обязывает служащего принимать меры к тому, чтобы конфликт интересов в принципе не мог возникнуть, а также сообщать представителю нанимателя о возникшем конфликте или о возможности его появления [1, ст. 11].

К муниципальным служащим применяются антикоррупционные стандарты, то есть совокупность запретов, ограничений и обязанностей, призванных предупреждать коррупцию. Чтобы эти стандарты действительно соблюдались, ведутся реестры конфликтных ситуаций, проверяются декларации о доходах, проводится разъяснительная и методическая работа, контролируется исполнение установленных запретов. Большую часть этих задач берут на себя уполномоченные подразделения и комиссии [18, с. 58].

Антикоррупционная экспертиза муниципальных нормативных правовых актов

Муниципальные нормативные правовые акты и их проекты проходят антикоррупционную экспертизу по правилам Федерального закона № 172-ФЗ и изданных на его основе муниципальных правовых актов. Её проводят прокуратура, региональный орган юстиции и органы местного самоуправления; институты гражданского общества и граждане участвуют в этой работе посредством независимой антикоррупционной экспертизы [2, ст. 3]. Наибольший эффект достигается при её проведении на стадии разработки проекта правового акта [22, с. 41].

Взаимодействие с институтами гражданского общества и независимая антикоррупционная экспертиза

Одной из основных форм такого взаимодействия служит независимая антикоррупционная экспертиза, которую ведут институты гражданского общества и граждане. Согласно ст. 5 Федерального закона № 172-ФЗ, независимая экспертиза проводится за счёт собственных средств организаций и граждан, а её результаты носят рекомендательный характер и учитываются при доработке правовых актов [2, ст. 5]. Независимая экспертиза позволяет расширить круг участников оценки правовых актов и выявить коррупциогенные факторы, не замеченные при официальной экспертизе [21, с. 34].

Проблемы организационного обеспечения противодействия коррупции на региональном и муниципальном уровнях и направления совершенствования

Первая проблема — размытая граница полномочий между уровнями публичной власти. Федеральный закон № 273-ФЗ лишь в самых общих чертах описывает компетенцию органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в сфере противодействия коррупции [1, ст. 5], а Федеральный закон № 131-ФЗ говорит только о мерах по противодействию коррупции в границах муниципального образования [3]. Поэтому разделить региональные и муниципальные полномочия трудно, и на практике одни функции не выполняет никто, тогда как другие выполняются дважды. Целесообразно точнее распределить полномочия в законе, с тем чтобы за каждым уровнем власти были закреплены свои конкретные, не пересекающиеся направления антикоррупционной деятельности [15, с. 25].

Вторая проблема — нехватка ресурсов и кадров. Муниципалитетам, прежде всего небольшим поселениям и районам, недостаёт финансовых средств, информации и подготовленных людей, чтобы полноценно проводить антикоррупционные мероприятия. В профилактических подразделениях работает немного сотрудников, и специальной подготовки у них зачастую нет. В итоге требования закона исполняются формально, а профилактическая работа заметно теряет в качестве [17, с. 121]. Исправить положение может развитие методической поддержки и обучения служащих, а также более активное применение типовых (модельных) документов, которые разрабатываются на региональном уровне [23, с. 16].

Третья проблема — дублирование функций и слабая координация. Антикоррупционные полномочия разделены между множеством органов и подразделений, и дей-

ствуют они далеко не всегда согласованно. Некоторые функции, например антикоррупционную экспертизу или проверку сведений о доходах, одновременно выполняют сразу несколько субъектов, отчего ресурсы распыляются, а общий результат работы снижается. Чтобы устранить дублирование, функции следует закрепить яснее, а координирующую роль комиссий по координации работы по противодействию коррупции — усилить [9, с. 165].

Четвёртая проблема — слабое методическое обеспечение антикоррупционного мониторинга и оценки эффективности антикоррупционных программ. Единых подходов к выбору показателей и методик оценки до сих пор нет, поэтому результаты, полученные разными регионами и муниципалитетами, трудно сопоставить, а сами программы не удаётся своевременно корректировать по итогам их исполнения [13, с. 140]. Требуется разработать типовую методику проведения антикоррупционного мониторинга и оценки результативности антикоррупционных программ, которую можно было бы применять как в регионах, так и в муниципалитетах [11, с. 328].

Пятая проблема — взаимодействие с институтами гражданского общества во многом остаётся формальным. Независимая антикоррупционная экспертиза и общественный контроль обладают большими возможностями, однако используются они пассивно, а их выводам часто не уделяется должного внимания. Для развития этих институтов власть должна стать открытее, а гражданское общество — активнее, и для этого, в частности, нужно создавать условия для проведения независимой экспертизы [21, с. 35].

Исходя из сказанного, организационное обеспечение противодействия коррупции можно совершенствовать по следующим направлениям: точнее разграничить в законе полномочия регионального и муниципального уровней; укрепить кадровый и методический потенциал профилактических подразделений; развивать систему типовых (модельных) документов и методик; усилить координирующую роль комиссий по координации работы по противодействию коррупции; ввести единые подходы к антикоррупционному мониторингу и оценке результативности программ; активнее взаимодействовать с институтами гражданского общества и шире использовать независимую антикоррупционную экспертизу [10, с. 12].

Заключение

Из проведённого исследования вытекает несколько выводов. Правовой основой противодействия коррупции служит Федеральный закон № 273-ФЗ, в котором даны понятия коррупции и противодействия ей и закреплены принципы, организационные основы и меры профилактики коррупции. Статья 5 этого закона задаёт исходную модель разграничения компетенции между уровнями публичной власти, однако конкретные организационные формы антикоррупционной работы в регионах и муниципалитетах она подробно не регулирует, оставляя их на усмотрение самих субъектов РФ и муниципальных образований [1, ст. 5].

Система субъектов противодействия коррупции имеет многоуровневое строение, поскольку в неё входят федеральные органы, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, институты гражданского общества и другие участники. Их действия согласуют Совет при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции, органы прокуратуры и региональные координационные комиссии. Программную основу антикоррупционной политики составляет Национальный план противодействия коррупции, который утверждается указом Президента Российской Федерации и закрепляет главные направления и мероприятия на соответствующий период [6].

Главные проблемы организационного обеспечения противодействия коррупции в регионах и муниципалитетах — размытое разграничение полномочий, нехватка ресурсов и кадров, дублирование функций, слабое методическое обеспечение мониторинга и оценки результативности, а также во многом формальный характер взаимодействия с институтами гражданского общества. Для их решения нужно точнее разграничить компетенцию уровней власти в законе, укрепить кадровый и методический потенциал профилактических подразделений, развивать модельное регулирование и полнее использовать возможности гражданского общества. Предложенные меры позволят сделать антикоррупционную деятельность в регионах и муниципалитетах более результативной и укрепить доверие граждан к публичной власти [7, с. 12].

Литература:

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
2. Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 29. Ст. 3609.
3. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
4. Указ Президента РФ от 01.07.2010 № 821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 27. Ст. 3446.
5. Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 10. Ст. 1084.

6. Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 34. Ст. 6170.
7. Бондарь Н. С. Конституция против коррупции: о формировании национальной конституционно-правовой модели антикоррупционной деятельности // Журнал российского права. 2022. № 4.
8. Поляков М. М. Административно-правовое противодействие коррупции в государственном управлении: понятие и содержание // Административное право и процесс. 2023. № 12.
9. Трунцевский Ю. В. Взаимодействие комиссии по координации работы по противодействию коррупции и органа по профилактике коррупционных и иных правонарушений в субъекте Российской Федерации с правоохранительными органами // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 155–167.
10. Хабриева Т. Я. Научно-правовые проблемы противодействия коррупции // Журнал российского права. 2012. № 7. С. 7–14.
11. Кабанов П. А. Антикоррупционное процессуальное законодательство субъектов Российской Федерации: формирование и содержание // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12. № 2. С. 300–333.
12. Кабанов П. А. Региональные антикоррупционные программы как организационно-правовые средства противодействия коррупции // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 4. С. 54–60.
13. Кабанов П. А. Антикоррупционный мониторинг в субъектах Российской Федерации: вопросы теории и практики правового регулирования: монография. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2015. 181 с.
14. Васильев В. И. Борьба с коррупцией и местное самоуправление // Журнал российского права. 2012. № 4.
15. Серазетдинов Л. Р. Противодействие коррупции в органах местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 6.
16. Кирьянов А. Ю. Противодействие коррупции: о некоторых аспектах деятельности органов местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 9.
17. Ромашина Е. В. Реализация органами местного самоуправления мер по противодействию коррупции: дис. … канд. юрид. наук. Белгород, 2013. 164 с.
18. Трунцевский Ю. В. Предотвращение и урегулирование конфликта интересов в органах внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1 (49). С. 55–59.
19. Агеев В. Н. Основные задачи комиссии по координации работы по противодействию коррупции в субъекте Российской Федерации. 2020.
20. Яценко О. В. Кратко о принципах антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. 2023.
21. Савицкая О. Г. Конституционно-правовые основы общественного контроля в сфере противодействия коррупции // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 10.
22. Черепанова Е. В. Правовое регулирование мер по предупреждению коррупции в России и за рубежом // Международное публичное и частное право. 2024. № 2.
23. Банных Г. А. и др. Региональная антикоррупционная политика: современные управленческие практики реализации. 2024.
24. Хабриева Т. Я. (науч. рук.) Анализ практики реализации программ противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации: аналитический доклад. М.: ИЗиСП, 2012. 362 с.

Правовые средства противодействия коррупции в системе государственной и муниципальной службы

Борисов Марк Александрович, студент магистратуры
Научный руководитель: Дорохов Николай Иннокентьевич, кандидат исторических наук, профессор
Российский новый университет (г. Москва)

В статье анализируются правовые средства, с помощью которых государство противодействует коррупции на государственной и муниципальной службе. Автор раскрывает содержание этих средств и их систему, показывает, как они соотносятся с законодательством о гражданской службе и о муниципальной службе, и предлагает разделять их на предупредительные (профилактические), контрольные и репрессивные. Рассмотрены антикоррупционные стандарты, а также запреты, ограничения и обязанности, которые закон возлагает на государственных и муниципальных служащих. Подробно разобраны специальные средства — предотвращение и урегулирование конфликта интересов, представление и проверка сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, анти-

коррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов, включая независимую. Отдельно изучена юридическая ответственность служащих за коррупционные правонарушения, в том числе увольнение в связи с утратой доверия. В завершение названы проблемы правового регулирования и предложены пути его совершенствования.

Ключевые слова: *противодействие коррупции, коррупция, государственная служба, муниципальная служба, правовые средства, антикоррупционные стандарты, запреты и ограничения, конфликт интересов, сведения о доходах, антикоррупционная экспертиза, утрата доверия, юридическая ответственность.*

Введение

Для российского государства борьба с коррупцией по-прежнему остаётся задачей первостепенной важности. Коррупция разрушает публичную власть изнутри, лишает граждан доверия к её институтам и искажает нормальные экономические связи, причём последствия этого ощущаются далеко за пределами отдельных ведомств. Острее всего проблема стоит на государственной и муниципальной службе, ведь служащий обладает властными полномочиями, и от его решений прямо зависят права и законные интересы людей и организаций. Именно поэтому законодатель выстраивает здесь развёрнутую систему правовых средств предупреждения, выявления и пресечения коррупционных правонарушений [7].

Актуальность исследования связана с тем, что правовые средства противодействия коррупции на службе не стоят на месте. Законодатель неоднократно уточнял антикоррупционные стандарты, дополнял перечень запретов, ограничений и обязанностей, менял порядок контроля за доходами и расходами служащих, пересматривал правила урегулирования конфликта интересов. Нормы антикоррупционного законодательства тесно переплетены с нормами о службе, регулирование получилось многослойным, и правоприменитель нередко сталкивается с трудностями, преодолеть которые без системного осмысления всего этого массива норм вряд ли удастся [9, с. 14].

Постановка проблемы. Средства противодействия коррупции на государственной и муниципальной службе закреплены во множестве нормативных правовых актов, и согласованную, внутренне стройную систему они пока образуют далеко не всегда. Отдельные запреты, ограничения и обязанности дублируются, их содержание не в полной мере унифицировано для государственных и муниципальных служащих, а контрольные механизмы нуждаются в повышении эффективности. Сохраняется неопределённость и в вопросе о том, какие именно средства следует относить к собственно правовым средствам противодействия коррупции. Указанные обстоятельства обусловливают центральную проблему настоящего исследования.

Цель работы — дать целостную характеристику системы правовых средств противодействия коррупции на государственной и муниципальной службе и сформулировать предложения по совершенствованию их правового регулирования. Цели подчинены следующие задачи. Нужно раскрыть понятие и систему правовых средств, установить их соотношение с законодательством о службе и предложить их классификацию. Далее требуется охарактеризовать антикоррупционные стандарты, запреты, ограничения и обязанности служащих, изучить специальные средства (урегулирование конфликта интересов, проверку сведений о доходах и расходах, антикоррупционную экспертизу), проанализировать юридическую ответственность служащих и наметить направления совершенствования. В работе применены формально-юридический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы.

Понятие и система правовых средств противодействия коррупции на государственной и муниципальной службе

Понятие правовых средств противодействия коррупции

С помощью категории «правовые средства» можно показать, каким образом право воздействует на общественные отношения посредством закреплённых в нём способов и институтов. Применительно к сфере противодействия коррупции под правовыми средствами следует понимать закреплённые в нормах права юридические инструменты, при помощи которых государство предупреждает возникновение коррупционных отношений, выявляет совершённые коррупционные правонарушения и обеспечивает применение мер юридической ответственности [7]. Нормативной опорой служит прежде всего Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее — Закон № 273-ФЗ), в ст. 1 которого раскрыты понятие коррупции, содержание противодействия ей и другие исходные категории этой отрасли [1, ст. 1].

Отличительная черта правовых средств противодействия коррупции на службе состоит в том, что они нацелены главным образом на предупреждение. Законодательство о службе не только устанавливает основания ответственности, но и формирует систему требований к правовому статусу служащего, соблюдение которых призвано исключить саму возможность возникновения коррупционных отношений. В этом проявляется профилактическая парадигма антикоррупционного регулирования, ориентированная на устранение причин и условий коррупции, а не только на реагирование по фактам уже совершённых правонарушений [26].

Соотношение законодательства о противодействии коррупции и законодательства о государственной и муниципальной службе

Правовые средства противодействия коррупции на службе возникают там, где пересекаются два массива норм. Один из них — антикоррупционное законодательство, центральное место в котором занимает Закон № 273-ФЗ вместе с изданными в его развитие указами Президента и постановлениями Правительства Российской Федерации. Другой массив включает законодательство о государственной гражданской службе, базой которого служит Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (далее — Закон № 79-ФЗ) [2], и законодательство о муниципальной службе с Федеральным законом от 02.03.2007 № 25-ФЗ (далее — Закон № 25-ФЗ) во главе [3]. Между ними складываются отношения общего и специального. Антикоррупционные акты задают универсальные понятия и меры, а нормы о службе приспосабливают их к правовому статусу служащих. Без проблем при этом не обходится, поскольку отдельные нормы двух массивов рассогласованы [8, с. 50].

Возьмём для примера обязанность служащего сообщать представителю нанимателя о том, что его склоняют к коррупционному правонарушению. Она установлена ст. 9 Закона № 273-ФЗ [1, ст. 9], а затем повторена в специальных нормах о службе. Тот же подход виден в регулировании конфликта интересов. Общие правила содержат ст. 10 и 11 Закона № 273-ФЗ [1, ст. 10; 1, ст. 11], процедурные механизмы отражены в ст. 19 Закона № 79-ФЗ [2, ст. 19] и ст. 14.2 Закона № 25-ФЗ [3, ст. 14.2]. Полностью регулирование государственной и муниципальной службы при этом не совпадает, что ставит вопрос о согласованности единых антикоррупционных стандартов [16, с. 116].

Классификация правовых средств противодействия коррупции

Обоснованная классификация правовых средств помогает увидеть пробелы и перекосы в регулировании, которые при ином взгляде легко упустить. Чаще всего эти средства разделяют по функциональному назначению на предупредительные (профилактические), контрольные и репрессивные [9, с. 20]. Задача предупредительных средств состоит в том, чтобы устранить причины и условия коррупции. Сюда входят антикоррупционные стандарты, запреты, ограничения и обязанности служащих, правила урегулирования конфликта интересов, антикоррупционная экспертиза, а также антикоррупционное просвещение [25].

Контрольные средства дают достоверные сведения о том, соблюдают ли служащие установленные требования. К ним относятся представление и последующая проверка сведений о доходах и расходах, контроль за соответствием расходов доходам, повседневная работа кадровых и антикоррупционных подразделений. Репрессивные средства — это меры юридической ответственности за коррупционные правонарушения, то есть дисциплинарная, административная и уголовная ответственность, а также увольнение в связи с утратой доверия [13, с. 60]. Деление во многом условно, так как многие средства выполняют сразу несколько функций, но с его помощью удобно оценивать, насколько сбалансировано регулирование в целом [21].

Антикоррупционные стандарты, запреты, ограничения и обязанности государственных и муниципальных служащих

Понятие и система антикоррупционных стандартов

Ядро правовых средств предупреждения коррупции составляют антикоррупционные стандарты. Под ними закон понимает единую для определённой сферы деятельности систему запретов, ограничений и дозволений, которая обеспечивает предупреждение коррупции. Такое определение дано в ст. 1 Закона № 273-ФЗ, и из него видно, что стандарты имеют нормативную природу и обязательны к исполнению [1, ст. 1]. Применительно к службе в их систему входят требования к служебному поведению, законодательные запреты и ограничения, обязанности служащего предотвращать конфликт интересов и сообщать о попытках склонить его к правонарушению, а также антикоррупционные требования к тому, как организована служебная деятельность [12].

В науке справедливо указывают, что у антикоррупционных стандартов две функции. С одной стороны, они предупреждают коррупцию, с другой — служат мерилом, по которому оценивают правомерность поведения служащего. Поэтому ясность и определённость стандартов имеют первостепенное значение. Размытые формулировки открывают простор и для коррупционного усмотрения, и для необоснованного привлечения служащих к ответственности [11]. Отсюда следует, что систему стандартов нужно оптимизировать, исходя из единства публичной службы и вместе с тем сохраняя разумную специфику службы муниципальной [12].

Запреты и ограничения на государственной и муниципальной службе

Ограничения для государственных гражданских служащих перечислены в ст. 16 Закона № 79-ФЗ [2, ст. 16], запреты — в ст. 17 этого закона [2, ст. 17]. Для муниципальных служащих аналогичные нормы закреплены в ст. 13 и 14 Закона № 25-ФЗ [3, ст. 13; 3, ст. 14]. Антикоррупционное значение имеют, в частности, недопустимость замещения должности при близком родстве или свойстве с подчинённым либо подконтрольным служащим, запрет на наличие непогашенной судимости и ограничения, связанные с гражданством. Смысл этих правил в том, чтобы служебная деятельность оставалась независимой,

а условия для личной заинтересованности не возникали [6, с. 49].

Запретов заметно больше, и они напрямую связаны со злоупотреблением служебным положением. Служащий не вправе заниматься предпринимательской деятельностью, приобретать ценные бумаги, по которым можно получать доход, принимать от физических и юридических лиц вознаграждения в связи с исполнением должностных обязанностей, использовать средства материально-технического и информационного обеспечения в неслужебных целях [2, ст. 17; 3, ст. 13]. Особняком стоит запрет на получение подарков в связи с исполнением должностных обязанностей. Его смысл в том, чтобы между служащим и заинтересованными лицами не складывалось неформальной зависимости [25].

Запреты и ограничения для муниципальных служащих в основном совпадают с установленными для государственных, и это свидетельствует о единстве антикоррупционных стандартов публичной службы. Тем не менее у муниципального законодательства есть своя специфика. Должности здесь могут замещаться по срочному трудовому договору, а совмещение функций распространено значительно шире, и это нужно учитывать при совершенствовании регулирования [24].

Обязанности государственных и муниципальных служащих

Позитивные обязанности требуют от служащего не только воздерживаться от неправомерных поступков, но и проявлять активность, совершая юридически значимые действия [10, с. 135]. Главная из них закреплена в ст. 9 Закона № 273-ФЗ. Если к служащему обратились какие-либо лица, чтобы склонить его к коррупционному правонарушению, он должен о каждом таком случае незамедлительно уведомить представителя нанимателя, а затем уведомление передаётся в органы прокуратуры [1, ст. 9]. Неисполнение этой обязанности не остаётся без последствий, и служащий несёт за него ответственность [22].

Вторую группу составляют обязанности, касающиеся конфликта интересов. От служащего требуется не допускать появления личной заинтересованности, а если она всё же появилась, известить об этом и помочь урегулировать ситуацию. Данная обязанность вытекает из ст. 11 Закона № 273-ФЗ [1, ст. 11], ст. 19 Закона № 79-ФЗ [2, ст. 19] и ст. 14.2 Закона № 25-ФЗ [3, ст. 14.2]. Для гражданских служащих, помимо этого, закон формулирует требования к служебному поведению (ст. 18 Закона № 79-ФЗ) [2, ст. 18].

Третья группа включает обязанности представлять сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и сообщать о совершении коррупционных правонарушений. Если служащий их не исполнит, ответственность может оказаться строже обычного дисциплинарного взыскания, вплоть до увольнения в связи с утратой доверия [10, с. 140]. Обязанности тесно связаны между собой. Обнаружив личную заинтересованность, служащий должен не только сообщить о конфликте интересов, но и принять меры к его урегулированию, а при признаках правонарушения — уведомить о нём [23].

Специальные правовые средства противодействия коррупции в системе службы

Предотвращение и урегулирование конфликта интересов

Понятие конфликта интересов занимает в антикоррупционном законодательстве одно из центральных мест. Так называют ситуацию, когда личная заинтересованность служащего влияет или способна повлиять на объективное исполнение им должностных обязанностей и когда между этой заинтересованностью и законными интересами граждан, организаций, общества или государства возникает либо может возникнуть противоречие [1, ст. 10]. Структура института непроста. В нём выделяют объект, предмет и субъектов, причём предметом служит личная заинтересованность служащего, а объектом — общественные отношения, на которые она посягает [14].

Закон называет несколько способов урегулирования конфликта интересов. Можно изменить должностное или служебное положение служащего, оказавшегося стороной конфликта, вплоть до его отстранения от исполнения обязанностей. Служащий может отказаться от выгоды, ставшей причиной конфликта, заявить самоотвод или получить отвод, передать принадлежащие ему ценные бумаги в доверительное управление [1, ст. 11; 2, ст. 19]. Заметную роль играют комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов, которые работают на основании Указа Президента Российской Федерации от 01.07.2010 № 821 [5]. Решения комиссий рекомендательны, но при последующих кадровых решениях к ним относятся с большим вниманием [15, с. 56].

Успех урегулирования конфликта интересов зависит прежде всего от того, вовремя ли и в полном ли объёме о нём сообщено. Поэтому служащий уведомляет не только о конфликте, который уже возник, но и о том, что он может возникнуть [15, с. 57]. На муниципальной службе ситуация своеобразна. Органы местного самоуправления ближе к повседневным интересам жителей, а кадров у них меньше. Риск личной заинтересованности здесь заметно выше, поэтому независимость комиссий нужно обеспечивать особыми гарантиями [14].

Представление сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и их проверка

Одно из главных мест среди контрольных правовых средств занимает представление сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного ха-

рактера. Служащие обязаны подавать эти сведения в силу ст. 8 Закона № 273-ФЗ [1, ст. 8], ст. 20 Закона № 79-ФЗ [2, ст. 20] и ст. 15 Закона № 25-ФЗ [3, ст. 15]. Делается это ежегодно и по единой утверждённой форме, поэтому данные можно сопоставлять и обрабатывать автоматически.

Важно не только получить сведения, но и проверить их. Уполномоченные подразделения выясняют, достоверны ли и полны ли представленные данные, и следят за тем, соответствуют ли расходы служащего и членов его семьи их доходам. Проверка начинается при наличии достаточной информации, поступившей в установленном порядке от правоохранительных и других государственных органов, органов местного самоуправления, организаций и средств массовой информации. Однако понятие достаточности информации оценочное, и его следует чётко определить в законе [16, с. 117].

Контроль за расходами строится на презумпции того, что расходы служащего соответствуют его доходам. Проверку назначают лишь тогда, когда есть достаточные основания полагать, что тратится больше, чем получено. Так, по существу, достигается равновесие между действенностью контроля и запретом произвольно вторгаться в частную жизнь, хотя на практике этому мешают сложности с получением сведений от кредитных и других организаций [16, с. 119]. На муниципальной службе проверку ведут подразделения местных администраций, которым нередко не хватает ни ресурсов, ни организационной самостоятельности. Контроль от этого слабеет, и потому к нему стоит чаще подключать вышестоящие органы [24].

Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов

Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов относится к самым значимым профилактическим средствам, поскольку позволяет устранить коррупциогенные факторы уже при подготовке и принятии актов. Правовую основу экспертизы составляют Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ (далее — Закон № 172-ФЗ) [4] и Постановление Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96, которым утверждена методика её проведения [6].

Круг субъектов экспертизы очерчен в ст. 3 Закона № 172-ФЗ. Это прокуратура, федеральный орган исполнительной власти в области юстиции, органы, организации и должностные лица, принявшие нормативный правовой акт, и независимые эксперты [4, ст. 3]. Прокурорская экспертиза обязательна и охватывает очень широкий круг актов. Орган, принявший акт, проводит экспертизу при разработке проекта и в ходе мониторинга применения акта, так что экспертная деятельность в итоге выстраивается сразу на нескольких уровнях [17, с. 6]. Цель экспертизы — найти коррупциогенные факторы, то есть положения, которые устанавливают необоснованно широкие пределы усмотрения или позволяют необоснованно применять исключения из общих правил [18, с. 16].

Отдельно следует сказать о независимой антикоррупционной экспертизе, которую проводят институты гражданского общества и граждане. Она основана на ст. 5 Закона № 172-ФЗ, позволяющей этим субъектам проводить экспертизу за собственный счёт [4, ст. 5]. Заключения независимых экспертов носят рекомендательный характер, но благодаря им экспертное сообщество становится шире, а нормотворчество — прозрачнее. Качество таких заключений напрямую зависит от того, насколько эксперты профессиональны и насколько они обеспечены методически [20, с. 58].

Экспертиза действует на опережение. Она устраняет нормативные предпосылки коррупции ещё до того, как они проявятся, и попутно повышает качество нормотворчества. Практика, впрочем, обнаруживает и слабые места. Методика не всегда позволяет однозначно признать положение коррупциогенным, а к заключениям независимых экспертов органы, принявшие акт, нередко остаются безучастны [19, с. 5]. Для службы экспертиза особенно важна, потому что коррупциогенные факторы чаще всего встречаются в служебных и административных регламентах, которые определяют порядок взаимодействия с гражданами [18, с. 19].

Юридическая ответственность служащих за коррупционные правонарушения и направления совершенствования правового регулирования

Дисциплинарная, административная и уголовная ответственность

Без юридической ответственности служащих система правовых средств противодействия коррупции была бы неполной. Закон знает несколько видов ответственности, и выбор между ними определяется характером и тяжестью нарушения [13, с. 60]. Дисциплинарная ответственность наступает, если нарушены запреты, ограничения и обязанности, установленные антикоррупционным законодательством. Взысканиями служат замечание, выговор, предупреждение о неполном должностном соответствии и увольнение, а применяются они по правилам законодательства о службе [2, ст. 57]. Сильная сторона этого вида ответственности в том, что он позволяет быстро реагировать на нарушения без признаков административного правонарушения или преступления [13, с. 62].

Административная ответственность установлена Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. Наибольшее значение среди её составов имеют незаконное вознаграждение от имени юридического лица и незаконное привлечение к трудовой деятельности государственного или муниципального служащего либо бывшего служащего. По этим составам отвечают не только служащие, но и юридические лица, благодаря чему круг адресатов антикоррупционного воздействия заметно расширяется [13, с. 65].

Самые опасные коррупционные деяния влекут уголовную ответственность. Речь идёт о злоупотреблении

должностными полномочиями, их превышении, получении и даче взятки, посредничестве во взяточничестве и других посягательствах на интересы службы. Санкции здесь наиболее строгие, вплоть до лишения свободы и лишения права занимать определённые должности, поэтому и превентивный эффект проявляется сильнее всего [23]. Разграничивать виды ответственности важно и на практике, ведь в одних и тех же обстоятельствах нередко обнаруживаются признаки сразу нескольких правонарушений, и квалифицировать их приходится особенно тщательно [13, с. 68].

Увольнение в связи с утратой доверия

Особое место среди мер ответственности занимает увольнение в связи с утратой доверия, предусмотренное ст. 13.3 Закона № 273-ФЗ и специальными нормами законодательства о службе [1, ст. 13.3]. Основаниями для неё служат непредставление сведений о доходах и расходах, несообщение о конфликте интересов или непринятие мер к его урегулированию и другие коррупционные нарушения. О правовой природе этой меры в науке спорят. Её можно считать дисциплинарным взысканием, а можно — особой антикоррупционной мерой, в основе которой лежит утрата доверия со стороны представителя нанимателя [27].

Из-за этой двойственности правоприменителю бывает непросто. Возникает и вопрос, согласуется ли такая мера с принципами юридической ответственности, если утрата доверия не требует умысла в отношении всех элементов состава. На муниципальной службе дело дополнительно осложняют нехватка кадров и слабая правовая подготовка тех, кто принимает решения. В итоге вполне возможны как необоснованные увольнения, так и бездействие там, где основания для увольнения имеются [27].

Проблемы правового регулирования и направления совершенствования

Проведённый анализ показывает, что проблемы правового регулирования в этой сфере складываются в несколько групп. Первая из них порождена недостаточной систематизацией. Нормы о запретах, ограничениях, обязанностях и ответственности разбросаны по множеству актов, и применять их на практике трудно. Стоит всерьёз обсудить более последовательную систематизацию антикоррупционных норм, например их сосредоточение в законодательстве о службе, но так, чтобы общие положения антикоррупционного законодательства сохранили своё значение [9, с. 20].

Вторая проблема — антикоррупционные стандарты для государственных и муниципальных служащих унифицированы не до конца. Перечни запретов и ограничений, порядок применения мер ответственности различаются, и лица, выполняющие сходные публичные функции, оказываются в неравном правовом положении. Базовые стандарты должны быть едиными, хотя разумные особенности муниципальной службы, вытекающие из самостоятельности местного самоуправления, следует сохранить [12]. Третья проблема касается действенности контроля. Проверку сведений о доходах затрудняют нехватка нужных данных, ограниченные ресурсы кадровых подразделений и оценочный характер понятия достаточности информации, поэтому основания и порядок проверок нуждаются в уточнении [16, с. 119].

Четвёртая проблема связана с антикоррупционной экспертизой. Методика не всегда позволяет уверенно признать выявленные положения коррупциогенными, а органы, принявшие акты, учитывают итоги независимой экспертизы далеко не всегда и не в полной мере. Целесообразно развивать методический инструментарий экспертизы и стимулировать участие институтов гражданского общества в экспертной деятельности [20, с. 61]. Пятая проблема — неясность отдельных оснований ответственности, и в первую очередь увольнения в связи с утратой доверия. Основания этой меры стоит уточнить, а для служащих закрепить дополнительные процедурные гарантии [27].

Шестая проблема носит организационно-правовой характер и связана с недостаточной правовой подготовкой служащих: даже совершенное законодательство не обеспечивает результата, если служащие не владеют содержанием установленных требований. Исходя из сказанного, совершенствовать регулирование целесообразно по нескольким направлениям. Нужно систематизировать антикоррупционные нормы законодательства о службе, обеспечить единство базовых стандартов с учётом особенностей муниципальной службы, сделать действеннее контроль за доходами и расходами, развивать методику экспертизы и учёт её результатов, уточнить основания и процедуры ответственности, усилить антикоррупционное просвещение служащих [26].

Заключение

Правовые средства противодействия коррупции на государственной и муниципальной службе представляют собой сложную и внутренне связанную систему юридических инструментов, которые служат предупреждению, выявлению и пресечению коррупционных правонарушений. Исходные понятия, принципы и меры установлены Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ, а правовой статус служащих детализирован в законодательстве о гражданской и о муниципальной службе. Исследование показало, что эти средства удобно делить на предупредительные (профилактические), контрольные и репрессивные. Ведущая роль среди них принадлежит предупредительным средствам, поскольку именно они направлены на устранение причин и условий коррупции, а не на борьбу с её последствиями.

Не меньшее значение имеют специальные средства. К ним относятся меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, обязанность представлять сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязатель-

ствах имущественного характера вместе с их проверкой, а также антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов, в том числе независимая. Систему замыкает юридическая ответственность служащих. Она бывает дисциплинарной, административной и уголовной, а особое место занимает увольнение в связи с утратой доверия.

Регулирование, однако, имеет изъяны. Антикоррупционные нормы систематизированы недостаточно, стандарты для государственных и муниципальных служащих унифицированы не полностью, контроль за доходами и расходами не всегда действенен, результаты экспертизы учитываются слабо, отдельные основания ответственности неопределённы, а правовая подготовка служащих оставляет желать лучшего. Устранить эти недостатки можно лишь последовательным совершенствованием законодательства и правоприменительной практики. Тогда система правовых средств противодействия коррупции на государственной и муниципальной службе станет более сбалансированной и результативной.

Литература:

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
2. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.
3. Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 10. Ст. 1152.
4. Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 29. Ст. 3609.
5. Указ Президента РФ от 01.07.2010 № 821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 27. Ст. 3446.
6. Покровский О. В. Административно-правовые средства противодействия коррупции в системе государственной гражданской службы // Российская юстиция. 2018. № 3. С. 48–52.
7. Тихомиров Ю. А., Трикоз Е. Н. Право против коррупции // Журнал российского права. 2007. № 5.
8. Цирин А. М. Противодействие коррупции в Российской Федерации: проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2012. № 12. С. 47–52.
9. Цирин А. М. Перспективные направления развития законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции // Журнал российского права. 2011. № 2. С. 12–24.
10. Цирин А. М., Севальнев В. В. Институциональные механизмы противодействия коррупции на государственной службе // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 9. С. 133–142.
11. Чаннов С. Е. Антикоррупционные стандарты на государственной и муниципальной службе // Административное право и процесс. 2026. № 6.
12. Пресняков М. В. Понятие и система антикоррупционных стандартов в системе государственной и муниципальной службы: проблемы оптимизации // Современное право. 2026. № 3.
13. Чаннов С. Е. Дисциплинарная и административная ответственность государственных и муниципальных служащих: вопросы эффективности // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 59–69.
14. Кудашкин А. В., Козлов Т. Л. Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе: объект, предмет, субъекты. 2010.
15. Трунцевский Ю. В. Предотвращение и урегулирование конфликта интересов в органах внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1 (49). С. 55–59.
16. Терещенко Л. К., Цирин А. М. Достаточность информации как основание для проверки соблюдения антикоррупционных требований // Журнал российского права. 2015. № 6. С. 115–120.
17. Хабриева Т. Я. Формирование правовых основ антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов // Журнал российского права. 2009. № 10. С. 5–13.
18. Тихомиров Ю. А. Практические аспекты осуществления антикоррупционного анализа и оценки реализации правовых актов // Журнал российского права. 2009. № 10. С. 14–21.
19. Астанин В. В. Антикоррупционная экспертиза законодательства в развитии практики и методики // Мониторинг правоприменения. 2016. № 3. С. 4–8.
20. Кабанов П. А. Независимая антикоррупционная экспертиза: понятие, содержание, правовое регулирование и перспективы повышения качества экспертной деятельности // Актуальные проблемы экономики и права. 2009. № 4 (12). С. 57–64.
21. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: проблемы теории и практики: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014.

22. Севрюгин К. В. Противодействие коррупции в системе государственной гражданской службы Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2011. 22 с.
23. Куракин А. В. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы Российской Федерации: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2008.
24. Шевелевич А. А. Административно-правовые основы противодействия коррупции в системе государственной службы: дис. … канд. юрид. наук. М., 2008.
25. Братановский С. Н., Зеленов М. Ф. Административно-правовые аспекты борьбы с коррупцией в системе исполнительной власти в РФ: монография. М.: Проспект, 2016. 256 с.
26. Противодействие коррупции в контексте устойчивого развития: монография / Ю. В. Трунцевский, В. В. Севальнев, А. М. Цирин и др. М.: Инфотропик Медиа, 2024. 236 с.
27. Утрата доверия по законодательству Российской Федерации: научно-практическое пособие / отв. ред. И. И. Кучеров. М.: Инфотропик Медиа, 2022.

Понятие и сущность денежного обращения как объекта уголовно-правовой охраны

Борщ Илья Дмитриевич, студент магистратуры
Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

В статье рассматривается денежное обращение как система общественных отношений, обеспечивающих движение денежных средств и осуществление расчётов. Раскрываются экономическое содержание и юридические признаки денежного обращения, обосновывается его значение для финансовой безопасности государства. Проводится разграничение объекта уголовно-правовой охраны, предмета преступления и средств его совершения. Систематизируются основные направления уголовно-правовой защиты денежного обращения. Определяются проблемы охраны денежных отношений в условиях цифровизации и формулируются предложения по совершенствованию соответствующего правового механизма.

Ключевые слова: *денежное обращение, денежная система, уголовно-правовая охрана, экономическая безопасность, фальшивомонетничество, средства платежей, легализация преступных доходов, цифровизация.*

Введение

Устойчивое денежное обращение является необходимым условием функционирования российской экономики, исполнения публичных обязательств и реализации имущественных прав граждан. Нарушения порядка движения денежных средств способны причинять вред не только отдельным участникам расчётов, но и финансовой системе в целом. Распространение дистанционных платежей усиливает взаимосвязь имущественной, информационной и экономической безопасности, повышая значение уголовно-правовой защиты денежных отношений.

Степень изученности проблемы характеризуется наличием исследований, раскрывающих отдельные стороны денежного обращения и противодействия преступлениям в этой сфере. Олег Михайлович Крылов рассматривает денежное обращение и его организацию через категории публичной потребности и публичного интереса. Его подход позволяет объяснить, почему защита денежных отношений выходит за пределы охраны имущества конкретного лица [1, с. 30–38].

Денис Андреевич Печегин исследует проблемы законодательной регламентации ответственности за посягательства на денежную систему в условиях цифровизации, выделяя взаимосвязь фальшивомонетничества, неправомерного оборота средств платежей и легализации преступных доходов [2, с. 45–52]. Светлана Анатольевна Боженок анализирует уголовно-правовую защиту оборота средств платежей, обращая внимание на межотраслевой характер используемых понятий и необходимость определённости уголовного закона [3, с. 127–134].

Станислав Львович Нудель совместно с Д. А. Печегиным раскрывает тенденции уголовной политики в области охраны экономической деятельности при цифровизации, подчёркивая необходимость согласования уголовно-правовых и иных регулятивных механизмов [4, с. 309–335]. Валерия Сергеевна Букаткина рассматривает организационные проблемы противодействия преступлениям в сфере валютно-денежного обращения, включая потребность в специальных знаниях при их расследовании [5, с. 20–24].

Вместе с тем сохраняется необходимость комплексного определения денежного обращения именно как объекта уголовно-правовой охраны. Цель статьи — раскрыть содержание этого объекта и установить основные направления его защиты. Используются формально-юридический, системный методы и анализ научной литературы.

Основная часть

1. Экономическое содержание и юридическая сущность денежного обращения

В экономическом смысле денежное обращение представляет собой движение денег, посредством которого обеспечиваются обмен, расчёты и исполнение денежных обязательств. Оно охватывает наличную и безналичную формы, связанные между собой возможностью преобразования денежных средств из одной формы в другую.

Для юридического исследования такого определения недостаточно. Движение денежных средств осуществляется в рамках общественных отношений, участниками которых выступают государство, Банк России, кредитные организации, юридические и физические лица. Право устанавливает порядок выпуска и использования денег, проведения переводов, осуществления контроля и защиты участников расчётов.

Следовательно, денежное обращение целесообразно понимать как урегулированную правом систему общественных отношений, обеспечивающих движение денежных средств при выполнении ими денежных функций. Такое определение соединяет экономическую основу обращения с юридической организацией соответствующих процессов.

При этом необходимо различать денежную систему и денежное обращение. Денежная система характеризует институциональную организацию денежных отношений, тогда как обращение отражает их движение и практическую реализацию. Их взаимосвязь не означает тождества: преступное воздействие на отдельный платёж может затрагивать денежное обращение, но не обязательно нарушает все элементы денежной системы.

Публичная значимость обращения обусловлена тем, что возможность совершать законные и надёжные платежи необходима всему обществу. Вместе с тем публичный интерес не устраняет частного: устойчивость расчётов имеет значение именно потому, что обеспечивает удовлетворение потребностей граждан, организаций и государства. Такой подход согласуется с исследованием денежного обращения как публичной потребности [1, с. 30–38].

2. Денежное обращение в системе объектов уголовно-правовой охраны

Объектом уголовно-правовой охраны выступают не деньги сами по себе, а общественные отношения и охраняемые интересы, которым преступление причиняет вред либо создаёт угрозу его причинения. Денежные знаки, платёжные документы и технические устройства могут являться предметами преступления или средствами его совершения, однако не заменяют объект охраны.

Например, при фальшивомонетничестве поддельная банкнота является предметом преступления, а охраняемым благом — установленный порядок денежного обращения. При неправомерном обороте средств платежей значение приобретает защищённость платёжных отношений. При хищении денежных средств основным объектом выступают отношения собственности, хотя способ совершения преступления может затрагивать банковскую или платёжную инфраструктуру.

Поэтому денежное обращение нельзя признавать единственным непосредственным объектом любого преступления, связанного с деньгами. Его уголовно-правовая охрана имеет комплексный характер и обеспечивается совокупностью норм, защищающих различные стороны денежных отношений. В литературе обоснованно рассматривается взаимосвязь преступлений против подлинности денег, законности оборота платёжных инструментов и правомерности включения доходов в экономику [2, с. 45–52].

Как показывает практика, уголовно-правовая охрана денежного обращения не ограничивается борьбой с подделкой наличных денег. Она охватывает платёжную инфраструктуру, законность отдельных денежных операций и имущественные интересы участников расчётов. Вместе с тем перечисленные нормы имеют неодинаковые непосредственные объекты. Включение норм о хищениях в таблицу характеризует их функциональную связь с безопасностью денежных расчётов, а не превращает отношения собственности в разновидность денежного обращения.

3. Особенности охраны денежного обращения в условиях цифровизации

Цифровизация изменяет способы движения денежных средств и механизмы преступного воздействия на них. При дистанционных расчётах существенное значение приобретают достоверность платёжных распоряжений, защищённость доступа и возможность установить действительного участника операции. Поэтому безопасность денежного обращения зависит не только от подлинности денежных знаков, но и от надёжности информационного сопровождения платежа.

При этом необходимо разграничивать денежные средства, электронные средства платежа и цифровые активы. Технологическая форма сама по себе не определяет уголовно-правовую квалификацию. Правоприменитель должен устанавливать юридическую природу соответствующего объекта, характер действий виновного и признаки конкретного состава преступления.

С. А. Боженок подчёркивает, что уголовно-правовая защита оборота средств платежей предполагает использование категорий, содержание которых определяется другими отраслями права [3, с. 127–134]. Отсюда следует необходимость согласованного толкования уголовных, гражданских и финансово-правовых норм. Расширительное понимание технических терминов не должно подменять доказанность признаков преступления.

Совершенствование охраны денежного обращения также нельзя сводить к постоянному расширению уголовных за-

претов. Необходимы соразмерность ответственности, определённость составов и разграничение преступлений с иными правонарушениями. Такой вывод соответствует подходу к согласованию различных правовых механизмов обеспечения экономической безопасности, представленному С. Л. Нуделем и Д. А. Печегиным [4, с. 309–335].

Практическое значение имеют и организационные меры: повышение квалификации сотрудников, использование специальных знаний, взаимодействие с финансовыми организациями. Рассмотренные В. С. Букаткиной проблемы показывают, что эффективность противодействия преступлениям зависит не только от содержания запрета, но и от способности установить механизм незаконной операции [5, с. 20–24].

Выводы. Денежное обращение как объект уголовно-правовой охраны представляет собой систему общественных отношений, обеспечивающих законное и безопасное движение денежных средств. Его сущность определяется единством частных имущественных интересов и публичной потребности в устойчивом функционировании расчётов.

Охраняемые отношения необходимо отличать от предмета преступления и средств его совершения. Деньги, платёжные документы и технические устройства приобретают различное уголовно-правовое значение в зависимости от конкретного состава.

Защита денежного обращения обеспечивается комплексом норм, противодействующих фальшивомонетничеству, неправомерному обороту средств платежей, легализации преступных доходов и другим посягательствам. Однако связь преступления с деньгами не означает тождества его непосредственного объекта денежному обращению.

Перспективы совершенствования охраны связаны с межотраслевой согласованностью законодательства, определённостью уголовных запретов и развитием профессиональных компетенций правоприменителей. Такой подход позволяет укреплять финансовую безопасность России без необоснованного расширения уголовной репрессии.

Литература:

1. Крылов О. М. Денежное обращение и его организация в Российской Федерации как публичные потребность и интерес // Административное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 30–38. [Электронный ресурс] (https://cyberleninka.ru/article/n/denezhnoe-obraschenie-i-ego-organizatsiya-v-rossiyskoy-federatsii-kak-publichnye-potrebnost-i-interes).
2. Печегин Д. А. Проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности за преступления, посягающие на денежную систему, в условиях цифровизации экономических отношений // Российский журнал правовых исследований. 2021. Т. 8. № 1. С. 45–52. DOI: 10.17816/RJLS64398. [Электронный ресурс] (https://journals.eco-vector.com/2410–7522/article/download/64398/pdf_1).
3. Боженок С. А. Уголовно-правовое противодействие неправомерному обороту средств платежей (ст. 187 УК РФ) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 10 (98). С. 127–134. [Электронный ресурс] (https://vestnik.msal.ru/jour/article/view/1873).
4. Нудель С. Л., Печегин Д. А. Тенденции уголовной политики в области охраны экономической деятельности в условиях цифровизации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 56. С. 309–335. DOI: 10.17072/1995–4190–2022–56–309–335. [Выпуск журнала] (http://jurvestnik.psu.ru/2022–2/2022–2.pdf).
5. Букаткина В. С. Организационные проблемы противодействия преступлениям в сфере валютно-денежного обращения в Российской Федерации в условиях цифровизации // Юрист спешит на помощь. 2023. № 2. С. 20–24. [Электронный ресурс] (https://lawinfo.ru/articles/2640/organizacionnye-problemy-protivodeistviya-prestupleniyam-v-sfere-valyutno-deneznogo-obrashheniya-v-rossiiskoi-federacii-v-usloviyax-cifrovizacii).

Реформирование законодательства о местном самоуправлении

Булавка Даниил Сергеевич, студент магистратуры
Московский гуманитарный университет

В данной публикации исследуются предпосылки изменения федерального законодательства о местном самоуправлении, определяются ключевые аспекты вновь принятого федерального закона, формируются суждения о перспективах его практической реализации.

Ключевые слова: *местное самоуправление, муниципальное образование, представительный орган, выборы, муниципалитет.*

В июне 2025 года вступил в действие Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [2] (ФЗ № 33), который пришел на

смену ранее действовавшему с 2003 года Федеральному закону от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3] (ФЗ № 131), который еще не полностью утратил свою юридическую силу и будет действовать до конца 2027 года. Данная преемственность обусловлена объективными обстоятельствами, среди которых специалисты в области муниципального управления отмечают следующие.

Во-первых, принятые в 2020 году поправки в Конституцию РФ [1], определили место органам местного самоуправления в структуре публичной власти, что, с одной стороны, радикально укрепило их значимость, а с другой — потребовало законодательного пересмотра ключевых положений, определяющих такие сферы правового регулирования, как взаимодействие с государственной властью федерального уровня, реализация собственных полномочий на местном уровне, с учетом нового государственного статуса.

Во-вторых, в силу длительного периода действия ФЗ № 131, многие его положения морально устарели и перестали отвечать современным вызовам и жизненным трендам. В силу того, что на протяжении более чем двадцати лет исследуемый закон претерпел внесение множества изменений (по нашим подсчетам их было — 57), он приобрел избыточную громоздкость, перестал выступать слаженным механизмом правового регулирования, утратил свою эффективность в виду рассогласованность между имеющимися и вновь вносимыми нормами. В свою очередь, ФЗ № 33 призван четко определить ключевые термины и специальные понятия, которые являются базовыми для муниципального права и ранее в законе не раскрывались. Например, «городской округ», «муниципальный округ», «внутригородские территории в городах федерального значения».

В-третьих, важнейшей детерминантой принятия ФЗ № 33 выступала задача по обеспечению одноуровневой системы организации местного самоуправления и одновременно с этим сохранения функций, свойственных для двухуровневой модели управления. Так, одноуровневая модель **позволяет организовать муниципальное управление между такими муниципальными образования, как** городской округ, муниципальный округ и внутригородские муниципальные образования в городах федерального значения (Москве, Санкт-Петербурге, Севастополе). В свою очередь, двухуровневая (традиционная) модель управления обеспечивается взаимодействием между поселениями (сельскими и городскими) и муниципальными районами. Задача нового закона сохранить вариативность управления, что будет полезно в плоскости правоприменения в отдельных регионах в силу устоявшихся социально-экономических, исторических, национальных и иных особенностей их формирования и развития [4, с. 7].

Обобщая сказанное, необходимо отметить, что законодательное реформирование института самоуправления является не только правовой новацией, но и обещает достичь существенных и, что самое главное, долгожданных изменений в практической плоскости, положительно повлиять на деятельность муниципалитетов.

Органы муниципальной власти всегда были и остаются наиболее выраженной формой народной демократии. ФЗ № 33 существенно укрепил демократический потенциал муниципалитетов, что стало возможным за счет расширения инструментов гражданского участия в их управлении. Так, на законодательном уровне четко определены и разграничены такие формы демократического управления, как местный референдум, муниципальные выборы, сход граждан. Также регламентируются формы участия граждан в управлении муниципальным образованием: опрос, публичные слушания, общественные обсуждения, инициативные проекты, территориальное общественное самоуправление, институт старосты.

В соответствии с ч. 1 ст. 14 ФЗ № 33 в состав органов местного самоуправления входят следующие структурные органы: представительный орган муниципального образования, глава муниципального образования, местная администрация (исполнительно-распорядительный орган муниципального образования), контрольно-счетный орган муниципального образования, а также иные органы, создание которых обусловлено необходимостью решения вопросов обеспечения жизнедеятельности населения. Из данной нормы следует, что законодательно устанавливаются так называемые обязательные органы местного самоуправления и факультативные. Также в ФЗ № 33 четко определен порядок их формирования, объем предоставляемых полномочий и сроки их действия.

Представительный орган местного самоуправления формируется посредством избрания депутатов при проведении муниципальных выборов. Численность депутатов регламентирована на законодательном уровне; в основу ее определения положен критерий численности населения, проживающего в отдельно взятом муниципальном образовании. Для представительного органа муниципального района минимальная численность установлена в размере **не менее 15 человек.** При этом из ФЗ № 33 исключён способ формирования, который был возможен только при двухуровневой модели: когда представительный орган муниципального района формируется из числа глав и депутатов поселений, входящих в его состав. К числу законодательных новаций также необходимо отнести: установление единого пятилетнего срока депутатских полномочий; закрепление 50 % кворума участия депутатов для признания принятых решений правомочными; определение минимальной периодичности проведения заседаний — не реже одного раза в квартал; наделение представительного органа местного самоуправления статусом юридического лица.

Согласно ч.8 ст. 15 ФЗ № 33 полномочия по организации деятельности представительного органа муниципального образования возложены на председателя, который избирается из числа депутатов данного органа местного самоуправления.

Статус главы муниципального образования регламентирован в ст. 19 ФЗ № 33. Он является высшим должностным лицом, наделенным специальными управленческо-распорядительными полномочиями относительно нижестоящих должностных лиц.

Таким образом, принятие ФЗ № 33 обусловливает наступление нового периода правового регулирования для муниципалитетов и предопределяет повышение эффективности организации деятельности органов местного самоуправления в структуре государственной власти.

Выделим перспективные цели реформирования, которые, на наш взгляд, будут достигнуты:

1. Пересмотр территориальной организации. Новый закон обеспечит сохранение двух моделей территориальной организации управления: одноуровневой и двухуровневой. Это позволит в одних субъектах сохранить традиционную форму организации местного самоуправления (поселения и муниципальные районы), а в других расширить (укрупнить) структуру (городской округ, муниципальный округ и внутригородское муниципальное образование города федерального значения).

2. Введение новой модели полномочий. На смену понятию «вопросы местного значения» пришло понятие «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения», которые распределены на три составляющие, по критерию раздельного и совместного ведения между муниципалитетом и регионом: вопросы для рассмотрения на местном уровне; вопросы для рассмотрения на уровне органов государственной власти субъекта РФ; вопросы делегирования от органа государственной власти субъекта в отношении муниципалитета.

3. Изменения в порядке формировании и деятельности органов власти. Регламентировано четыре варианта избрания главы муниципального образования; установлен единый пятилетний срок депутатских полномочий.

4. Расширение возможностей для участия населения в решении вопросов муниципалитета. Законодательно скорректирован порядок проведения схода граждан, опроса, публичных слушаний, общественных обсуждений, собрания граждан, внесения инициативных проектов, а также требования к старосте сельского населённого пункта. При этом некоторые формы прямого участия (например, отзыв выборных должностных лиц) были исключены.

Таким образом, правовая реформа органов местного самоуправления направлена на повышение эффективности и улучшение взаимодействия уровней власти. С другой — существуют опасения, что усиление роли регионов в перераспределении полномочий может со временем снизить автономность местного самоуправления. На практике муниципалитетам предстоит не просто адаптация, а серьёзная перестройка рабочих процессов. Самая актуальная задача для органов местного самоуправления заключается в пристальном мониторинге за изменениями федерального и регионального законодательства, с целью своевременной актуализации собственных управленческих механизмов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.
2. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ (ред. от 09.04.2026) «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства РФ, 24.03.2025, № 12, ст. 1200.
3. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.02.2026) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ», 06.10.2003, № 40, ст. 3822.
4. Диденко А. Н. Соотношение публично-властных и общественных компонентов в организации местного самоуправления и муниципальных образований и их опора на традиционные российские цивилизационные ценности // Местное право. 2025. № 2. С. 3–14.

3

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 44 (647) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 11.11.2026. Дата выхода в свет: 18.11.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; https://moluch.ru/

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.